

587

1

ЭТИМОЛОГИЯ

сартовскаго языка.

Для курсовъ при Ташкентскомъ отдѣленіи
Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія

Составилъ Н. ОСТРОУМОВЪ.

*Изданіе типографіи, состоящей при Канцеляріи
Туркестанскаго Генералъ-Губернатора.*

Ташкентъ.
Тип. при канц. Турк. Ген.-Губ.
1910.

Памяти

моего незабвеннаго учителя,

Николая Ивановича Ильминскаго —

благодарно посвящаетъ настоящій трудъ

а в т о р ъ

Языкъ каждаго живого народа растеть и развивается по собственнымъ законамъ: не во власти чловѣка ни произвести, ни отвратить происходящія въ языкѣ перемѣны.

Латинскій грамматикъ Марцеллъ однажды сказалъ императору Тиверію: „ты, Государь, можешь давать право римскаго гражданства людямъ а не словамъ“

Оглавленіе.

Страницы.

Необходимыя замѣчанія о названіи „сартъ“ и о языкѣ сартовъ	3—38
О частяхъ рѣчи въ сартовскомъ языкѣ	39—42
Имена существительныя	42—47
Производственные приставки для образо- ванія именъ существительныхъ	47—51
Составныя слова	51—53
Образованіе прилагательныхъ именъ	53—56
Образованіе степеней сравненія	56—57
Образованіе именъ числительныхъ	58—60
Образованіе порядковыхъ числительныхъ	60—62
О мѣстоименіяхъ	62—64
Общая форма склоненій	65—68
Правила производства глаголовъ	68—75
Общія замѣчанія о глагольныхъ формахъ	76—77
Основные глагольныя формы	78—83
Формы спряженія сартовскихъ глаголовъ	83—94
Вспомогательныя глаголы	94—98
О выраженіи желанія, хотѣнія, аппетита	99—
О нарѣчіяхъ	100—102
Послѣлоги	102—104
О союзахъ	105—106
Междометія	107—108
Заключеніе	108—112

Приложеніе: Образецъ современнаго
литературнаго изложенія сартовъ.

Необходимыя замѣчнія о названіи „сартъ“ и о языкѣ сартовъ.

Начинающіе изучать сартовскій языкъ естественно задаютъ вопросы: какой это языкъ? Кого нужно называть *сартами*? Къ какой этнографической группѣ относится эта народность?

Вопросы эти не случайные и не легкіе. Со времени занятія русскими Ташкента въ 1865 году, было высказано много самыхъ разнообразныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, что вынудило меня еще въ 1884 году составить для „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ (№№ 28 — 31) замѣтку о значеніи слова „сартъ“. Но и послѣ того къ этому вопросу возвращались мѣстные авторы и петербургскіе оріенталисты, на что я всегда обращалъ вниманіе и въ своей книгѣ „Сарты“ (изданной три раза) заносилъ появлявшіяся въ печати мнѣнія о словѣ „сартъ“ и о языкѣ сартовъ*).

Въ настоящемъ изданіи я упоминаю еще объ одномъ историко-литературномъ свидѣтельствѣ въ подтвержденіе моего мнѣнія о сартахъ, какъ самостоятельной этнографической группѣ. Въ изданной въ 1908 году Джагатайской поэмѣ „Шейбани-намэ“,

*) См. мою книгу „Сарты“. Этнографическіе матеріалы. Изданіе третье. Ташкентъ. 1908. Стр. 3—91.

авторомъ которой былъ Мухаммедъ Салихъ, современникъ Миръ-Али-Шира Неваи, умершій въ Бухарѣ въ 941 году гиджры (1533—1530 г. по Р. Хр.),—слово „сартъ“, какъ названіе этнографической группы, встрѣчается на стр. 38 и 84, а на стр. 197 сарты упоминаются рядомъ съ узбеками и моголами (калмыками). Значить, и Мухаммедъ Салихъ не смѣшивалъ сартовъ съ узбеками и не придавалъ названію „сартъ“ браннаго значенія.

Для интересующихся даннымъ вопросомъ привожу здѣсь напечатанные въ книгѣ моей „Сарты“ выводы относительно этого слова.

1) Названіе „сартъ“ (سارت) имѣетъ происхожденіе очень древнее и не могло быть выдуманно ни киргизами, ни тѣмъ болѣе русскими. Это названіе встрѣчается въ письменномъ памятникѣ XI-го вѣка „Кудатку-биликъ“, а затѣмъ у Рашидэддина и у Плано-Карпини (въ XIII в.).

2) Названіе это прилагается къ осѣдлымъ жителямъ городовъ и селеній Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей*) и отчасти Аму-Дарьинскаго отдѣла и отличаетъ ихъ какъ отъ киргизъ и туркменъ, такъ и отъ таджиковъ и узбековъ, не только по языку, но и по отсутствію у сартовъ родового быта.

3) Хотя и не возможно въ настоящее время окончательно разрѣшить вопросъ о значеніи слова „сартъ“, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ предполагать въ немъ не только ругательнаго, но и

*) Последнее по времени документальное свидѣтельство о словѣ „сартъ“ было сообщено членомъ Турк. арх. кружка И. А. Бѣляевымъ, указавшимъ это слово въ грамотѣ Ширъ-Али-хана (см. Протоколы кружка за 1907 годъ).

насмѣшливаго смысла: такое предположеніе не подтверждается употребленіемъ этого названія у древнихъ и позднѣйшихъ средне-азіатскихъ писателей, равно въ русскихъ памятникахъ и у современныхъ намъ туземцевъ. Приводимая г. Лапинымъ киргизская легенда не заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

4). Если кочевники Туркестанскаго края не всегда доброжелательно относились къ сартамъ и потому иногда произносятъ это слово съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, то это должно быть объясняемо историческими и бытовыми причинами. Примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить подобныя-же отношенія великороссовъ къ малороссамъ, полякамъ и къ инородцамъ Россіи и обратно, т. е. отношенія инородцевъ къ русскимъ, какъ къ своимъ завоевателямъ. Прислушайтесь къ русскимъ и туземнымъ рабочимъ, и вы замѣтите, какъ иногда произносятъ сарты слово „урусъ“, а русскіе выраженіе „сартъ“. Въ минуты раздраженія тѣ и другіе выражаютъ свой гнѣвъ особымъ тономъ, причемъ русскіе прибавляютъ къ слову „сартъ“ выраженіе „проклятый“, а сарты къ слову „урусъ“ выраженіе „шайтанъ“; однако никому еще не приходило на мысль придавать слову „русскій“ значеніе ругательнаго слова.

5). Многіе авторы, высказывавшіе мнѣнія о значеніи слова „сартъ“, повторяли одинъ за другимъ замѣчаніе А. Борнса и не трудились вникнуть въ дѣло глубже. Реклю ссылается на мнѣнія разныхъ Туркестанскихъ авторовъ и всѣмъ имъ придаетъ одинаковую вѣру*). Г. Лапінъ ничего новаго не

*) Но отъ Реклю нельзя и требовать другаго отношенія къ заимствованнымъ имъ цитатамъ; если-бы онъ зналъ о существованіи другихъ мнѣній, то не преминулъ-бы остановить на нихъ свое вниманіе.

высказалъ въ этомъ отношеніи*). Я представилъ для выясненія названія слова „сартъ“ данныя, на основаніи которыхъ, по крайней мѣрѣ, русскіе туркестанцы должны перестать повторять объ этомъ словѣ странныя мнѣнія, свои и чужія.

6) Нѣкоторые авторы сѣгуютъ на то, что названіе „сартъ“ не заключаетъ въ себѣ этнографическаго смысла и высказываютъ желаніе вычеркнуть это названіе изъ этнографическаго словаря. На это можно выразить, что и многія другія, утвердившіяся въ употребленіи и наукѣ народныя названія имѣютъ случайный, а иныя странный, или совсѣмъ даже непонятный этимологическій смыслъ. Лучшимъ примѣромъ служитъ слово „нѣмецъ“, которое до сихъ поръ принято не только въ обыкновенномъ употребленіи, но и въ наукѣ. Изъ этого примѣра можно понять, что о названіи спорить бесполезно, и едва ли кто будетъ въ состояніи изъять слово „сартъ“ изъ народнаго употребленія.

7) Точно такъ же невозможно вновь установить предлагаемое г. Лапинымъ выраженіе *ново-узбекскій языкъ***), вмѣсто *сартскій языкъ*, такъ какъ, по прихоти одного человѣка, такія названія не прививаются ни въ народѣ, ни въ наукѣ.

8) Въ этнографическомъ отношеніи сарты представляютъ собою типъ смѣшанный, происшедшій отъ сліянія древняго иранскаго населенія Туркестана съ позднѣйшими завоевателями и поселенцами тюрко-монгольскаго племени. Признаками этого типа служатъ съ одной стороны особенности физическаго

*) Подобныя толкованія встрѣчаются и у другихъ авторовъ.

***) Предложеніе это только показываетъ, что авторъ самъ не увѣренъ въ справедливости своего протеста.

строенія, съ другой стороны языкъ, въ основѣ тюркскій, но отличающійся отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и извѣстный подъ именемъ *сартъ-тили* и, наконецъ, отсутствіе родового быта, до сихъ поръ сохранившагося среди узбековъ, киргизъ и др.

9) Отъ киргизскаго нарѣчія сартскій идиомъ рѣзко отличается фонетикой и лексикологіей, а также и грамматическими формами, такъ что безъ привычки киргизу трудно понимать сарта, особенно во время разговора о предметахъ, выходящихъ за предѣлы обыденныхъ житейскихъ интересовъ. Отъ узбекскаго нарѣчія сартское отличается большимъ богатствомъ словаря и фразеологіи; фразеологія у сартовъ, какъ людей, болѣе книжныхъ, богаче и разнообразнѣе подъ вліяніемъ арабской и персидской литературы. Въ обоихъ случаяхъ сартскій діалектъ будетъ занимать среди киргизскаго и узбекскаго языковъ такое же мѣсто, какое, на примѣръ, великорусскій (московскій) говоръ занимаетъ среди малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій. Татарское произношеніе, сравнительно съ сартскимъ, грубо, особонно при произношеніи гортанныхъ звуковъ (*шаригатъ, ракигатъ, габдулла* и под.), а грамматическія формы имѣютъ наклонность тенденціознаго подражанія турецкой письменной рѣчи, особенно въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ „освободительной“ татарской печати. Синтаксическія же формы всѣхъ названныхъ нарѣчій вообще недостаточно обильны и не успѣли развиться настолько, чтобы удовлетворяютъ новымъ сложнымъ потребностямъ жизни, выдвинутымъ освободительнымъ движеніемъ. Попытки мѣстныхъ либеральныхъ

газетъ („Тараккы“, „Хуршидъ“, „Азія“), издававшіяся въ Ташкентѣ для сартовъ, подъ руководствомъ татаръ, давали такіе нескладные и непонятные обороты рѣчи, что въ нихъ было очень трудно разбираться. Между тѣмъ сартскій діалектъ, при умѣломъ использованіи его литературныхъ формъ, можетъ постепенно совершенствоваться и развиваться правильно, согласно съ свойственными ему законами.

10) Наконецъ, сарты, какъ населеніе осѣдлое съ преобладающею склонностью къ торговлѣ и обогащенію, имѣютъ большій, сравнительно съ киргизами и узбеками, доступъ къ школѣ, какъ къ туземной, такъ и къ русско-туземной, а школа всегда кладетъ свою печать на языкъ учащихся, сообщая ему чистоту книжныхъ формъ и обогащая его лексическій запасъ научно-религіозной терминологіей. И въ произведеніяхъ поэтическаго творчества поэты сартовъ отличаются отъ киргизъ и узбековъ не только сюжетами, но и складомъ стиха, такъ какъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ слагатели стихотворной рѣчи стараются подражать персидскимъ образцамъ*).

Принимая во вниманіе такую зависимость сартской книжной рѣчи отъ персидскихъ и арабскихъ произведеній, литературныхъ и научныхъ, можно примѣнить къ сартскому нарѣчію сравненіе съ книжнымъ языкомъ до-Петровской Руси, находившимся подъ вліяніемъ польско-латинскимъ, а также съ ложно-классическимъ періодомъ русской послѣ-

*) Ср. русскіе переводы сартскихъ стихотворныхъ произведеній съ таковыми же киргизскими.

Петровской литературы. Несомнѣнно, сартовскій языкъ, какъ языкъ живого народа, не только живетъ, но и развивается, растеть. Съ русскимъ правленіемъ въ Туркестанскомъ краѣ и съ расширяющимся житейскимъ общеніемъ сартовъ съ русскими, въ языкъ сартовъ постепенно входятъ заимствованныя слова и выраженія — бытовыя, техническія и литературныя, подвергающіяся при этомъ необходимому фонетическому искаженію, какъ это было и въ исторіи русскаго языка въ періодъ юго-западной образованности и въ вѣкъ Петра Великаго, съ тою крупною разницею, что, хотя среди современныхъ сартовъ встрѣчаются поэты въ родѣ Симеона Полоцкаго, но всѣмъ нѣтъ ученыхъ, понимающихъ достоинства и цѣнность чистоты родного языка. Представители школьной учености (мударрисы), а также представители юриструденціи (казіи, муфтіи, аглямы) предпочитаютъ придерживатся въ своихъ писаніяхъ формъ и оборотовъ персидско-арабскихъ. Немногіе литературщики, подпавшіе подъ вліяніе татаръ, усвоили у послѣднихъ манеру вставлять въ свою рѣчь турецкія выраженія*) и нѣкоторыя грамматическія формы, вслѣдствіе чего основныя формы литературнаго языка, сохранившіяся въ памятникахъ джагатайскаго періода, постепенно замѣняются новыми, турецко-татарскими. Прогрессивно-образовательныя попытки передовыхъ татаръ, стремящихся ассимилировать всѣхъ инородцевъ Россіи, исповѣдующихъ исламъ, неизбѣжно коснулись и языка сартовъ не только въ нѣкоторыхъ грамматическихъ

*) Особенно понравилось сартамъ выраженіе „Эфенди“ вмѣсто прежняго „Джанабъ“.

формахъ, но и въ орѳографіи, какъ напр. въ написаніи приставки множеств. числа (лар لار) безъ алифа (لر), въ написаніи приставки исход. пад. (دين دين) безъ и (دن) и въ приставкѣ род. пад. (نينك نينك) посредствомъ одного сагыръ-нуна (نك) и под. При этомъ младо-татары, вопреки всякой очевидности, не только инородцамъ-мусульманамъ доказываютъ, но и русскихъ увѣряютъ, что арабскій алфавитъ—единственно пригодный алфавитъ для выраженія звуковъ всѣхъ тюркскихъ нарѣчій. Такъ одно время проповѣдовалъ въ своей газетѣ извѣстный крымскій публицистъ Измаиль Гаспринскій. Тоже открыто высказывалъ членъ Комиссіи при Мин. Нар. Пр. въ 1907 году по вопросу объ образованіи инородцевъ Россіи, г. Еникеевъ. „Туркестанстанская Туземная газета“, по мѣрѣ силъ, борется съ этою ложною тенденціей, безусловно вредною для естественнаго развитія живого *сартовскаго* языка.

Въ видахъ филологической характеристики *сартовскаго* языка, здѣсь перепечатываются относящіяся къ этому предмету мои замѣтки, составленныя для „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ въ 1907 году*).

Максъ Мюллеръ, авторъ увлекательныхъ лекцій по наукѣ о языкѣ, читанныхъ имъ въ Оксфордѣ въ прошломъ столѣтіи, въ первой своей лекціи, высказалъ, что одна изъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ этой науки состоитъ въ тонкости анализа, ко-

*) №№ 41, 43, 46, 47 и 48.

торому подвергается каждый языкъ, каждое нарѣчіе, каждое слово, каждая грамматическая форма. Конечно, замѣчаетъ онъ, склоненія и спряженія нельзя сдѣлать занимательными, и лекторъ языка не можетъ воспользоваться преимуществомъ большей части преподавателей, оживляющихъ свои разсужденія краснорѣчіемъ, опытами или изображеніями; изученіе словъ кажется скучнымъ ученику, какъ мостовщику разбиваніе и укладка камней, но для глубокомысленнаго взора геолога, по словамъ талантливаго ученаго, и эти камни полны интереса, такъ что онъ видитъ чудеса на мостовой и читаетъ хроники во всякой канавѣ, потому что подъ внѣшними покровами языка скрываются цѣлыя хроники и во всякомъ словѣ содержатся поученія.

Такъ идеализировалъ Максъ Мюллеръ предметъ своихъ научныхъ чтеній и высказалъ убѣжденіе, что изслѣдованія изъ исторіи языковъ и о свойствѣ человеческого слова заслуживаютъ большаго сочувствія публики, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ они пользовались въ его время въ Англіи. Тѣмъ менѣе такая идеализація подходитъ къ мѣстнымъ (Ташкентскимъ) курсамъ восточныхъ языковъ*). Опыты нѣсколькихъ лѣтъ показали, что даже со стороны взрослыхъ людей для успѣшнаго изученія языковъ не достаточно одного желанія, усиливаемаго возможностью приложенія знаній къ дѣлу, къ практикѣ, что первый пылъ увлеченія обыкновенно скоро проходитъ, и большая часть взрослыхъ курсистовъ оставляютъ избранныя ими самими занятія, не дожидаясь окончація даже

*) Въ семестрѣ 1909—1910 г. такіе курсы открыты при Отдѣленіи Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія.

зимняго семестра. Объясненіе такому явленію подыскать не трудно; стоитъ только принять во вниманіе разнородность слушателей мѣстныхъ курсовъ, ихъ неодинаковую подготовку къ изученію языковъ и неодинаковыя жизненныя условія, въ какихъ находятся разные слушатели.

На долю, можетъ быть, большинства слушателей мѣстныхъ курсовъ остается самостоятельная работа на дому; но для этой работы встрѣчается затрудненіе въ отсутствіи соотвѣтствующихъ руководствъ и пособій. Вотъ почему позволяемъ себѣ думать, что предлагаемая замѣтки по сартовскому языку будутъ прочитаны нѣкоторыми курсистами, изучающими сартовскій языкъ и, если эти замѣтки принесутъ имъ какую-нибудь пользу, то авторъ будетъ считать свой трудъ не напраснымъ.

I.

Такъ называемый „Сартовскій языкъ“ (سارت تیلی, сартъ-тили, سارت زبانی, сартъ-забани) представляетъ собою говоръ или идиомъ многочисленной группы тюркскихъ языковъ, которые Максъ Мюллеръ относитъ къ туранскому семейству, въ отличіе отъ арійскихъ языковъ индо-германской группы. При этомъ авторъ обращаетъ вниманіе на одно поучительное для мѣстныхъ отрицателей*) самостоятельности сартовскаго діалекта явленіе, состоящее въ томъ, что даже близко сродные языки, каковы напримѣръ, греческій и латинскій, установили различныя названія для сына, дочери, брата, жены, мужа, неба, земли, мѣсяца,

*) См. книгу „Сарты“ вып. I. (Ташкентъ).

руки, рта, дерева, птицы и т. д. Т.-е., изъ большаго числа синонимовъ, доставляемыхъ многочисленными діалектами арійскаго семейства, греки выбрали одинъ, римляне другой. Это интересное явленіе М. Мюллеръ называетъ естественнымъ отборомъ, вслѣдствіе котораго языки, происходящіе отъ одного праязыка, со временемъ могутъ принять совершенно различную номенклатуру для самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, такъ что если въ какомъ-нибудь языкѣ есть четыре или пять названій одного и того-же предмета, то ясно, что отъ него могутъ произойти четыре или пять языковъ, по наружному виду отличные одинъ отъ другого. Подтвержденія дѣйствія естественнаго отбора можно видѣть на языкахъ: турецкомъ (османскомъ), — татарскомъ, туркменскомъ, киргизскомъ и сартовскомъ. Не приводя примѣровъ различія названій однородныхъ предметовъ въ названныхъ языкахъ, замѣтимъ, что не каждый знающій одинъ изъ этихъ языковъ сразу разговорится съ представителями всѣхъ прочихъ языковъ. Скажемъ болѣе: иногда въ говорахъ одного и того же языка замѣчается большая разница по мѣстностямъ. И русскіе знаютъ, какъ иногда трудно разговаривать съ уроженцемъ не только другой губерніи, но и другого уѣзда.

Этотъ отборъ относится и къ грамматикѣ сродныхъ языковъ. Въ этомъ отношеніи сартовскій языкъ, какъ идиомъ осѣдлаго населенія нашего края, обособленъ отъ киргизскаго тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе распространена въ извѣстномъ районѣ мусульманская письменность. Поэтому знающій киргизскій языкъ не легко будетъ понимать письменное изложеніе

сарта. Это очевидное само по себѣ явленіе въ обыденной жизни сказывается въ томъ, что „местную“ газету, отказываются читать киргизы, вообще едва грамотные (само собою разумѣется, что неграмотные киргизы не могли бы читать ее, если бы она издавалась и на киргизскомъ нарѣчїи).

Въ отношенїи лексическомъ, сартовскій языкъ богаче киргизскаго уже и потому, что на немъ говорятъ представители мусульманской школы (мадраса) и мусульманскаго права (мударрисы и казіи), которые, при объясненїи научныхъ терминовъ и содержанїя шарїата, пользуются своимъ (сартовскимъ) языкомъ и такимъ образомъ постепенно обогатили его не только отдѣльными словами, но и цѣлыми выраженїями. Правда, это обогащенїе не всегда органическое и не всегда разумное, тѣмъ не менѣе никто не долженъ сомнѣваться въ лексическихъ и грамматическихъ отличїяхъ сартовскаго языка отъ киргизскаго. Въ исторїи сартовскаго языка, со времени утвержденїя въ бывшей Шашской области ислама и открытїя высшихъ школъ (мадраса), насталь своего рода „ложноклассическій періодъ“, который продолжается и доселѣ. Ученые же среди сартовъ напоминаютъ древне-русскихъ ученыхъ Кіево—Могилянской Академіи, а поэты сартовъ—нашего Симеона Полоцкаго. Исключенїя среди туземныхъ поэтовъ, въ родѣ Миръ Али-Шира, составляютъ явленїе единичное, а поэтамъ-мистикамъ (суфїи), въ родѣ Суфї-Аллаяра, Хазрета Яссави, Машраба и др. съ трудомъ можно подыскать какїя-нибудь параллели въ аскетической европейской литературѣ...

Но при такомъ состояннн современной письменной литературы нашихъ сартовъ, среди нихъ не было Ломоносова, не было и Тредьяковскаго*). хотя также и сарты считаютъ высшимъ проявленіемъ поэтическихъ дарованій подражаніе древнимъ арабскимъ и персидскимъ поэтическимъ образцамъ и составляютъ по этимъ шаблонамъ свои „диваны“. Недавно умершій главный секретарь хивинскаго хана, извѣстный подъ именемъ Мирза-баши, оставилъ послѣ себя такой „диванъ“, въ которомъ, какъ говорилъ намъ полковникъ Султанъ Асфендіаровъ, есть отклики и на современныя покойному темы. Было бы весьма цѣнно получить списокъ этого интереснаго поэтическаго сборника для Ташкентской публичной библіотеки.

Заканчивая настоящее предисловіе къ дальнѣйшимъ „грамматическимъ замѣткамъ“, скажемъ, что переживаемое нами „освободительное движеніе“ проникаетъ и въ среду нашихъ сартовъ и безусловно будетъ имѣть значительное вліяніе на развитіе языка сартовъ, который неизбѣжно обогатится не только новыми политическими терминами, но и будетъ постепенно вырабатывать синтаксическія формы для болѣе сложныхъ оборотовъ рѣчи и выраженія новыхъ политическихъ понятій и сужденій. Газеты—мѣстныя и татарскія внутренней Россіи—будутъ имѣть въ этомъ дѣлѣ большое значеніе.

II.

Приступая къ замѣчаніямъ о грамматическомъ строѣ сартовскаго языка, упомянемъ, слѣдуя

*) Тредьяковскій, не смотри на свою поэтическую бездарность, былъ образованнымъ цѣнителемъ роднаго языка, а ученые сарты наши совершенно пренебрегаютъ своимъ языкомъ.

М. Мюллеру, что въ разныхъ языкахъ глагольные и мѣстоименные корни не одинаково соединяются между собою при образованіи основныхъ и грамматическихъ формъ и что на этомъ основаніи въ „наукѣ о языкѣ“ различаются три рода языковъ, являющіеся представителями трехъ періодовъ въ образованіи рѣчи.

1) Въ однихъ языкахъ корни употребляются какъ отдѣльные слова, сохраняющія свою полную самостоятельность, на примѣръ, въ древне-китайскомъ языкѣ.

2) Въ другихъ языкахъ два корня соединяются вмѣстѣ, чтобы образовать новыя слова, въ которыхъ одинъ корень утрачиваетъ свою самостоятельность, превращаясь въ производственную приставку или составляя флексію спрягаемой или склоняемой формы. Этимъ свойствомъ отличаются „турецкіе“ языки, въ числѣ которыхъ и сартовскій долженъ быть названъ приставочнымъ, такъ какъ въ немъ грамматическія формы выражаются посредствомъ опредѣленныхъ приставокъ, представляющихъ собою корень, утратившій самостоятельное этимологическое значеніе.

3) Наконецъ, въ третьей группѣ языковъ два корня такъ срастаются между собою при образованіи новыхъ словъ, что оба теряютъ свою самостоятельность, какъ это наблюдается въ языкахъ арійскихъ и симитическихъ. Такіе языки называются органическими или амальгамными.

Для нашей задачи нужно подробнѣе характеризовать языки второй группы, называемые приставочными. „Туранскими“ они называются въ отличіе отъ „арійскихъ“, какъ языки кочевниковъ въ отличіе

отъ языковъ земледѣльцевъ, и раздѣляются на двѣ большія группы: сѣверную и южную. Сѣверную группу составляютъ пять языковъ: тунгузскій, монгольскій, тюркскій, финскій и самоѣдскій. Иначе они называются урало-алтайскими или угро-татарскими. Сартовскій языкъ есть идиомъ тюркскаго языка и сроденъ киргизскому, туркменскому и татарскому. Какъ языкъ первоначально кочевниковъ, общій тюркскій языкъ не могъ удержать прочно въ своихъ разветвленіяхъ общихъ чертъ (какъ это замѣчается въ языкахъ арійцевъ, ведущихъ осѣдлую жизнь), такъ какъ номады не могли образовать общаго центра политическаго, соціальнаго или литературнаго. Государства номадовъ, какъ быстро возникали, такъ же скоро и распадались, подобно пескамъ въ пустынѣ, перекатываемымъ вѣтромъ съ одного мѣста на другое. Разсѣянные на огромныхъ пространствахъ и перекочевывающіе на большія разстоянія, кочевники не могли поддерживать прочную взаимную связь между собою, что и отразилось на ихъ обычномъ правѣ, на ихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ. Часто сосѣдній родъ уже не можетъ объяснить сюжетъ народной пѣсни другого рода. Адаты киргизъ разныхъ мѣстностей въ наше время очень рѣзко различаются между собою. Какъ измѣняется языкъ у разныхъ родственныхъ кочевыхъ племенъ, видно изъ различія въ названіяхъ самыхъ необходимыхъ предметовъ, обозначаемыхъ синонимами другихъ діалектовъ, а иногда подъ вліяніемъ чуждаго племени, какъ у нашихъ сартовъ, подъ вліяніемъ персовъ. При всемъ этомъ основныя числительныя и мѣстоименія и многіе корни удержали свой общій

родовой корень, по которому можно находить отдаленное родство между разными діалектами туранскаго семейства, наримѣръ, между киргизскимъ и венгерскимъ.

Самую характерную черту всѣхъ туранскихъ языковъ и сартовскаго идіома составляютъ, какъ сказано выше, приставки, не срастающіяся съ корнемъ въ одно органическое цѣлое, а присоединяемыя внѣшнимъ способомъ, какъ бы приклеиваемыя къ корню. Таковой способъ образованія новыхъ слоговъ и грамматическихъ формъ извѣстенъ въ наукѣ о языкѣ подъ именемъ агглютинаціи (отъ латинскаго *gluten, glutinum*—клей).

По объясненію М. Мюллера, „это значитъ не только, что въ ихъ грамматикѣ мѣстоименія представляются къ глаголамъ для образованія спряженій, или что предлоги прибавляются къ существительнымъ для образованія склоненій,—въ этомъ еще не было-бы отличительной характеристики туранскихъ или номадскихъ языковъ, ибо какъ въ еврейскомъ, такъ и въ санскритскомъ спряженіе и склоненіе первоначально образовались по одному и тому же началу. Туранскіе языки отличаются отъ другихъ тѣмъ, что элементы спряженія и склоненія еще могутъ быть разобраны въ нихъ по частямъ и, хотя хотя окончанія не во всѣхъ случаяхъ удержали свою силу значенія, какъ отдѣльныя слова, однако чувствуются измѣняющіеся слоги, отличные отъ корней, къ которымъ они прибавлены“. Склоненіе и спряженіе и въ арійскихъ языкахъ первоначально выражались посредствомъ прибавленія, агглютинаціи; но составныя части въ арійскихъ языкахъ скоро начали

сростаться, образуя такимъ образомъ цѣльное слово, подверженное въ свою очередь фонетическому искаженію до такой степени, что послѣ нѣкотораго времени сдѣлалось невозможнымъ отличать корень слова отъ измѣняющихъ его элементовъ. Поэтому различіе между арійскими и туранскими языками иногда такое же, какъ между хорошею и дурною мозаикою: арійскіе языки кажутся изготовленными изъ одного куска, тогда какъ въ туранскихъ языкахъ ясно видны расщепы и щели, гдѣ склеены между собою мелкіе камни. Въ такомъ видѣ туранскіе языки остались и послѣ, несмотря на дальнѣйшій ростъ ихъ въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. Среди кочевыхъ народовъ, при ихъ постоянномъ передвиженіи по степямъ, при отсутствіи общенароднаго преданія и литературы, чувствовалась и сознавалась потребность поддерживать коренныя слова и формы такъ, чтобы коренная часть слова рельефно выдѣлялась, отличаясь отъ приставокъ, и не поглощалась бы производственными и флективными элементами, какъ это было въ языкахъ третьяго или флективнаго періода. Въ арійскихъ языкахъ, напримѣръ, личное мѣстоименіе въ спряженіи уже не отличается ясно, но общее приданіе и литература, законы и обычаи поддерживаютъ память о древнихъ грамматическихъ формахъ и видоизмѣненіяхъ слова (напримѣръ *age* отъ древняго *eage*, сокращ. изъ *aetaticum*, *aevum* отъ *aevitas* и т. д.). Туранскіе языки не могутъ образовать такихъ словъ и, если они появляются, то скоро исчезаютъ. По красивому сравненію М. Мюллера, въ постоянно бродячемъ состояніи кочевниковъ никакая плохая монета не мо-

жетъ быть терпима въ обращеніи, потертая надпись не будетъ принята на вѣру: металлъ долженъ быть чистъ, подпись должна быть вполне ясна, чтобы металлъ можно было взвѣсить, а подпись ясно разобрать, или по крайней мѣрѣ хорошо признать, какъ вѣрный признакъ дѣйствительной цѣнности монеты. По этой причинѣ въ языкахъ кочевыхъ народовъ число неправильностей или грамматическихъ исключеній не значительно, а мы прибавимъ, что и самыхъ формъ склоненія и спряженія немного, какъ проста и несложна жизнь кочевниковъ.

Все это относится и къ языку сартовъ, которые, съ переменной быта, удержали языкъ кочевниковъ, обогативъ его элементами персидской литературы, арабскаго богословія и юриспруденціи.

III.

При такой прозрачности грамматическаго строенія и, такъ сказать, кристаллической ясности новыхъ, производственныхъ формъ, языки второго или приставочнаго періода болѣе защищены противъ фонетическаго искаженія, въ сравненіи съ арійскими и симитическими языками, но въ то же время допускаютъ діалектическое возрожденіе подъ вліяніемъ политическихъ переменъ въ народнѣй жизни. Какъ на примѣръ такого возрожденія, М. Мюллеръ указываетъ на венгерскій, финскій и нѣкоторые другіе языки туранскаго семейства. Еще болѣе слѣдовало бы указать на языкъ османскій. Языкъ татаръ казанскихъ и крымскихъ, а равно и кавказскихъ, за послѣднія десятилѣтія сильно измѣняется, чтобы не сказать—искажается, подъ наплывомъ новыхъ политическихъ идей и отношеній, сознаваемыхъ бо-

лѣе образованными, передовыми татарами. Измѣненія эти настолько очевидны, что въ средѣ самыхъ татаръ возникалъ споръ о большой чистотѣ того или другого діалекта. Къ сожалѣнію, спорщики, не получивъ филологическаго образованія, не могутъ имѣть яснаго представленія о чистотѣ языка.

Такая склонность къ искаженіямъ фонетическихъ и грамматическихъ формъ замѣчается въ послѣднее время и на сартовскомъ діалектѣ. И это понятно: представители мѣстной мусульманской школы (мадраса) цѣнятъ языкъ съ точки зрѣнія арабскихъ и персидскихъ примѣсей къ народному языку*), а о значеніи коренныхъ формъ и законовъ родного языка не имѣютъ даже элементарныхъ представлений. Въ этомъ отношеніи наши ученые сарты стоятъ ниже русскихъ предшественниковъ и современниковъ Петровской эпохи: у нихъ родной языкъ въ полномъ пренебреженіи и еще не было ни одной попытки составить хотя-бы шаблонную грамматику сартовскаго языка. Авторъ „Очерковъ тюркскаго языка по говору въ Восточномъ Туркестанѣ—въ Кашгарѣ и Яркендѣ“ Р. Б. Ша поставилъ эпиграфомъ къ своему труду такую восточную поговорку: „Арабскій языкъ—истинное знаніе, персидскій языкъ—сахаръ, индійскій—соль, тюркскій—ремесло“. Буквальный смыслъ этой поговорки указываетъ наглядно на неодинаковое достоинство перечисленныхъ языковъ въ глазахъ кашгарскаго и яркендскаго сарта. А мѣстные муллы ушли

*) Недавно одинъ ученый туземецъ на мое указаніе избѣгать изложенія арабскихъ и персидскихъ выраженій, обидчиво замѣтилъ, что ученому стыдно писать простымъ народнымъ языкомъ, потому что къ такому изложенію въ мадрасахъ относятся пренебрежительно. Извѣстно, что въ мѣстныхъ мадрасахъ родной языкъ совсѣмъ не преподается, и имъ пользуются только при разъясненіяхъ учителемъ младшимъ ученикамъ читаемаго руководства по программѣ мадрасы.

въ этомъ направленіи дальше, считая арабскій языкъ благороднымъ, священнымъ, тюркскій—низкимъ, гадкимъ. Персидскій языкъ, какъ вѣрятъ сунниты, будетъ языкомъ ада, тогда какъ въ раю будутъ говорить по арабски. Туркестанскіе ученые мусульмане, конечно и не подозрѣваютъ, что ученый и даровитый англичанинъ въ высшей англійской школѣ не стыдился серьезно заниматься со своими образованными слушателями законами и формами тюркскаго языка и находилъ въ немъ своеобразныя достоинства и интересныя особенности, выгодно отличающія его отъ европейскихъ языковъ.

Въ числѣ такихъ особенностей туранскихъ языковъ М. Мюллеръ отмѣчаетъ, какъ единственную характерическую черту, постоянно имъ присущую,—ясность, незатемняемость корня въ словѣ, при чемъ опредѣляющіе или измѣняющіе слоги обыкновенно ставятся въ концѣ слова. Кромѣ того, гласныя буквы этихъ приставокъ не опредѣляются съ такою положительностью, какъ въ арійскихъ языкахъ, а подчиняются такъ называемому *закону созвучія*, въ силу котораго приставки и окончанія произносятся твердо или мягко, смотря по твердости или мягкости гласныхъ въ коренномъ словѣ. Вслѣдствіе этого одна и та же приставка, на примѣръ, множественнаго числа, при одномъ коренномъ словѣ произносится твердо; ат-ларъ а при другомъ мягко: кюн-ляр. Ни одинъ изъ арійскихъ или симитическихъ языковъ, говоритъ онъ, не сохранилъ такой свободы въ гармоническомъ расположеніи своихъ гласныхъ; между тѣмъ слѣды такой гармоніи или созвучія найдены между самыми отдаленными членами туранскаго семейства—въ венгерскомъ, монгольскомъ,

турецкомъ, якутскомъ и въ діалектахъ, на которыхъ говорятъ на восточныхъ границахъ Индіи. Къ этому замѣчанію англійскаго лингвиста необходимо еще прибавить, что „законъ созвучія“, столь опредѣленно соблюдаемый въ гласныхъ приставкахъ, оказыва-етъ вліяніе и на согласныя тѣхъ же приставокъ: твердыя или мягкія гласныя корня вызываютъ въ приставкахъ не только соотвѣтственныя гласныя, но и такія согласныя, которыя измѣняются послѣдова-тельно: твердое т въ мягкое д, твердое к въ мягкое г и наоборотъ.

Къ сожалѣнію, въ современномъ письмѣ сар-товъ, по указанной выше причинѣ, „законъ гармо-ніи“ гласныхъ и согласныхъ почти совершенно не наблюдается; но природный законъ фонетики въ сар-товскомъ языкѣ не уничтожается отъ непониманія его и всегда отчетливо обнаруживается въ живой устной рѣчи.

Указанныя особенности грамматическаго строя туранскихъ языковъ приводятъ англійскаго ученаго въ восторгъ, подъ вліяніемъ котораго онъ заявляетъ: „Чтеніе турецкой грамматики доставляетъ просто удо-вольствіе даже не желающему изучать ее практиче-ски. Остроумный способъ, какимъ образованы мно-гочисленныя грамматическія формы, правильность, которою проникнута система склоненій и спряженій, прозрачность и понятность всего строенія должны поражать каждою, кто понимаетъ удивительную силу человѣческаго ума, обнаружившуюся въ языкѣ. Дано такое незначительное число графическихъ и указательныхъ корней, какое едва было бы доста-точно для выраженія самыхъ обыкновенныхъ потреб-ностей человѣческихъ существъ,—и имъ создается

такой инструментъ, которымъ передаются самыя тонкіе оттѣнки чувства и мысли*); дано шаткое неопредѣленное наклоненіе, или жестокое повелительное для производства отъ нихъ такихъ наклоненій, какъ желательное и сослагательное, и время, подобно сложному второму будущему; даны несвязныя выраженія для приведенія ихъ въ систему, въ которой все однообразно и правильно, все связано и гармонично. Таково произведеніе человѣческаго духа, осуществленное „въ языкѣ“. Но въ большей части языковъ, продолжаетъ онъ, изъ этого процесса ничего не остается замѣтнымъ; они стоятъ передъ нами подобно твердымъ скаламъ, и только микроскопъ филолога можетъ открыть остатки органической жизни, изъ которой они сооружены. Въ грамматикѣ тюркскихъ языковъ, напротивъ того, представляется языкъ совершенно прозрачнаго строенія и грамматика, внутреннюю жизнь которой можно изучать, какъ будто наблюдая за созиданіемъ ячеекъ въ стеклянномъ ульѣ. Одинъ превосходный оріенталистъ замѣтилъ: Турецкій языкъ можно вообразить результатомъ совѣщанія обществомъ отличнѣйшихъ ученыхъ мужей; но никакое подобное общество не могло выдумать того, что произвелъ человѣческій духъ, предоставленный самому себѣ въ татарскихъ степяхъ и руководствуемый только своими врожденными законами, или инстинктивной силой, столь же удивительной здѣсь, какъ въ какомъ-либо царствѣ природы“.

*) Если это и преувеличеніе, то объяснимое въ устахъ столь увлеченнаго своимъ предметомъ лектора. Любопытно представить при этомъ, что кочевникъ изъ нѣсколькихъ согнутыхъ палочекъ ухитрился же соорудить себѣ легко устанавливаемое и разбираемое жилище.

Приводя далѣе примѣръ образованія нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, М. Мюллеръ замѣчаетъ, что при всѣхъ измѣненіяхъ слова корень никогда не можетъ быть тронуть; какіе бы слоги ни прибавлялись для измѣненія его значенія, корень самъ долженъ оставаться въ полной цѣлости, подобно жемчугу, осыпанному брильянтами.

Такимъ, скажемъ мы, долженъ казаться и языкъ свободнымъ взрослымъ слушателямъ въ рукахъ стоящаго на высотѣ дѣла лектора. Свободно, не по принужденію, принявшіеся за изученіе этого языка слушатели, часто развитые и образованные, знающіе европейскіе языки, не должны скучать надъ грамматическимъ разборомъ отдѣльныхъ словъ и предложений сартовскаго языка, п. ч. найдутъ въ этомъ занятіи серьезный научный интересъ, недоступный дѣтямъ школьнаго возраста и молодымъ людямъ, не получившимъ школьнаго образованія. Ко мнѣ обращались иногда образованные люди съ интересовавшими ихъ вопросами о нѣкоторыхъ синтаксическихъ особенностяхъ сартовскаго языка, сравнительно съ формами древнихъ классическихъ языковъ, при помощи которыхъ, путемъ противоположенія хорошо уяснялась косвенная и прямая рѣчь и вообще конкретность выраженій въ языкѣ сартовъ съ длиннымъ рядомъ дѣепричастій, придающихъ вполне самобытный оттѣнокъ своеобразной описательности сартовской рѣчи, въ которой воспроизводится въ воображеніи читателя или слушателя точная послѣдовательность самыхъ дѣйствій въ ихъ реальной наглядности. Что же касается передачи душевныхъ чувствъ, то въ этомъ случаѣ въ сартовскомъ языкѣ сохранились такіа особенности, которыя могутъ

заинтересовать каждого въ связи съ психологіей и общественными нравами, выработанными жизнью народа протекшихъ столѣтій при своеобразныхъ бытовыхъ и политическихъ условіяхъ ханскихъ временъ. Для пониманія этого, позволю себѣ сказать, кромѣ знанія формъ и грамматики сартовскаго языка, изучающимъ языкъ необходимо быть знакомымъ съ исторіей и этнографіей сартовъ.

IV.

Не задаваясь цѣлью писать полный грамматическій очеркъ сартовскаго языка, выскажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно этимологическихъ и синтаксическихъ особенностей сартовскаго языка.

Этимологія въ сартовскомъ языкѣ не только упрощена въ смыслѣ однообразія склоняемыхъ и спрягаемыхъ формъ, но и отличается своеобразною экономичностью въ расходованіи своего матеріала. Достаточно при этомъ имѣть въ виду, что:

1) во многихъ случаяхъ одинъ и тотъ же корень обслуживаетъ потребности разныхъ частей рѣчи, именно существительнаго, прилагательнаго и нарѣчія;

2) родовыхъ отличій нѣтъ у именъ вообще, чѣмъ и нужно объяснить непривычное для русскаго уха смѣшиваніе туземцами мужскаго и женскаго рода, а о среднемъ родѣ въ русскомъ языкѣ они и не подозреваютъ;

3) не всегда наблюдается отличіе единственнаго и множественнаго числа въ рѣчи по окончанію, какъ бы въ томъ предположеніи, что здравый смыслъ слушающаго или читающаго даетъ возможность

догадаться, гдѣ число единственное, гдѣ множественное;

4) не всегда ставятся падежныя окончанія;

5) въ отсутствіи согласованія опредѣляемыхъ словъ съ ихъ опредѣляющими выражается также строгая бережливость въ грамматическомъ матеріалѣ. Послѣднее особенно замѣтно въ употребленіи числительныхъ именъ, которыя и сами не измѣняются, когда послѣ нихъ есть существительныя и терпятъ въ своемъ сосѣдствѣ это послѣднее также безъ измѣненія, какъ бы такъ: „одинъ жена, съ два женами, или три человекъ пришелъ, пять лошадей купилъ“ и т. п.

Указанная своеобразная экономія въ этимологическихъ формахъ простирается далѣе: падежныя приставки однѣ и тѣ же для всѣхъ случаевъ склоненій и притомъ какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ; но логика языка, при выраженіи идеи числа, требуетъ, чтобы къ коренной формѣ единственнаго числа была сначала присоединена специальная приставка, характеризующая множественность, именно: *лар*, (*ляръ*), а затѣмъ уже къ этой измѣненной формѣ приставляются тѣже самыя падежныя окончанія, какія употребляются въ единственномъ числѣ, на примѣръ: *адамъ* человекъ въ единственномъ числѣ получаетъ въ дательномъ падежѣ форму: *адам-га*; во множественномъ числѣ будетъ *адам-лар* люди и въ дательномъ падежѣ *адам-лар га* и т. п. Это *лар* распространяетъ свою всеобщность не только на имена, но и на глаголы въ третьемъ лицѣ спряженія, что еще болѣе облегчаетъ трудъ при изученіи этимологіи сартовскаго языка.

Несомнѣнно, что эта приставка множественности получалась изъ личнаго мѣстоименія 3-го лица — *они* — *аларъ* (,УТ), какъ вѣроятно и то, что падежныя окончанія образовались изъ конечныхъ формъ этого же мѣстоименія въ разныхъ падежахъ, подобіе чего въ русскомъ языкѣ уцѣлѣло въ склоненіи прилагательныхъ: добрый — его — добраго, добрый — ему — доброму, добрый — ихъ — добрыхъ и т. п.

Еще болѣе интересною представляется система производныхъ формъ, какъ въ именахъ, такъ и въ глаголахъ. Эта система по истинѣ остроумна, особенно въ производствѣ глагольныхъ формъ, хотя и именныя производственныя приставки необыкновенно осмыслены и показываютъ, что и первобытному генію древнихъ кочевниковъ не былъ чуждъ тонкій психологическій анализъ, уловить который европейцу не всегда удается, хотя въ другихъ отношеніяхъ строеніе языковъ арійцевъ неизмѣримо превосходитъ строеніе языковъ туранскихъ. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ умѣстно указать на нѣкоторыя оригинальныя и притомъ осмысленныя черты домашняго и общественнаго быта древнихъ тюрковъ-кочевниковъ.

Производныя формы глаголовъ въ сартовскомъ языкѣ, замѣняющія виды и залогі русскаго глагола, образуются при помощи вполне опредѣленныхъ приставокъ, присоединяющихся къ корню и ясно отличаемыхъ отъ послѣдняго. Эти приставки извѣстны подъ именами: понудительной, возвратной, страдательной и взаимной. Но особенность этихъ приставокъ заключается въ томъ, что они могутъ наклеиваться (аглютинаціи) одна на другую при одномъ и томъ же корнѣ, въ порядкѣ идей и оттѣнковъ мысли, которыя говорящій находитъ нужнымъ придать коренному

слову. Примѣры въ русскомъ переводѣ: умереть, заставить умереть, т. е. причинить смерть (убить), приказать другому убить; быть убитымъ, быть убитымъ вмѣстѣ съ другимъ по приказанію третьяго лица; писать, заставить писать, быть написану, быть написану по просьбѣ другого лица; учить, учиться вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь, обучаться вмѣстѣ по принужденію третьяго лица.

Современный сартовскій языкъ не пользуется спеціальною *многократной* производственной приставкой, которая въ другихъ тюркскихъ языкахъ, особенно въ народно-татарскомъ, очень употребительна. Эта приставка—гала, а также штырь. За то въ сартовскомъ языкѣ очень распространены разные вслеломогательные глаголы для приданія дѣйствию или состоянію отгѣнковъ длительности, повторяемости, однократности. И въ этомъ отношеніи оригинальность глагольныхъ формъ въ сартовской рѣчи внѣ сомнѣнія, по сравненію, на примѣръ, съ татарскимъ. Большое примѣненіе въ производственной техникѣ сартовскаго языка имѣютъ два глагола: *кылмакъ* и *айлямакъ*, означающіе *дѣлать, производить* что-либо. При помощи этихъ двухъ глаголовъ, сартовскій языкъ практикуетъ словообразовательную работу, когда встрѣчается съ новыми представленіями и понятіями, для которыхъ въ корнѣ языка нѣтъ соотвѣтствующихъ лексическихъ элементовъ. Въ этомъ случаѣ геній языка проявляетъ удивительную изобрѣтательность: для новаго представленія или понятія берется болѣе или менѣе соотвѣтствующее выраженіе изъ арабскаго или персидскаго языковъ, а иногда разомъ два синонима, и представляется глаголъ *дѣлать*,—и новое выраженіе готово,

напримѣръ: *стараться, усердствовать—дѣлать* (т. е. проявлять стараніе и усердіе), *думать, размышлять—дѣлать* мысль; *обратить вниманіе—дѣлать* вниманіе; помиловать т. е. сдѣлать милость и т. п. Несмотря на грубость сравненія, эготъ техничекій приѣмъ словообразованія можно уподобить практической сообразительности сартовъ-мастеровъ, которые къ рукояткѣ мѣстнаго издѣлія придѣлываютъ желѣзку или стальную часть инструмента русскаго производства....

При производствѣ словъ сохраняютъ свое значеніе и такъ называемая „сила употребленія“, по которой старое слово пріобрѣтаетъ иногда новый оттѣнокъ, напримѣръ: названіе вытягиванія дыма изъ мѣстнаго курительнаго прибора (чилима *چیلیم*), съ появленіемъ на глазахъ у сартовъ куренія папиросъ, распространилось и на это дѣйствіе, хотя куреніе изъ чилима и куреніе папиросъ существенно разнятся. Но съ другой стороны консервативность языка сказалась очень характерно на нѣкоторыхъ актахъ, имѣющихъ въ жизни и практикѣ особую важность, освященную древностью, напримѣръ: принятіе присяги, въ русскомъ судѣ по сартовски передается древнимъ выраженіемъ: *пить* присягу (*касамъ ичмякъ*), запивать присягу водой, и еще древнѣе—кровью.

Изъ двухъ названныхъ глаголовъ (кылмакъ и айлямакъ *ایلامق هم ایلامق*) мы обращаемъ вниманіе на второй глаголъ, айлямакъ, потому что онъ, удержавъ свою полную форму въ языкѣ, въ то же время далъ очень интересную производственную приставку, въ формѣ **ля, ла**, о которой и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ. Въ образованіи глагольных формъ эта приставка означаетъ не только *дѣлать, производить*, но и другіе оттѣнки мысли, напримѣръ: *арка—спина*,

аркала-макъ—поднять на спину, *яхъ*—ледъ, *яхла-макъ*,
—обледенеть, замерзнуть, *иртя*—утро, *иртяля-макъ*—
дѣлать что-либо утромъ, *тугры*—прямой, *тугрыла-*
макъ,—прямить, исправлять, *илгари*—прежде, *илга-*
рыля-макъ—дѣлать прежде, *таш*—камень, *ташыля-макъ*—
бросить (камень) *или*—два, *илиля макъ*—быть вдво-
емъ и др.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что приставка **ла** при-
соединяется къ существительнымъ, прилагательнымъ,
числительнымъ и нарѣчіямъ и очень употребитель-
на въ языкѣ не только въ самостоятельныхъ глаго-
лахъ, но и часто, какъ вспомогательное дѣепричастіе,
присоединяемое къ другому глаголу для приданія
дѣйствію или состоянію большей описательности и
наглядности. Особенно интересно образованіе глаго-
ла *юкламакъ* въ значеніи разузнавать, спрашивать,
гдѣ находится отсутствующій человѣкъ. Понятіе это
съ трудомъ укладывается въ головѣ русскаго чело-
вѣка, при представленіи, что этотъ глаголъ произве-
денъ отъ извѣстнаго отрицательнаго нарѣчія *йокъ*
нѣтъ. Таково выраженіе: *манъ булъ кишини юклабъ*
таптымъ—я нашель этого человѣка, о пребываніи
котораго не имѣлъ точнаго свѣдѣнія.

Производная именная частица **чи** имѣетъ ос-
новное значеніе *дѣятеля* (производителя, торговца):
напримѣръ—желѣзо *тимиръ*, кузнецъ—*тимирчи*. Но
кромѣ этого основнаго значенія. эта приставка при-
даетъ производимому слову значенія: хозяина, рас-
порядителя, знатока и пр. Примѣры: *кой*—ба-
ранъ, *койчи*—пастухъ бараній, *тюя*—верблюды, *тюя-*
чи—хозяинъ верблюдовъ, принимающій на себя пе-
ревозку тяжестей на верблюдахъ, *иртякъ*—сказка, *ир-*
тякчи—разсказчикъ сказокъ, *кошъ*—пара воловъ, со-

единенныхъ ярмомъ, *кошчи*—пашущій на волахъ, *су*—вода, *сучи*—водовозъ, *сюзъ*—слово, *сюзчи*—сплетникъ, *хабаръ*—извѣстіе, *хабарчи*—доставляющій извѣстіе, вѣстникъ.

Интересно при этомъ наблюдать, что языкъ живого народа не отстаетъ отъ народной жизни и своевременно является къ услугамъ самого народа, удовлетворяя его потребность въ новыхъ выраженіяхъ. По этимъ выраженіямъ можно судить о времени возникновенія новыхъ потребностей. Такъ, съ появленіемъ Ислама въ странѣ образовалось слово *азанчи*, всѣмъ извѣстное; отъ русскаго слова „самоваръ“ (*самуаръ*) произошло *самуарчи*—выраженіе, обозначающее торговца на базарѣ кипяченымъ чаемъ; съ появленіемъ потребности въ хожденіи по русскимъ судамъ выработалось слово *закунчи* (отъ русскаго сл. *законъ*)—законникъ, въ родѣ народнаго адвоката; тогда же явилось и другое слово *арзачи*=составитель исковъ, прошеній и всякихъ жалобъ для желающихъ; съ проведеніемъ въ краѣ желѣзной дороги появилось слово *вагунчи*, означающее скупщика зернового хлѣба, отправляемаго въ другіе пункты цѣлыми вагонами. Наконецъ, также интересно, что теперь среди сартовъ вошло въ употребленіе особе слово *сибирчи* для обозначенія преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь для отбыванія наказаній. Этимъ именемъ былъ названъ извѣстный въ Самаркандской области разбойникъ Намазбай, какъ бывшій ссыльный въ Сибирь, и др.

Не менѣе интересно способность сартовскаго языка приспособлять новыя понятія къ старымъ зву-

ковымъ сочетаніямъ. Такъ слово „прокуроръ“ они передѣлали въ „брикуряръ“, подразумѣвая подъ нимъ чиновника, быстро, съ одного взгляда рѣшающаго жалобу (*брь-куряръ*); слово „адъютантъ“ сарты приспособили къ своему старому понятію *стрѣменнаго* и произносятъ его какъ „ат-тутанъ“, а слово генералъ въ *джандаралъ* въ смыслѣ *высшаго начальника*¹⁾

При этомъ можно упомянуть, что не свойственныя сартовскому языку окончанія на *скій, тво* сарты, отбрасываютъ при заимствованіи русскихъ словъ съ такими окончаніями. Это особенно наблюдается въ названіи городовъ: *Пржевалъ* вм. Пржевальскъ, *Сибмир* вм. Симбирскъ и т. под.

О другихъ производственныхъ приставкахъ (глагольныхъ и именныхъ) Мы не говоримъ, хотя и онѣ также своеобразно оригинальны²⁾ и вызываютъ у преподающаго сартовскій языкъ большое напряженіе мысли, чтобы уловить свойственный каждой изъ нихъ оттѣнокъ. Всѣ эти приставки получаютъ особое освѣщеніе въ умѣ взрослога слушателя, когда сравниваются съ соотвѣтственными приставками въ русскомъ языкѣ какъ въ языкѣ другого семейства. При сравнительномъ пріемѣ преподаванія сартовскаго языка изученіе этимологіи его не будетъ такъ скучно, какимъ оно большею частью бываетъ. При этомъ рекомендуемъ преподавателю указывать слушателямъ на синонимическія выраженія, каковы, на примѣръ, три выраженія для понятія *искать*: *излямакъ, кыдырмакъ, ахтармакъ* и пр.

1) См. Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. т. 5, стр. 110 (Спб. 1891).

2) Сартовскій языкъ въ этомъ случаѣ замѣчательнъ и тѣмъ, что въ однихъ случаяхъ онъ свои родныя, туранскія приставки присоединяетъ и къ словамъ, заимствованнымъ изъ чужихъ языковъ [арабскаго, персидскаго и русскаго], а въ другихъ случаяхъ пользуется производственными приставками персидскаго языка.

Въ числѣ этимологическихъ особенностей сартовскаго языка заслуживаютъ вниманія изучающихъ его такъ называемые „послѣлоги“, соотвѣтствующіе русскимъ предлогамъ. На послѣлоги слѣдуетъ обратить вниманіе именно вслѣдствіе ихъ своеобразнаго положенія въ сартовской рѣчи и образованія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Они называются *послѣлогами*, а не *предлогами*, потому что ставятся позади того слова, къ которому относятся, а не впереди его, какъ русскіе предлоги. Мысль древняго туранца и въ этомъ случаѣ работала въ другомъ направленіи, сравнительно съ мышленіемъ арійцевъ: мышленіе туранцевъ болѣе первобытно и отличается конкретностью, въ отличіе отъ разсудочной дѣятельности арійцевъ, склонныхъ къ отвлеченности. Если аріецъ, говоря объ отношеніяхъ одного предмета къ другому, сосредоточивалъ мысль на предлогѣ и выставлялъ его въ рѣчи на переднее мѣсто, то туранецъ, наоборотъ, постоянно удерживалъ вниманіе на самомъ предметѣ, а отношеніе къ предмету ставилъ на второмъ планѣ. Такимъ образомъ получается по русски: столъ — на столѣ, а по сартовски: столъ-столъ и его поверхность; по русски: домъ, въ домѣ, а по сартовски: домъ-домъ и его внутренность; по русски: глазъ, безъ глаза, а по сартовски: глазъ, глазъ и отсутствіе его и т. п. Послѣлоги въ сартовскомъ языкѣ двухъ типовъ и отличаются по времени образованія: одни, болѣе древняго происхожденія, односложные и уже утратившіе свой звуковой смыслъ; другіе — болѣе поздняго образованія и ясно сохранившіе свое буквальное значеніе. Таковы послѣлоги исходнаго, дательнаго

творительнаго и мѣстнаго падежей, служащія въ то же время окончаніемъ этихъ падежей (*данъ, за, била, да*); другіе же представляютъ самостоятельныя слова, ясно удержавшія свое значеніе, какъ образовавшіяся изъ существительныхъ: *передъ, позади, подлѣ, между, внутри, внѣ, сверху, внизу, вблизи, въ отношеніи* и т. п. Средину между этими двумя типами представляютъ короткія слова: *прежде, послѣ, кромѣ, для, до, безъ, сообразно*. Для образованія нѣкоторыхъ изъ нихъ послужили или тюрскіе корни (*баика, отъ баш*), или арабскіе (*аввалъ, кадым, катар*). Русское отвлеченное „О“ предложнаго падежа передается въ сартовскомъ языкѣ описательно, цѣлымъ выраженіемъ: *хусусида, тургысида, біянида*. Персидское вліяніе на сартовскомъ языкѣ сказывается тогда, когда пишущій или говорящій вставляетъ вмѣсто распространеннаго въ народномъ употребленіи слова персидское, на примѣръ, вмѣсто *арасыда—міянида*. Нѣкоторые послѣлоги сохранили до настоящаго времени двойную форму—полную и краткую, на примѣръ, *сунгъ* и *сунгра, берлянъ* и *биля, илянъ* и *иля*. Въ Бухарскомъ ханствѣ до сихъ поръ сохранилось еще форма *сугунъ*, очевидно, болѣе древняя въ сравненіи съ *сунг*. Думаемъ, что въ живомъ народномъ говорѣ разныхъ тюркскихъ народностей, не только въ бухарскихъ и хивинскихъ владѣніяхъ, но и среди съ одной стороны кашгарцевъ, а съ другой—туркменъ, и въ наши дни еще возможно замѣтить слѣды болѣе древнихъ этимологическихъ формъ языка, которыя могли бы представлять цѣнный матеріалъ для современнаго тюрколога. Но эта задача—научная, осуществленіе которой можетъ быть доступно только для спеціалиста, командированнаго въ

указанныя мѣстности. Безъ сомнѣнія, учителя русско-туземныхъ школъ въ разныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края могли бы оказать большую услугу лингвистической наукѣ въ этомъ отношеніи, такъ какъ находятся въ непосредственныхъ живыхъ сношеніяхъ съ туземнымъ населеніемъ. Для практическихъ же цѣлей было бы полезно издать краткую схему этимологическихъ формъ сартовскаго языка, съ осмысленнымъ объясненіемъ, гдѣ это возможно, ихъ образованія и значенія и отличія отъ соотвѣтствующихъ формъ, хотя бы одного русскаго языка. Не умаляя достоинствъ существующихъ руководствъ по изученію сартовскаго языка, можно высказать общее пожеланіе, чтобы въ рукахъ взросло русскаго человѣка, изучающаго сартовскій языкъ, была небольшая книжка, излагающая основные грамматическіе законы и формы этого языка съ объясненіями, представляющими интересъ для образованнаго курсиста, какими являются военные офицеры и гражданскіе чиновники. При этомъ имѣетъ значеніе и самый способъ изученія языка, отъ котораго зависитъ замѣчаемое на практикѣ охлажденіе многихъ слушателей курсовъ къ предмету изученія, добровольно ими самими избранному.

Не входя въ оцѣнку этого способа, слѣдуетъ съ увѣренностью назвать ошибкою манеру начинать изученіе сартовскаго языка съ арабскаго алфавита,¹⁾ что поддерживаетъ другое заблужденіе, будто бы сартовскій языкъ можно отлично изучить въ короткій срокъ. Первое заблужденіе очевидно изъ слѣдующихъ словъ

1) Это замѣчаніе, конечно, относится къ тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ въ виду научиться основательно книжный сартовскій языкъ, а склонны довольствоваться лишь знаніемъ разговорнаго языка.

покойнаго тюрколога П. М. Меліоранскаго: „Никто не станетъ въ наше время спорить противъ того, что даже самый лучшій алфавитъ (не исключая и изобрѣтаемыхъ лингвистами транскрипцій) не можетъ въ совершенствѣ изобразить человѣческую рѣчь вообще; турецкій-же языкъ изображался и изображается особенно неточно по той причинѣ, что наибольшее распространеніе у турокъ получилъ издавна алфавитъ арабскій. Правда, въ исторіи турецкой письменности мы встрѣчаемся съ тремя главными алфавитами: орхонско-енисейскимъ, уйгурскимъ и арабскимъ, но изъ нихъ арабскій есть самый новый, самый распространенный и въ то же время чуть ли не самый неудобный для изображенія звуковъ турецкаго языка. Богатый и своеобразный орхонско-енисейскій алфавитъ несравненно болѣе былъ пригоденъ для турецкаго языка, нежели турецкая азбука; по мнѣнію академика В. В. Радлова, — сравнительно бѣдный уйгурскій алфавитъ, дошедшій до насъ въ каракурумскихъ надписяхъ VIII-го вѣка и въ рукописяхъ, большинство которыхъ относится къ XV-му вѣку³⁾, былъ также весьма удобенъ для изображенія звуковъ турецкаго языка, или по крайней мѣрѣ уйгурскаго нарѣчія, благодаря особенностямъ его звукового строя. Какъ бы то ни было, но теперь стало уже общимъ мѣстомъ, что арабскій алфавитъ весьма мало пригоденъ для изображенія звуковъ турецкаго языка. Это обстоятельство всегда было и будетъ большой помѣхой для лингвистическаго изслѣдованія дошедшихъ до насъ памятниковъ турецкаго языка, особенно со стороны фонетики и этимологіи.¹⁾

¹ Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ. С.-Петербургъ, 1900 г. стр. II—III. На эту тему проф. Казанск. универ. Н. Ф. Катановъ читалъ докладъ въ 1907 г. въ особой комиссіи при Министерствѣ Народ. Просвѣщенія.

Второе заблужденіе должно быть очевидно для тѣхъ курсистовъ, которые надлежащимъ образомъ понимаютъ широкое и глубокое значеніе русскаго слова „отлично“, особенно въ примѣненіи къ книжному языку сартовъ. Пусть каждый взрослый и сознательный слушатель курсовъ самъ себя повѣритъ послѣ двухъ-трехлѣтняго занятія этимъ языкомъ на первой попавшейся ему въ руки и распространенной среди туземцевъ книгѣ... Онъ убѣдится, что знанія его равны знанію гимназиста, изучавшаго иностранный языкъ по отрывкамъ учебной хрестоматіи и на экзаменѣ переводящаго только эти отрывки. Конечно, до „отличнаго“ знанія въ каждомъ дѣлѣ доходить трудно; но обидно, когда и трудъ нѣскольکو мѣсяцевъ пропадаетъ даромъ. Для пользованія письменностью сартовъ не достаточно знать арабскій алфавитъ, грамматику сартовскаго языка и лексическій его матеріалъ; нужно много и спеціально заниматься языкомъ и имѣть знанія изъ области мусульманскаго богословія, мусульманской науки, шаріата и литературы и быть хорошо знакомымъ съ народнымъ бытомъ, чтобы имѣть смѣлость причислять себя къ отличнымъ знатокамъ сартовскаго языка.¹⁾

¹⁾ См. Сборникъ матеріаловъ по вопросу объ изученіи туземныхъ языковъ служащими по военно-народному управленію Туркестанскаго края. Подъ редакціей подполковника И. Д. Ягелло. Ташкентъ, 1906 г. стр. 47—49.

О частяхъ рѣчи въ сартовскомъ языкѣ.

Научной граматической терминологіи у сартовъ нѣтъ, пот. что никто изъ ученыхъ сартовъ ни прежде, ни послѣ изученіемъ своего [родного языка не занимался. Среди нихъ, въ періодъ разцвѣта арабско-мусульманской образованности были отличные арабисты и знатоки персидскаго языка, на которыхъ они писали учено-богословскіе трактаты, приводившіе въ изумленіе весь мусульманскій міръ, но не было ни одного филолога въ европейскомъ смыслѣ слова¹). Обучаясь въ мусульманскихъ школахъ арабско-персидской грамотѣ, наукѣ и литературѣ, они совершенно пренебрегали и до сихъ поръ пренебрегаютъ роднымъ языкомъ, не допуская мысли о томъ, что и сартовскій языкъ имѣетъ свою грамматику. Даже писавшіе на родномъ языкѣ (Наваи, Мухаммедъ-Салихъ, Бабуръ-Ханъ, Абуль-Гази и др.) о грамматикѣ этого языка не думали и вводили въ него слова и обороты, родному языку не свойственные. Но были арабскіе языковѣды, занимавшіеся спеціально и турецкимъ языкомъ и придавшіе своимъ трудамъ до нѣкоторой степени научно-филологическую обработку, что имѣетъ особое значеніе, если представить время, въ которое они занимались филологіей, то есть схоластическое средневѣковье. Такимъ былъ въ числѣ другихъ Абу-Хайянъ, составившій свой трактатъ о турецкомъ языкѣ въ 1313 году въ Каирѣ. Это былъ выдающійся ученый-филологъ, который, при

*] Справедливость требуетъ сказать, что въ то время и европейскіе ученые языкомъ науки признавали мертвый латинскій языкъ, а не живой, родной языкъ.

составленіи своего изслѣдованія, пользовался не только устными, но и письменными источниками.¹⁾

Потому надъ грамматикой собственно сартовскаго языка²⁾ впервые стали трудиться русскіе въ цѣляхъ практическихъ, чтобы дать соотечественникамъ руководство или пособіе при изученіи этого языка. По примѣру русскихъ составителей такихъ пособій, и нѣкоторые инородцы (татары и киргизы) также печатали свои грамматическіе опыты; но среди сартовъ до сихъ поръ не было не только Ломоносова, но и Тредьяковскаго, какъ было сказано выше. Вслѣдствіе этого всѣ появлявшіяся въ Туркестанскомъ краѣ грамматики сартовскаго языка составлялись по шаблону учебниковъ русскаго языка и отличались одинъ отъ другого степенью филологической подготовки и личнаго знанія языка у авторовъ этихъ изданій, а также способомъ изложенія грамматическаго матеріала, т. е. болѣе практическимъ, или сухо теоретическимъ, или, наконецъ, размѣрами. Есть очень подробный учебникъ (Наливкина) и оч. краткій (Алексѣева и Кіясбекова). Изъ послѣднихъ Алексѣевъ³⁾, по примѣру арабской грамматики, дѣлитъ части рѣчи въ сартовскомъ языкѣ на три разряда: *имя, глаголь и частицы*, относя къ *частицамъ* предлоги, союзы и междометія, а нарѣчія къ *именамъ*. Кіясбековъ, въ своей „Элементарной грамматикѣ сартовскаго языка“ ввелъ арабскую терминологію въ формы склоненій и спряженій, но почему-то совсѣмъ не упомянулъ о предлогахъ. Грамматическія правила въ книжкѣ Л.

1) Подлинное заглавіе его изслѣдованія: کتاب ترجمان فارسی و ترکی و مغولی

2) Не нужно смѣшивать при этомъ европейскихъ грамматикъ Узбекскаго языка, какова, напр. грамматика Р. Ша.

3) Самоучитель сартовскаго языка. Чтеніе, письмо и грамматика. Ташкентъ 1884.

Афанасьева, изложенныя при его словарику (Скобелевъ, 1908 г.) требуетъ во многихъ мѣстахъ исправленія и болѣе правильныхъ объясненій.

Не позволяя себѣ критиковать труды предшественниковъ и не вдаваясь въ оригинальность, замѣтимъ вообще, что въ сартовскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, не смотря на коренное различіе обоихъ этихъ языковъ въ лексическомъ и граматическомъ отношеніяхъ, нужно различать слѣдующія части рѣчи: 1) *имя существительное* (названія предметовъ одушевленныхъ, неодушевленныхъ и отвлеченныхъ); 2) *имя прилагательное* (названія свойствъ и качествъ предметовъ, ихъ дѣйствій и состояній); 3) *имя числительное* (названія количествъ и порядковъ ихъ счетъ); 4) *мѣстоименія* (слова, замѣняющія названія предыдущихъ трехъ разрядовъ); 5) *глаголь* (названія дѣйствій и состояній лицъ, животныхъ и неодушевл. предметовъ); 6) *нарѣчія* (приглагольныя слова, указывающія обстоятельства и качества дѣйствій и состояній); 7) *послѣлоги*, отвѣчающіе русскимъ предлогамъ и служащіе падежными окончаніями въ склоненіи; 8) *союзы* и 9) *междометія*.

При такомъ сходствѣ съ русскимъ языкомъ въ общемъ дѣленіи частей рѣчи, сартовскій языкъ отличается отъ русскаго тѣмъ, что не имѣетъ такихъ опредѣленныхъ окончаній, по которымъ можно было бы данное слово относить къ тому или другому роду: въ сартовскомъ языкѣ нельзя опредѣлить по окончанію прилагательное и нарѣчіе и отличить одно отъ другого; только *порядковыя* числительныя имѣютъ свое отличительное окончаніе. Еще большая особенность сартовскаго языка заключается въ томъ, что

склоняемая и спрягаемая слова совсѣмъ не измѣняются по родамъ: полъ людей и животныхъ въ этомъ языкѣ выражается особыми словами, а такъ называемый *средній* родъ совсѣмъ не можетъ быть представленъ въ умѣ сарта, обыкновенно думающаго конкретными образами. Тѣмъ болѣе не укладываются въ головѣ сарта родовыя окончанія именъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ.

Имена существительныя.

Именемъ существительнымъ обозначаются названія всѣхъ одушевленныхъ, неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ. Каждая группа однородныхъ предметовъ (родъ, классъ) имѣетъ свое общее нарицательное имя, а люди отличаются другъ отъ друга еще особыми, *собственными*, именами

О собственныхъ именахъ нужно замѣтить, что въ ихъ происхожденіи были два періода; древній, (доисламскій) и исламскій. Въ первомъ періодѣ имена давались дѣтямъ по разнымъ внѣшнимъ признакамъ и случайнымъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ рожденіе ребенка, или по желанію родителей своимъ дѣтямъ тѣхъ или другихъ свойствъ въ будущемъ. Таковы имена: Ата-бай آتا باي, Ата-бекъ آتا بيك, Баба бекъ با با بيك, Джура-бекъ جوره بيك, Агалыкъ-бай آغاليك باي, Рустам-бекъ روستم باي, Султанъ-бекъ سلطان بيك, Тимуръ-бекъ تيمر بيك, Устамъ-бекъ اوستام بيك, Ташъ-бекъ تاش بيك, Пулатъ-бекъ پولاد بيك, Ташъ-пулатъ تاش پولاد, Юлчи-бай يولچى باي, Тайчи-бай تايچى باي, Кучукъ-бай كوچوك باي, Тюря-джанъ توره جان, Тюря-куль توره قل, Хамра-куль خمره قل, Халь-

Юлдашъ *يولداش*, Кара-башъ *قارا باش*, Юлдашъ *يولداش*,
Сарымсакъ *سريمساق*, и под:¹⁾

Во второмъ (исламскомъ) періодѣ собственныя имена сартовъ заимствовались изъ исторіи ислама и носятъ религіозный характеръ. Въ огромномъ большинствѣ эти имена сложные, въ составъ которыхъ входятъ имена Бога, пророковъ, святыхъ и слово *динъ* (вѣра): Алла-кулы *الله قلى*, Мухаммедъ кулы *محمد قلى*, Абдулла *عبد الله*, Убайдулла *عبيد الله*, Рахматулла *رحمت الله*, Насрулла *نصر الله*, Мухаммедъ²⁾ *محمد*, Мухаммедъ-кулы *محمد قلى*, Мустафа *مصطفى*, Муса *موسى* Иса *عيسى*, Иса-бай *عيسى باى*, Иса-бекъ *عيسى بيك*, Хайруддинъ *حيدر الدين*, Наджмутдинъ *نجم الدين*, Таджуддинъ *تاج الدين*. Часто встрѣчаются имена въ сложеніи съ словами *миръ* *مير*, ша *شاه*, шейхъ *شيخ*, сеидъ *سيد*, ходжа *حاجى*, ишанъ *ايشان*: Миръ-Сандъ *مير سعيد*, Миръ-Хайдаръ *مير خيدر*, Ша-Махмудъ *شاه محمود*, Умаръ-Шейхъ *عمر شيخ*, Сеидъ-Азизъ *عثمان*, Сеидъ Каримъ *سيد كرام*, Усманъ-Ходжа *عثمان*, Ишанъ-куль *ايشان قل*, и др.³⁾ Или въ сложеніи съ *бай*, *бекъ*: Юсупъ-бай *يوسف باى*, Муса-бекъ *موسى بيك*, Иса-бекъ *عيسى بيك*.

Женскія имена у сартовъ образованы по тѣмъ же двумъ способамъ, причемъ въ составъ древнихъ, не религіозныхъ, именъ женщинъ входятъ названія небесныхъ свѣтилъ, драгоценныхъ металловъ и камней, цвѣты и указанія на красоту, доброгу и ласковость, на примѣръ: Афтабъ-ханъ *آفتاب خان*, Хуршидъ-

1) *Бай* и *бекъ*, такъ часто встрѣчающіяся въ именахъ сартовъ, указываютъ на особенное расположеніе ихъ къ богатству и власти, а входящія въ составъ именъ названія животныхъ указываютъ на то, что сарты были когда-то скотоводами.

2) Имя это часто сокращается въ *Мадъ* и просто въ *ма*: Ма-Расуль, Мадъ-Муса, Ма-Якубъ.

3) И къ именамъ религіознаго типа сарты любятъ прибавлять слово *бай* и *бекъ* и ласкательное *джанъ*.

биби *بی بی*, *خرشید بی بی*, Ай-биби *آی بی بی*, Юлдузь-джанъ *یولدوزجان*, Зухра-биби *زهره بی بی*, Якуть-биби *یاقوت بی بی*, Алтунъ-джанъ *آلتون جان*, Кумушь-джанъ *کמוש جان*, Гуль-джанъ *گل جان*, Анаръ-гуль *آنا رکل*, Шарафать-биби *شرفت بی بی*, Кыркъ-какыль *قرق کا کل*, Михра-биби *مهره بی بی*, Саадать-биби *سعادت بی بی* и под.

Въ заимствованныхъ при исторіи ислама, женскихъ именахъ повторяются имена женъ Мухаммеда и др. женщинъ ислама: Айша *عایشه* Хафиза *خفظة*, Фатьма *فاطمه*, Марьямъ *مریم*, и др.

Къ разряду собственныхъ именъ должны быть отнесены и мѣстныя географическія названія, т. е. названія городовъ, селеній, урочищъ, холмовъ, горъ, рѣкъ, озеръ, и пр. Въ этихъ названіяхъ разобратъся гораздо труднѣе, нежели въ именахъ людей, такъ какъ занимаемая въ настоящее время сартами территория исторической эпохи находилась во владѣніи разныхъ народовъ, которые и оставили въ названіяхъ мѣстностей память о себѣ потомству. Въ интересахъ этимологіи сартовскаго языка, здѣсь нужно отмѣтить что къ корнямъ этого языка, относятся сложныя названія многихъ населенныхъ пунктовъ, съ окончаніемъ *кентъ* (кандъ), *курганъ* и *типа*, каковы: *Таши кентъ*, *تاشکند*, *Чим-кентъ* *چمکند*, *Пис-кентъ* *پسکنت*, (Биш-кентъ), *Узе-кентъ* *اوزکنت*, *Ходжа кентъ* *خواجه کنت*... *Янги-Курганъ* *شور تپه*, *Катта-Курганъ* *کته قورغان*, *Шуръ-типа* *شور تپه*, *Той-типа* *توی تپه*, *Ура-типа* *اورا تپه*, и мн. др. Но есть названія мѣстностей персидскія, арабскія и китайскія, указывающія на сосѣдство арабовъ, персовъ и китайцевъ въ предѣлахъ Туркестанскаго края. Сартовскія названія рѣкъ оканчиваются словомъ *Дарья* *دریا*: *Сыръ Дарья* *سردریا*, *Аму-Дарья* *آمو دریا*, *Акъ-Дарья* *آق دریا*, *Кара-*

Дарья *قارا دریا*, Яманъ-Дарья *یمان دریا*. Въ первыхъ двухъ именахъ слова *Сырѣ* и *Аму* не поддаются объясненію. Большіе арыки также имѣютъ собств. имена, указывающія или на лицо, сооружавшее арыкъ, или на мѣстность, по которой арыкъ проведенъ и которую онъ орошаетъ.

Въ названіяхъ озеръ отмѣчаются цвѣтъ и вкусъ воды (сары-куль *سری قل*, ачикъ-куль *آچیق قل*, кара-куль *قاره قل*), а иногда указывается на какую-нибудь древнюю легенду, напр. *Искандеръ-куль* *اسکندر قل*.

Въ названіяхъ горъ соединяются обыкновенно эпитеты, указывающіе на ихъ цвѣтъ или на древнюю легенду, напр. Кара-тагъ *قارا تاغ*, Ала-тау *آلا تاغ*, Моголь-тау *مغول تاغ*, Музь-тау *موز تاغ*.

Вообще, при этимологическомъ объясненіи географическихъ названій въ мѣстностяхъ, населенныхъ сартами, необходимо различать не только названія древне-тюркскія, получившія начало до появленія сартовъ и усвоенныя ими, но и названія китайскія, монгольскія, арабскія и персидскія, а въ послѣднее время и русскія. Точно также и въ легендахъ, сохранившихся среди сартовъ въ объясненіе нѣкоторыхъ географическихъ именъ, замѣчается такая путаница представленій о лицахъ и событіяхъ, что объяснить при помощи ихъ этимологическій смыслъ названій очень рисковано, особенно если принять во вниманіе фонетическое искаженіе этихъ названій, или простое созвучіе слова, сближающее его съ сартовскимъ корнемъ. Таковы, на примѣръ, названія: *Сайрамъ* *سایرام* вм. *Сярьямъ*, *Асхабадъ* вм. *шик-абадъ* *عشق آباد*, и др. Названіе *Отраръ* отнюдь не слѣдуетъ производить отъ сл. *утъ* *اوت*, огонь, а *Казалинскъ* (*Газали*) *غازالی* отъ сл. *газъ*, гусь. Въ этомъ словѣ можно видѣть намекъ на *Гузовъ*.

Названія городовъ Ферганской области, населенныхъ сартами: *Мургинанъ* مرغینان, (Маргеланъ), *Наманганъ* نمگان, *Андиджанъ* انديجان (Андиджанъ) *Хукандъ* خوقند (Кокандъ) и самой области—*Фергана*, فرغانه, при современномъ уровнѣ ориентальныхъ знаній, пока не могутъ бытъ этимологически объяснены*).

Что касается арабскихъ и китайскихъ названій разныхъ мѣстностей нашего края, то въ этомъ случаѣ хорошимъ пособіемъ для справокъ можетъ служить изданная покойнымъ кашгарскимъ консуломъ Н. Ф. Петровскимъ книжка „Древніе арабскіе дорожники“ по Средне-Азіатскимъ мѣстностямъ... Ташкентъ, 1894 г.)

Примѣчаніе. При объясненіи значенія существительныхъ именъ не-сартовскаго происхожденія слѣдуетъ обращать вниманіе на древне-арійскій корень *ар* означаетъ „паханіе земли“***). Этотъ корень представляетъ остатокъ отъ древнихъ арійцевъ, перешедшихъ отъ скотоводства къ земледѣлію и служитъ указаніемъ на арійское происхожденіе даннаго имени, въ отличіе отъ словъ туранскаго происхожденія. М. Мюллеръ сравниваетъ процессъ образованія словъ болѣе поздняго періода съ постройкой новаго зданія изъ кирпичей, выбранныхъ изъ развалинъ древнихъ строеній, причемъ хорошо ислѣдованный филологически корень слова уподобляется клейму заводчика на кирпичѣ, положенному при его обжиганіи. (Наука о языкѣ, стр. 215).

*) Мургинанъ, по объясненію ученыхъ туземцевъ, обозначаетъ мѣстность, въ которой для пищи (*нанъ*) находилось много дичи (*муръ*), Кокандъ—мѣстность, изобиловавшую кабанами, Фергана—(*паризана*) страну русалокъ (*перн*).

**) Не слѣдуетъ смѣшивать корень *ар* съ суффиксомъ.

Наконецъ, къ собственнымъ же именамъ нужно отнести *клички*, даваемые сартами своимъ собакамъ. Клички эти выражаютъ: силу и ловкость собакъ, ихъ внѣшнія примѣты, свойства нрава, личное чувство ласки хозяина и случайные признаки. Таковы: *Арсланъ* آرسلان левъ, *Капланъ* قاپلان левъ, *Ала-пардъ* آلاپار леопардъ, *Лачинъ* لاجن соколъ, *Калянъ* كلан большакъ, *Даулятъ* دولت богатство, могущество, *Туймасъ* اولمس ненасытный, *Алгуръ* آلگور хищный, *Ульмасъ* اولمس безсмертный, *Узунъ-кулакъ* اوزون قولاق длинноухій, *Кюкъ-кюзъ* كوك كوز сѣроглазый, *Акъ-кулакъ* آق قولاق бѣлоухій, *Хальдаръ* خالدار пятнистый, *Ильдамъ* ایلدام быстрый какъ вѣтеръ, *Изь-бакааръ* ایزباقار выслѣживающій, *Алтыаякъ* آلتی آیاق шестиногій, *Марджанъ* مردجان жемчугъ и под.

Производственные приставки для образованія именъ существительныхъ.

Для образованія новыхъ существительныхъ именъ въ сартовскомъ языкѣ есть нѣсколько опредѣленныхъ приставокъ, которыя, присоединяясь къ концу слова, измѣняютъ его первоначальное значеніе. Однѣ изъ этихъ приставокъ древнія, общетюркскія, а другія позднѣйшія, заимствованныя изъ персидскаго языка.

1) Приставка *у* و, или *гу* گو, при глагольной основѣ (повел. накл.) образуетъ имя дѣйствія или состоянія: *уку* اوقو чтеніе, *сайлау* سايلاو избраніе, *тиргяу* تیرگاو разслѣдованіе. Соотвѣт. русскому окончанію *ніе*.

2) Приставка *чи* چی придаетъ слову значеніе должности, а также производителя, торговца, мастера предметовъ, обозначаемыхъ кореннымъ словомъ и даже прислужника; соотвѣтствуетъ русскимъ окон-

чаніямъ — *тель, ець, икъ* и др.: *афтаба-чи* آفتابه چی при-
служникъ при умываніи царскомъ, *закят-чи* زکات چی
сборщикъ зякята, *танап-чи* طناب چی сборщикъ танапа,
хазина-чи خزینه چی казначей, *тун-чи* طوپ چی пушкарь,
дуکان-чи دکان چی лавочникъ, *балык-чи* بالق چی рыболовъ,
тимир-чи تيمر چی кузнецъ.

Нѣкоторыя новыя слова получили при этой при-
ставкѣ особый оттѣнокъ въ смыслѣ: *самуар-чи* سوار چی
торгующій кипяченою водою для чая, *сибир-чи* سيبير چی
сосланный въ Сибирь за преступленія, *вагун-чи* واگون چی
скущикъ зерна, отправляющій его въ вагонахъ.

Присоединяясь къ отглагольному имени на *او* (гу *گو*), приставка *чи* چی придаетъ слову значеніе
дѣйствующаго лица и соотвѣтствуетъ русскому при-
частію на *щій*: *укугучи* اوکوغو چی читающій, *язгучи*
يازغو چی пишущій, *тиргяучи* تيركاو چی разслѣдывающій
(слѣдователь), *сайлагучи* سايلاغو چی избирающій (выбор-
щикъ), *биргучи* بيركو چی дающій, *кылгучи* قيلغو چی дѣлающій:

Примѣч. Для причастія наст. вр. въ сартовскомъ
яз. есть особая форма, какъ объ этомъ будетъ ска-
зано ниже.

3) Съ тѣмъ же значеніемъ употребляются за-
имствованныя изъ персид. языка приставки *кяръ* کر
(гяръ), *кяшь* کش (кяшь), *банъ* بان, *базъ* باز и *даръ* دار
мардикяръ مردکار человекъ работы, поденщикъ, *хызмат-*
гяръ خدمتکار прислуга, *сауда-гяръ* سودا کر торговецъ,
зяръ-кяръ زر کر золотыхъ дѣлъ мастеръ, *араба-кяшь*
عربه کش туземный извощикъ, *баг-банъ* باغبان садовникъ,
маскара-базъ مسخره باز балаганный актеръ, *карз-даръ*
قرضدار должникъ, *амаль-даръ* امدار и *мансаб-даръ* منصبدار
должностное лицо.

4) Персидская приставка *заръ* زар указываетъ на
обиліе предметовъ, обозначаемыхъ кореннымъ сло-

вомъ: *дарахт-заръ* درخت زار заросль древесная (лѣсъ),
гуль-заръ گل زار цвѣтникъ.

5. Приставка *стан* استان образуетъ названія населенныхъ мѣстностей: *Туркестанъ* — ترکستان становище тюрковъ, *Афганистанъ* — افغانستان становище афганцевъ, *Франкистанъ* становище франковъ (европейцевъ) и под.

6) Приставки *акъ* آق, *укъ* اوق (укъ) или простое *к* ك означаютъ орудіе или результатъ дѣйствія, обозначеннаго кореннымъ словомъ: *ур* اور жни, *уракъ* اوراق серпъ, *буръ* بۇر приказы—*бурукъ* بۇرۇك приказаніе, *тарт* تارت тяни къ себѣ—*тартукъ* تارتۇق подносимый подарокъ въ видахъ привлеченія къ себѣ вниманія, *кисъ* كىس руби—*кисьякъ* كىسك отрубокъ, отрѣзокъ, *яра* يارا ранъ — *яракъ* ياراكъ оружіе, причиняющее рану и пр.

7) Приставки *м* م и *ш* ش означаютъ дѣйствіе или состояніе: *уль* اول умирай—*улюмъ* اولومъ смерть; *кій* كى надѣвай—*кіимъ* كىمъ одежда, *қил* قىل дѣлай, *кылмышъ* قىلىش дѣйствіе, *юрюш* يورۇش ходьба и др.

8) Приставка *таш* تاش (даш) означаетъ соучастіе въ дѣлѣ или положеніи: *юл-даш* يولداش спутникъ, *дин-даш* دىنداхъ единовѣрецъ.

Примѣч. Эта приставка состоитъ изъ окончанія мѣстнаго падежа *да* и приставки *ш*, означающей товарищество, соучастіе.

9) Приставка *лык* لىق дѣлаетъ отвлеченныя имена и можетъ присоединяться не только къ существительнымъ, но и къ прилагательнымъ и глаголамъ и даже къ цѣлымъ предложеніямъ: *падша* پادشا царь—*падша лык* پادشاهلىقъ царство; *баш* باش голова, начало—*башлык* باشلىقъ главенство, начальство; *даулятлык* دولتلىكъ благосостояніе, *яшиллык* يخشىلىقъ хорошее дѣло, *яманлык* ممانلىقъ дурное дѣло и под.

10) Приставка *анъ* ان и *аун* اون встрѣчается въ многихъ словахъ: *огланъ* اغلان сынъ, *устюнъ* اوستون столбъ и др.

11) Также рѣдко встрѣчается приставка *га* غه въ словахъ: *сыбизга* سبزغه флейта, *кабырга* قابرغه ребро, *дабулга* دابلغه шлемъ.

12 и 13) Приставки *чак* چاق и *ча* چه придаютъ словамъ значеніе уменьшительнаго имени: *кулунчак* قولوتچاق жеребеночекъ, *кузычакъ* قوزيچاق барашекъ, *китаб-ча* كتابچه книжечка, *пчак-ча* پچاقچه ножичекъ, *кути ча* کوتيچه коробочка, *кузи-ча* کوزيچه горшечекъ.

14) Окончаніе *ч* چ при глагольныхъ основахъ на *н* образуетъ имена душевнаго состоянія, настроенія; *суюничъ* سوينچ радость, *куркунчъ* قورقنچ страхъ.

Примѣчаніе: Какъ видно изъ примѣровъ, эти имена происходятъ отъ глаголовъ возвратнаго залога.

15) Окончаніе *дук* دوق или *дик* ديك образуетъ имена, выражающія результатъ дѣйствія: *кудукъ* قودوق колодезь, *сидыкъ* سيدك моча.

16) Съ такимъ же значеніемъ употребляется окончаніе *из* يز *кымызъ* قميز кумысъ отъ *цимъ* قيمق взболтать,

17) Окончаніе *ган* или *кан* غان означать прошедшее причастіе: *сычканъ* سچقانъ мышъ отъ гл. *счмакъ* سچماق испражняться.

18) Окончаніе *ач* или *ыч* ىچ и *аъ* اچ означаетъ орудіе дѣйствія: *сукыч* سوقچ молотокъ.

19) Окончаніе *муръ* مور въ сл. *ягмуръ* (ямгуръ) *ифмуръ* يغمور дождь отъ гл. *йгмакъ* يغلماق падать (о дождѣ и снѣгѣ).

20) Окончаніе *ул* или *гул* غول или *ол* ол встрѣчается въ древнихъ словахъ: (очевидно—изъ монгольскаго періода): *ясаулъ* ياسا اول, *ираулъ* ايراول авангардъ, *караулъ* قراول караулъ и др.

Примѣчаніе: Относительно окончанія *ар* встрѣчаются оригинальныя замѣчанія въ ст. Л, Г. Лопатинскаго „Суффиксы русскаго яз., образовавшіеся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ“ (Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племень Кавказа, вып. XXXVIII). Г. Лопатинскій склоненъ сопоставить это окончаніе съ самостоятельнымъ словомъ *ирь* мужъ, и высказываетъ предположеніе, что этотъ слогъ означаетъ коллективность и потому служитъ для образованія множ. числа съ предшествующей согласной *л* (*ларь*), или безъ этого звука. Но эти объясненія оч. искусственны и иногда прямо невѣрны и потому неприемлемы,

Примѣчаніе (къ стр. 47): Окончаніе *чи*, означающее дѣйствующее лицо (*nomer agentis*), вѣроятно, только случайно близко подходитъ къ русскимъ окончаніямъ *чь* и *чій* (ткачь, трубачь, ковачь, ловчій) и имѣетъ вполне самостоятельное и притомъ древнее происхожденіе, такъ какъ встрѣчается въ современныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ, но и въ орхонскомъ, уйгурскомъ и древне-османскомъ языкахъ (см. Сборн. вып. XXXI).

Составныя слова.

Составныя (сложныя) слова образуются изъ двухъ самостоятельныхъ словъ, поставленныхъ рядомъ, безъ измѣненія ихъ окончаній, какъ, на примѣръ, *куль-канъ* قول قاب, или съ прибавленіемъ ко второму слову притяжательной мѣстоименной частицы (*и* или *сы*): *той-баши* توی باشی распорядитель пира, *ясауль-баши* یساؤل باشی начальникъ эсауловъ, *тунчи-баши* تونچی باشی начальникъ пушкарей, *ун-баши* اون باشی десятникъ, *иллик-баши* ایلیکباشی пятидесятникъ, *юз-баши* یوز باشی сотникъ, *минг-баши* مینکباشی тысяцкій.

Въ словахъ сложныхъ, безъ измѣненія окончанія второго слова, оба слова сохраняютъ свою форму: *عبادت خانه* *ибадат-хана* молитвенный домъ, *бут-хана* *بت خانه* капище, *ильчи-хана* *ايلى خانه* посольство, консульство, *дарс-хана* *درس خانه* классная комната, *мирза-хана* *ميرزا خانه* канцелярiя, *чай-хана* *چاي خانه* чайная, *аш-хана* *آشخانه* кухня и мн. др. Такимъ же способомъ сарты образовали новыя слова: *почта-хана* *پوچنه خانه*, *телеграм-хана* *تيلگرام خانه*, *телефон-хана* *تيليفون خانه*, *театр-хана* *تياتر خانه* *).

Къ составнымъ словамъ относятся названiя пяти дней недѣли: *як-шанбе* *يكشنبه* воскресенье, *дю-шанбе* *دوشنبه* понедѣльникъ, *си-шанбе* *سهشنبه* вторникъ, *чар-шанбе* *چارشنبه* среда, *панч-шанбе* *پنجشنبه* четвергъ, а также слова: *муи-лябъ* *موي لب* усы, *руи хатъ* *روي خط* росписка, *руи-маль* *رويمال* платокъ, *гуль-дѣста* *گل دسته* букетъ и др., заимствованныя изъ персидскаго яз.

Собственныя названiя нѣкоторыхъ звѣрей и птицъ, а также географическiя имена, имена мужчинъ и женщинъ, состоятъ изъ двухъ и болѣе словъ (см. выше, стр. 43).

Кромѣ указанныхъ и подобныхъ имъ словъ, въ сартовскомъ языкѣ встрѣчаются слова, въ которыхъ повторяется первый слогъ съ измѣненiемъ перваго звука на *м*, напримѣръ: *хатунъ* *матунъ* *حاطون* *ماطون* бабье, *кызъ-мызъ* *قرمز* дѣвье, *сыгыръ-мыгызъ* *سيگرميگر* коровенки; или съ прибавленiемъ *м* къ первому слову, если оно начинается съ гласнаго звука: *атъ-матъ* *آت* *مات* лоша-денки, *урдякъ-мурдякъ* *اوردك* *موردك* утишки и др.

*) Казалось бы, что и къ этимъ, заимствованнымъ изъ чуждыхъ языковъ, составнымъ словамъ слѣдовало присоединять притяжательную приставку, но практика языка не допускаетъ этого.

Къ нѣкоторымъ немногимъ словамъ прибавляются особыя слова, не употребляемыя отдѣльно, наприм. *бала-чака* *بالله* дѣтишки.

Образованіе прилагательныхъ именъ.

Самостоятельныхъ прилагательныхъ именъ въ сартовскомъ языкѣ немного. Недостаткомъ общаго развитія народа, при отсутствіи науки, нужно объяснить ограниченное число словъ, выражающихъ качества, признаки, отношенія и обстоятельства предметовъ, окружающихъ сарта въ домашней и общественной жизни; съ теченіемъ времени, съ расширеніемъ умственнаго горизонта сартовъ, подъ вліяніемъ ислама, въ языкъ народа были введены арабскія и персидскія слова для выраженія новыхъ представлений и понятій о предметахъ, ихъ свойствахъ и отношеніяхъ. Эти заимствованія касаются главнымъ образомъ и прежде всего понятій и отношеній религіозныхъ и научныхъ, а затѣмъ и житейскихъ, особенно въ послѣдніе годы, когда „освободительное“ движеніе чрезъ газеты либеральнаго направленія стало проникать въ общественную жизнь сарта. И въ настоящее время, количество и разнообразіе прилагательныхъ именъ находится въ зависимости отъ личнаго развитія и положенія сартовъ.

Указанныя заимствованія прилагательныхъ именъ не вліяютъ однако на основныя правила языка, которымъ подчиняются и заимствованныя, или новообразованныя слова. Поэтому изучающему сартовскій языкъ должно принимать въ соображеніе тѣ производственныя приставки и особыя грамматическіе

приемы, при помощи которых образуются прилагательныя.

Распространеннымъ приемомъ въ этомъ отношеніи служить поставленіе рядомъ двухъ существительныхъ, при которыхъ опредѣляемое существительное принимаетъ притяжательную приставку (сы, и); тогда опредѣляющее переводится соотвѣтствующимъ прилагательнымъ, напр. выраженіе *деревянная ложка* на сартовскомъ языкѣ передается такъ: *агачъ-кашыгъ-ы* *آغاج قاشغی*, т. е. дерево+ложка его; *каменный домъ* переводится—*ташъ-уй-и* *تاش اوی*, т. е. камень+домъ его; *орѣховая доска* переводится: *янгакъ тахта-сы* *یا نفاق تختہ سی*, т. е. орѣхъ+доска его.

Притяжательныя прилагательныя передаются въ сартовскомъ языкѣ при помощи род. под. съ притяжат. приставкою 3-го лица, присоединяемою къ опредѣляющему слову. Напримѣръ: *Божья воля* переводится *худанынгъ ирадасы* *خدا نینک ارادہ سی*; *человѣческое дѣло* *кешенинь-иши* *کشی نینک ایشی*; *учительское слово*—*дамулланынгъ сюзі* *داملا نینک سوزی*; и под.

Кромѣ этихъ двухъ приемовъ образованія прилагательныхъ именъ, въ сартовскомъ языкѣ существуютъ еще слѣдующія производственныя приставки:

1) Приставка *кна* *کنہ* (гна, геня *گنہ گنہ*) образуетъ уменьшительныя прилагательныя: *кичикъ* *کچیک* *малый*—*кичик-кня* *کچیک کنہ* *маленькій*, *акъ* *آق* *бѣлый*, —*аккна* *کنہ آق* *бѣленькій*, *бѣловатый*.

2) Наоборотъ, когда нужно выразить усиленіе качества въ предметѣ, тогда въ данномъ прилагательномъ удваивается первый слогъ, къ которому прибавляется звукъ *n* (*δ*), наприм. *кара* *قارا* *черный*, *кап кара* *قاپ قارا* *совершенно черный*, *кызыль* *قیزیل* *крас-*

ный, — *кын-кызыл* قى قزىلъ совершенно-красный, *акъ* اقъ бѣлый, — *анакъ* اقъ آپъ совсѣмъ бѣлый, *кын-кыннѣ* قى قينъ самый трудный.

3) Приставка *лыкъ* لقъ означаетъ обладаніе свойствомъ или качествомъ, которое выражено даннымъ существительнымъ, напр. *илимъ* علمъ знаніе, — *илим-лыкъ* علمъ لىкъ обладающій знаніемъ, ученый; *акыл-лыкъ* اقل لىкъ обладающій умомъ, умный; *болот-лыкъ* بولوت لىкъ облачный; *даулят-лякъ* دولت لىкъ богатый и пр.

Въ соединеніи съ именами городовъ и селеній эта приставка указываетъ на мѣсто жительства: *ташканд-лыкъ* تاشکند لىкъ ташкентскій житель, ташкендецъ, *самарканлыкъ* سمرقند لىкъ самаркаидецъ, *бухар-лыкъ* بخار لىкъ бухарецъ и под**).

4) Съ противоположнымъ приставкѣ *лыкъ* لىкъ значеніемъ употребляется приставка *сызъ* سىزъ, отвѣчающая русской приставкѣ *безъ* въ производныхъ прилагательныхъ: *акыл-лыкъ* اقل لىкъ умный, *акыл-сызъ* اقل سىزъ безумный, *путь-лыкъ* پل لىкъ денежный, *путь-сызъ* پل سىزъ безденежный и под. Пословица: *бала-лыкъ* ۇى بازارъ, *бала-сызъ* ۇى مازارъ, *бала-лыкъ* ۇى بازارъ домъ съ дѣтьми — базаръ, *бала-сызъ* ۇى مازارъ домъ безъ дѣтей — могила.

5) Приставка *кы* قى (гы) образуетъ обстоятельственные прилагательныя имена, отвѣчающія на вопросы: къ какому времени относится? на примѣръ *кадым-гы* قديمكى древній, *авваль-гы* اولكى прежній, *ахыръ-гы* آخركى послѣдній, *кин-гы* كينكى послѣдующій, *бугун-гы* بۇگۈنكى сегодняшній, *иртя-гы* ىرتەكى завтрашній

*) Примѣчаніе, Эта приставка сходна съ приставкой № 9 (стр. 49) существительныхъ именъ, но въ другихъ нарѣчійхъ различается начертаніемъ. Такъ, въ татарскомъ нарѣчій она изображается, какъ *лу*, *лы* لو или لى

6) Эта же приставка, въ соединеніи съ мѣстн. пад. существительныхъ, образуетъ обстоятельственные прилагательныя имена, отвѣчающія на вопросъ: гдѣ находящійся? на примѣръ; *шахарьда-гы* شهرده کی находящійся въ городѣ, *сахрада-гы* صحرا ده کی находящійся въ полѣ, *уйда-гы* او نه کی находящійся въ домѣ и пр.

7) Приставка *ныкы* نیکى есть таже приставка *кы* (гы) въ соединеніи съ окончаніемъ род. пад. *ны* в.м. *нынъ* Она образуетъ прилагательныя притяжательныя, означающія принадлежность *бу адам-ныкы* بو آدم نیکى принадлежащій этому человѣку, *улъ шакирд-ники* اول شاگرد نیکى принадлежащій этому ученику и пр.

8) Приставка *какъ* و *лакъ* ق و *лакъ* ق указываютъ на преобладаніе въ предметѣ свойства или качества, обозначаемаго словомъ: *батъ какъ* با تقاق топкій, вязкій, *таш-лакъ* اش لاق каменистый, *тай-гакъ* تایغاق скользкій, *курк-акъ* قورقاق пугливый и пр.

Образованіе степеней сравненія.

Положительная степень является основною формою прилагательныхъ, не опредѣляя степени качества, приписываемаго предмету: *акъ кагазъ* اق کاغذ бѣлая бумага, *кызыль гуль* قریل گل красный цвѣтокъ, *катта уй* او ی کته большой домъ и пр.

Сравнительная степень показываетъ, что извѣстнымъ свойствомъ или качествомъ данный предметъ обладаетъ въ большей или меньшей степени, сравнительно съ другими подобными предметами. Для выраженія такого сравненія употребляется особый оборотъ, образуемый исходнымъ падежемъ того имени, съ которымъ сравнивается данный предметъ,

а имя сравниваемого предмета ставится въ именит. падежѣ, напримѣръ: онъ меньше меня — اول مندين كيجك *улъ мандинъ кичикъ*; умный лучше глупаго — *ахмакдынъ акыллыкъ* яхши *احمق دين اقل ليک يخشى*; отецъ больше сына *اوغلى دين آتاسى كته* *атасы катта*.

Примѣчаніе. Часто въ подобныхъ случаяхъ къ прилагательному приставляется частица *ракъ* *راق* (рякъ), но она указываетъ скорѣе на уменьшеніе или на незначительное увеличеніе качества напр. *улъ-китабдинъ булъ китабъ кичигрякъ* *اول کتابدين بول کتاب کچک راق* эта книга немного поменьше той; этотъ домъ немного побольше того дома *шулъ уйдинъ булъ уй каттаракъ* *شول اویدين بول اوى كته راق* и т. д.

Превосходная степень указываетъ на высшую степень качества, приписываемого предмету сравнительно съ другими однородными предметами, и выражается въ сартовскомъ языкѣ особыми словами: *ингъ* *ايڭك* самый, *джида* *جيدہ* (джида) очень, весьма, *нигаятъ* *نہایت* или *би-нигаятъ* *بی نہایت* безпредѣльно, чрезмѣрно: *ингъ-яхши* *ايڭك يخشى* самый хорошій, *ингъ-катта* *ايڭك كته* самый большой, *нигаяты-фарасатликъ* *نہایت فراصلیک* необыкновенно способный, *нигаяты-кылматъ* *نہایت قيمت* чрезмѣрно дорогой.

Примѣчаніе. Если хотять выразить превосходство сравниваемого предмета предъ всѣми другими однородными предметами, то употребляется описаннымъ выше образомъ сравнительная степень т. е. исходный падежъ, съ прибавленіемъ: *изъ* *всѣхъ*, напримѣръ: для ученаго челоуѣка книги дороже всего на свѣтѣ — *алимъ кешеги алямдаги хамма нимарсялярдинъ китабляръ кылматъ буладуръ* *علیم کشی که عالمده کی همه نمرسه اردین کتابار قیمت بولادور*

Образованіе именъ числительныхъ.

Слѣдующія количественныя числительныя въ сартовскомъ языкѣ имѣютъ самостоятельныя названія:

1— <i>брь</i> بر	10— <i>унѣ</i> اون
2— <i>ики</i> ايکي	20— <i>икирмя</i> يکرمي
3— <i>учь</i> اوچ	30— <i>утузѣ</i> اوتوز
4— <i>тюрть</i> تورت	40— <i>кыркъ</i> قرق
5— <i>бншѣ</i> بيش	50— <i>илликѣ</i> ايلليک
6— <i>алты</i> آلتی	60— <i>алтмышѣ</i> آلتмыш
7— <i>йити</i> یتي	70— <i>йитмышѣ</i> یتмыш
8— <i>сакызѣ</i> سکز	80— <i>сяксанѣ</i> سکسان
9— <i>тугузѣ</i> توقوز	90— <i>туксанѣ</i> توقسان
100— <i>юзѣ</i> يوز	1,000— <i>мингѣ</i> مينک
200— <i>ики юзѣ</i> ايکي يوز	10,000— <i>унѣ мингѣ</i> اون مينک
300— <i>учь юзѣ</i> وز اوچ	100,000— <i>брь лякѣ</i> یرلک
400— <i>тюрть юзѣ</i> تورت يوز	200,000— <i>ики лякѣ</i> ايکي لک
500— <i>бншѣ юзѣ</i> بيش يوز	300,000— <i>учь лякѣ</i> اوچ لک
600— <i>алты юзѣ</i> آلتی يوز	400,000— <i>тюрть лякѣ</i> تورت لک
700— <i>йити юзѣ</i> یدی يوز	500,000— <i>бншѣ лякѣ</i> بيش لک
800— <i>сакызѣ юзѣ</i> سکز يوز	600,000— <i>алты лякѣ</i> آلتی لک
900— <i>тугузѣ юзѣ</i> توقوز يوز	700,000— <i>йити лякѣ</i> یدی لک
800,000 <i>сакызѣ лякѣ</i> سکز لک	900,000 <i>тугузѣ лякѣ</i> توقوز لک
1,000,000 <i>унѣ лякѣ</i> اون лк	<i>или — брь миллионѣ</i> یر миллион

Вдумываясь въ названія десятковъ, не трудно замѣтить, что въ *игирма* يکرمه (20) слышится *ики* ايکي два, въ *утузѣ* اوتوز (30) первый слогъ напоминаетъ *учь* اوچ три, *кыркъ* قرق, какъ и рус. *сорокъ*, отступаетъ отъ общаго образованія; въ *илликѣ* ايلليک несомнѣнно коренное слово *иль* ایل племя, общество и приставка *ликѣ* ليک, дающая смыслъ соединенія въ общество, т. е. группа родныхъ въ 50 душъ составляла прежде

особый родъ или племя. Отсюда становится понятнымъ сохранившееся до сихъ поръ среди сартовъ званіе *илликъ баши* ايليك بيش, какъ представителя 50 человекъ — пятидесятника, являющагося обыкновенно въ числѣ выборщиковъ должностныхъ туземцевъ. Въ старину пятидесятникъ былъ представителемъ своего рода, а въ настоящее время является представителемъ жителей квартала, въ которомъ селились близкіе по крови родственники.

Алтмышъ التмыш (60) и *йитмышъ* يتмыш (70) составлены по одному образцу; въ обоихъ наименованіяхъ ясно сохранились названія числа шесть—*алты* اتى и числа семь—*йити* یتى, а окончаніе *мышъ* ميش, вѣроятно, означало *десятокъ* какихъ-нибудь житейскихъ предметовъ, или служило какимъ-нибудь конкретнымъ десятичнымъ терминомъ.

Сяксанъ سيكسان (80) и *туксанъ* توقسان (90) еще болѣе ясны по образованію: въ обоихъ этихъ названіяхъ каждый безъ труда различитъ числа: *сакизъ унъ* سكر اوں т. е. восемь-десять и *тукузъ-унъ* توقرا اوں т. е. девять-десять (девятисто).

Юзь يوز сто и *мингъ* مينك тысяча — древнія названія, отлично сохранившіяся у всѣхъ тюрковъ. У киргизъ словомъ *юзъ* يوز означается *орда*; *мингъ* مينك въ словахъ *мингъ-баши* مينك بيش тысяцкій означаетъ начальника отряда, крыла въ войскѣ.

Лякъ لك сто тысячъ заимствовано сартами въ послѣдующую эпоху, послѣ завоеванія Индіи монголами, такъ какъ, по происхожденію, это числительное индо персидское.

Примѣчаніе. Когда при помощи числительныхъ производится повѣрка однородныхъ предметовъ, напр. при покупкѣ сотни и болѣе сноповъ клевера,

то къ каждому числительному прибавляется слогъ *та*: *бит-та* *بیتہ* (вм. бирь-та), *ики-та* *ایکی تہ*, *учь-та* *اوج تہ*, и т. д. Прибавляемый слогъ *та* означалъ, вѣроятно, *штуку*, *связку* (*тай*).

Сложныя количественныя имена образуются такимъ образомъ: числа располагаются по старшинству разрядовъ—сначала высшіе разряды, потомъ низшіе и единицы въ самомъ концѣ. Этотъ способъ образованія сложныхъ числительныхъ въ сартовскомъ языкѣ проведенъ строго послѣдовательно, однообразно, не такъ, какъ въ русскомъ языкѣ. Кроме того, во всѣхъ сложныхъ количественныхъ, каждое числительное приставляется къ предыдущему безъ всякихъ этимологическихъ измѣненій, въ своихъ нормальныхъ формахъ, въ отличіе отъ русскаго языка, въ которомъ два, три, четыре, пять и пр. вліяютъ на измѣненіе окончанія слѣдующаго числительнаго, какъ напр. *два тысячъ пять-сотъ* по сартовски говорится просто: *ики-мингъ бишь-юзъ* *ابک مینک بیش یوز*

Образованіе порядковыхъ числительныхъ.

Для образованія *порядковыхъ* числительныхъ прибавляется къ окончанію количественнаго (простого или сложнаго) производственная приставка *нчи*, если колич. имя оканчивается на гласный звукъ (*ики* *امی* два—*ики-нчи* *ایکنچی* второй, *алты* *التی* шесть—*алты-нчи* *التنجی* шестой), или *нчи* *اینچی*, если количественное имя оканчивается на согласный звукъ (*брь* *بر* одинъ—*бр-нчи* *برینچی* первый, *бишь* *بیش* пять—*биш-нчи* *біші:нчи* пятый). Числительное первый *бр-нчи* *برینچی* замѣняется словомъ *аввальги* отъ арабскаго *авваль*.

При образованіи сложныхъ порядковыхъ именъ числительныхъ, производственная приставка *нчи* (*инчи*) присоединяется къ послѣднему числительному, какъ и въ русскомъ языкѣ, напримѣръ 1910-й — *брь мингъ тукузъ юзь унынчи* *بر مینک تو قوز یوز اوننجی*.

Примѣчаніе. Трудно догадаться, какой этимологической смыслъ имѣла первоначально производственная приставка *нчи*, но можно предполагать, что она имѣетъ сходство съ приставкой *чи*, образующей имена дѣйствующихъ лицъ (см. выше стр. 48).

Раздѣлительныя числительныя особаго окончанія не имѣютъ, а получаютъ или черезъ удвоеніе ихъ въ обыкновенной ихъ формѣ *битта-битта* *بیتته* по одиночкѣ, по одному), или въ исходномъ падежѣ: *икиданъ* *ایکی ان* — по два, по два.

Собирательныя числительныя образуются прибавленіемъ къ коренному числительному *у* (если оно оканчивается на гласный звукъ): *ики* два — *икяу* *ایکاو* двое, или окончаніемъ *ау* (*яу*), когда коренное слово оканчивается на согласный звукъ; *бши-ау* *بیشاو* пятеро, *алт-ау* *التاو* шестеро.

Къ этой приставкѣ присоединяется также окончаніе дѣепричастія прошедшаго времени съ предыдущей глагольной приставкой *ла*, т. е. *лаб*: *бши-лаб* *بیشلاب* по-пяти. Чаше же эта глагольная форма принимаетъ еще приставку взаимности — *ши* и тогда получится уже дѣепричастная форма взаимнаго залога *лашиб*: *уч-ла-шиб* *اوچلاشب* по трое (см. ниже о глаголѣ).

Приблизительныя числительныя получаютъ или постановкою числительныхъ количественныхъ рядомъ, напр. пять-шесть книгъ *бши-алты-китабъ* *بیش التي کتاب*, или прибавленіемъ къ концу числительнаго приставки *ча* означающей *около*, съ, напримѣръ: рублей съ

двѣсти или около двухсотъ— *ики юзъ сумча* *یکه یوز صومچه*.

Неопредѣланныя числительныя встрѣчаются только въ формѣ: *одинъ*, какой то и выражаются прибавленіемъ къ числителю *брь*—слога *арь*: *брарь куньда* *برار کونده* въ одинъ изъ дней, *брарь шахарда* *برار شهرده* въ какомъ-то городѣ.

Числительное *ни одинъ* переводитъ *хичь-брь* *هیچ بر*.

По означенію оба эти числительныя удобнѣе отнести къ неопредѣленнымъ мѣстоимѣніямъ.

О мѣстоимѣніяхъ.

Мѣстоимѣнія въ сартовскомъ языкѣ, какъ и въ русскомъ, замѣняютъ собою существительныя и прилагательныя. Къ первымъ относятся: личныя, возвратныя, притяжательныя, вопросительныя и неопредѣленныя; ко вторымъ—указательныя и вопросительныя, нѣкоторыя притяжательныя и опредѣленныя

Примѣчаніе. Собственно *относительныхъ* мѣстоимѣній въ сартовскомъ яз., какъ вообще въ тюркскихъ нарѣчіяхъ, нѣтъ. Если же и встрѣчаются иногда обороты въ рѣчи съ относительными мѣстоимѣніями то это является подражаніемъ персидскому языку, принадлежащему къ другому лингвистическому семейству—*иранскому*. Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ синтаксской части издаваемыхъ записокъ

Личныя мѣстоимѣнія: я *манъ* *من*, ты *санъ* *سن*, онъ *уль* *اول*, мы *безь* *بز*, вы *сезь* *سز*, они *уларъ* (аларъ) *الار*.

Возвратное мѣстоимѣніе себя отъ *узъ* *اوز* самъ въ рѣчи употребляется съ личными окончаніями: притомъ—въ им. падежѣ: при 1 лицѣ *узумъ* *اوزوم* при 2-мъ лицѣ, *узингъ* *اوزینش*, при 3-мъ лицѣ *узи* *وزی*.

Во множественномъ числѣ: мы сами *узимиъ* *اوزوميز*, вы сами *узингизъ* *اوزونگر*, они сами *узляри* *اوزلاري*.

Русскія выраженія: *самъ себя* и пр. передаются удвоеніемъ мѣстоименія *узъ* *اوز*, напр. *узъ-узини* *اوزيني* самого себя.

Примѣчаніе: Слово *узъ* *اوز* въ др. джагатайскомъ нарѣчій имѣло значенія: лицо, сущность, сердце, сердцевина. Отсюда—*узакъ* *اوزاك* фарватеръ, глубокое теченіе въ протокѣ, *кара-узакъ* *كاره اوزاك* (сл. Будаговъ).

Притяжательныя: мой *маники* *منيكي*, твой *сяники* *سنيكي*, его *аныки* *آنيكي*, нашъ *бизники* *بيزنيكي*, вашъ *сизники* *سيرنيكي*, ихъ *аларныки* *الارنيكي*,

Эти мѣстоименія образовались изъ родительнаго падежа личныхъ мѣстоименій съ прибавленіемъ производственной приставки *кы* *كي* (гы), какъ въ прилагательныхъ (см. выше стр. 54).

Въ другихъ случаяхъ притяжательность выражается сокращенными приставками къ концу слова: для 1-го лица—*м*: *атамъ* *تام* мой отецъ, для 2-го лица—*нгъ* *атангъ* *اتانك* твой отецъ, для 3-го лица—*и* (си): *атасы* *اتاسي* его отецъ.

Во множественномъ числѣ употребляются тѣже приставки: *балаларымъ* *بالاريم* мои дѣти, *балаларымызъ* *بالاريميز* наши дѣти, *балаларынгызъ* *بالارينگر* ваши дѣти, *балалары* *بالاري* ихъ дѣти.

Имена, оканчивающія на полугласный звукъ *й*, принимаютъ притяжательныя приставки въ такой же формѣ съ предшествующей соединительной гласной: въ 1-мъ лицѣ—*уймъ* *اويم* мой домъ; во 2-мъ лицѣ—*уйингъ* *اوينك* твой домъ, въ 3-мъ лицѣ—*уйи* *اوي* его домъ; во множественномъ числѣ: *уйимиъ* *اويميز*

наши дома, *уйингызъ* *اوينگىز* ваши дома, *уйлары* *اويلارى* ихъ дома.

Вопросительныя: *кимъ* *كىم* кто? *нима* *نيمه* что? *кайсы* *قىسى* который? *ничукъ* *نىچوك* какой? Говорятъ также: *каю* *قاю* который, какой? *Кандай* *قنداي* каковъ? *Канака* *قناقه* какой имеено?

Примѣчаніе: Эти мѣстоименія въ сартовскомъ языкѣ не употребляются въ см. *относительныхъ*, по общему синтаксистическому правилу, не допускающему относительныхъ предложеній.

Указательныя; *бул* (бу) *بول* этотъ, *шул* (шу) *شول* тотъ, *ушбу* *وشبو* вотъ этотъ, *ул* *اول* оный, *ушаль* *وشل* вотъ тотъ, *башка* *باشقه*, *булякъ* *بولك*, *узгя* *اوزكه*, иной, другой.

Средѣлительныя: *узъ* *اوز* самый, *арь каю* *هرقاю*, *арь-кимъ* *هركىم* всякій, каждый, *бутунъ* *بوتون* весь. Употребляется также араб. *кулль* *كل* весь.

Неопредѣленныя: *бряу* *براو* нѣкто, одинъ, кто-то, *брь-нимарса* *برنمرسه* нѣчто, что-нибудь, *хичъ-кимъ* *هيج كيم* никто, *хичъ-нима* *هيج نيمه* ничто.

Примѣчаніе: *нимарся* *نمرسه* (сокращ. *нарся*) представляетъ цѣлое предложеніе: *нима-ирся* *نيمه یرسه*.

Въ этомъ же смыслѣ употребляются выраженія *кимъ-булса-хамъ* *كىم بولسه هم* кто бы ни былъ, *нима-булса-да* *نيمه بولسه ده* что бы ни было.

Общая форма склоненій.

Въ сартовскомъ языкѣ, при отсутствіи строгаго отличія частей рѣчи по окончаніямъ словъ, является полная возможность подвести всѣ формы склоненій къ одной общей нормѣ, именно къ склоненію личнаго мѣстоименія 3-го лица—*ул онъ*:

Единственное число:

Множественное число:

Им. п. اول ул (основа <i>a</i>)	الار а-ларъ
Род. п. آينك а-нынгъ	الارينك алар-нынгъ
Дат. п. آنكا а-н-га	الارغه алар-га
Вин. п. انى а-ны	الارنى алар-ны
Твор. п. اول مان ул-манъ	الارمان алар-манъ.
Исход. п. اندين ан-дынъ	الاردين алар-дынъ
Мѣст. п. آندә а-н-да	الارده алар-да

Изъ этой формы видно, что падежные окончанія въ обоихъ частяхъ одни и тѣже.

Для образованія множественнаго числа необходимо сначала присоединить къ склоняемому слову окончаніе ,*У лар* (ляръ), какъ признакъ множества, а затѣмъ прибавлять къ этой формѣ падежные окончанія единственнаго числа.

По этому образцу, съ соблюденіемъ правилъ фонетики, склоняются какъ существительныя, такъ и прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и глаголы (въ неопред. наклон. и причастныя формы).

Примѣчаніе: 1) Окончаніе родит. пад. نينك *нынгъ* (*нингъ*) часто сокращается въ نى *ны* (*ни*).

2) Приставка творит. пад. въ книжной рѣчи имѣетъ нѣсколько формъ: برلان *брлянь*, بيلان *билянъ*, برله *брля*, بيله *биля* ايلان *илянъ*, ايله *иля*. Очевидно, въ этой формѣ сохранился кор. *брь* одинъ, откуда *брля*—*быть*

за одно, вмѣстѣ и далѣе—брлянь, какъ возвратно-страдательная форма.

3) Форма *منان* *мнанъ* (менанъ) слышится въ разговорной рѣчи и является древней формой, сохранившейся въ киргизскомъ языкѣ.

4) При склоненіи *من* *манъ*—я, въ родительномъ и дательномъ падежахъ являются упрощенныя формы, безъ двойного н: *مينك* *манингъ*, *منا* *манга*, а множ. число имѣетъ особую основу *بز* *бизь*—мы, къ которой прибавляются пад. окончанія единственнаго числа, по общему правилу.

5) Мѣст. указател. *بول* *бул* (*бу*) этотъ въ склоненіи измѣняетъ начальный звук *б* на сродный губной же *м*, а конечное *л* отбрасывается. Такимъ образомъ, при склоненіи этого мѣстоимѣнія, получаются формы:

Родительный пад. *موزينك* *му-нынгъ*,

Дательный пад. *مونكا* *му-н-га*,

Винительный пад. *موني* *му-ны*,

Творительный пад. *موزينك برلان* *мунынгъ-брлянь*,

Исходный пад. *موندین* *мун-дынъ*,

Мѣстный пад. *مونده* *мунда*.

Во множественномъ числѣ:

Именительный падежъ *بولار* *буларъ*,

Родительный падежъ *بولارينك* *булар-нынгъ*,

Дательный падежъ *بولارگه* *булар-га*,

Винительный падежъ *بولارنى* *булар-ны* и пр.

6) По тому же образцу склоняется другое указательное мѣстоимѣніе *شول* *шул* (*шу*) тотъ, причемъ за основу принимается *шу*, а конечное *л* отбрасывается.

7) Мѣстоименіе *اوشبو* *ушбу*—вотъ этотъ склоняется безъ измѣненія въ основѣ: *اوشبونينك* *ушбу-нынгъ*, *اوشبونى* *ушбу-ны*, *اوشبولار* *ушбу-лар* и т. д.

8) Въ словахъ съ притяжательными приставками 3-го лица падежныя окончанія присоединяются къ этимъ приставкамъ по общему правилу:

Единственное число:

Именительный падежъ *ата-сы* آتاسى,
 Родительный падежъ *аттасы-нынъ* آتاسى نينك,
 Дательный пад. *атасы-га* آتاسى غه,
 Винительный пад. *атасы-ны* آتاسى نى,
 Творительный пад. *атасы-брьлянъ* آتاسى برلان,
 Исходный пад. *атасы-дынъ* آتاسى دين,
 Мѣстный пад. *атасы-да* آتاسى ده,

Множественное число:

Именительный пад. *аталары* آتالارى,
 Родительный пад. *аталары нынъ* آتالارى نينك,
 Дательный пад. *аталары-га* آتالارى غه,
 Винительный пад. *аталары-ны* آتالارى نى,
 Творительный пад. *аталары-брьлянъ* آتالارى برلان,
 Исходный пад. *аталары-дынъ* آتالارى دين,
 Мѣстный пад. *аталары да* آتالارى ده,

При этомъ допускается сокращеніе въ винительномъ падежѣ *вм. ны одно н*, напримѣръ *вм. атасыны—атасын*, *вм. баласыны—баласын*.

9) Слова сложные и числительныя составныя при склоненіи присоединяють падежныя окончанія къ послѣднему слову, напр. *ата-баба-лар* آتا بابا لار предки, род. *атабабалар-нынъ* آتا بابا لار نينك.

10) Наконецъ, по синтаксическому правилу, цѣлое предложеіе можетъ принимать падежныя окончанія, которыя присоединяются къ послѣднему слову предложеіия (объ этомъ будетъ сказано въ синтаксисѣ).

Правила производства глаголовъ.

Глаголы въ сартовскомъ языкѣ оканчиваются въ неопредѣленномъ наклоненіи на *макъ* (мякъ) *مک - مق*, отвѣчающему русскому глагольному окончанію *ть* (ти). При разсмотрѣніи производныхъ глаголовъ, легко опредѣлить ихъ значеніе по приставкамъ, присоединяемымъ къ основѣ глагола, непосредственно предъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія. Не рѣдко въ производныхъ глаголахъ встрѣчаются не одна, а нѣсколько производственныхъ приставокъ, которыя очень легко отдѣлить одну отъ другой, вслѣдствіе прозрачности строенія сартовскаго языка (агглютинація).

1) Наболѣе употребительною при образованіи глаголовъ приставкою служитъ *ла* (ля) *ل* въ значеніи: дѣлать, производить, имѣть, пользоваться и под. на примѣръ: *сюзь* *سوز* слово — *сюзля* *مق سوزلا* говорить, *башъ* *باش* голова, начало — *башла-макъ* *باشلا مق* начинать, *кочакъ* *قوجاق* объятія — *кочакла-макъ* *قوجاقلا مق* обнимать; *ишь* *ايش* дѣло — *ишля-макъ* *ايشلا مق* дѣлать, *тынчъ* *تينچ* тишина, спокойствіе — *тынчла-макъ* *تينچلا مق* успокоить, *изъ* *انز* слѣдъ — *изля-макъ* *انزلا مق* искать, итти по слѣдамъ, *пчакъ* *پچاق* ножикъ — *пчакла-макъ* *پچاقلا مق* колоть, ранить ножомъ, *дурусть* *دروست* правильный, *дурустлямакъ* *دروستلامق* исправлять.

Интересны формы *йокламакъ* *يوقلامق* отъ *йокъ* *يوق* нѣтъ, *икиля-макъ* *ايكيلامق* быть вдвоемъ (см. выше, стр. 31), и *аркала-макъ* *ارقالامق* поднять на спину, а также *санлямакъ* *سانلامق* говорить съ другимъ на ты; *иртялямакъ* *ايرتهلامق* быть утромъ, утренневать (славян.).

Приставка *ла* (ля), очевидно, образовалась изъ глагола *айля* *ايله* дѣлать.

Иногда приставка *ла* употребляется только для образования других форм — возвратной, взаимной и понудительной, какъ посредствующая ступень, причемъ производные глаголы съ приставкой *ла*, вслѣдствіе ея первичности, являются какъ бы основными. Къ ихъ основѣ могутъ присоединяться и другія производственныя приставки, преимущественно (*возвратная* и *взаимная*), которыя измѣняютъ первоначальное значеніе глаголовъ.

2) Приставка *н* ن, или съ предшествующею гласной *ын-ин*, образуетъ *возвратные* глаголы, какъ изъ чистыхъ глагольныхъ основъ, такъ и изъ основъ, уже принявшихъ частицу *ла*, на примѣръ: *угрян-макъ* اوكرانمكъ учиться, *суюн-макъ* سويونمكъ радоваться. Для русскаго умопредставленія интересна форма *атлан-макъ*: *атъ* лошадь, *атла-макъ* (неупотр.) имѣть, взять лошадь, *атлан-макъ* اطلانمقъ сдѣлаться имѣющимъ лошадь, распоряжаться лошадыю, въ смыслѣ *остѣлать* ее и усѣсться на нее: *атланыбъ-юрмякъ* اطلانيب يورمكъ ѣхать верхомъ на лошади и под.

Въ этой приставкѣ *н* указываетъ на винительный падежъ возвратнаго мѣстоименія *узъ* از самъ — *узини* اوزى نى себя.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ возвратная приставка *н* придаетъ производному глаголу значеніе *страдательнаго* залога: *сайлан-макъ* سيلانمكъ подвергать себя избранію, быть избираемымъ.

3) Приставка *л* ل, или съ предшествующею гласной *ыл* (ил), образуетъ *страдательные* глаголы: *язмакъ* يازمقъ и *битмякъ* بيتمكъ писать — *язы-л-макъ* и *бити-л-мякъ* (بيتيل مق - يازلمق) быть написану.

Приставка *л* должна считаться признакомъ глаг. *бул* быть, какъ и въ страд. формѣ рус. языка.

4) Приставка *ش* (*ш*), или съ предшествующею гласной *иш* (*иш*), — придаетъ производному глаголу значеніе *взаимности* и *соучастія* въ дѣйствиіи или состояніи, или же указываетъ, что дѣйствіе касается не одного лица, а цѣлой группы людей, или цѣлой группы предметовъ.

Примѣры: *اوچراماق* *учрамакъ* встрѣчать — *اوچراماق* *учрашмакъ* встрѣчаться съ другими лицами; *سوزلاماق* *сюзлямакъ* говорить — *سوزلاشماق* разговаривать съ другими людьми; *كېلىماك* *кильмакъ* — *كېلىشماك* *килишмакъ* — *كېلىشماق* *кыльшмакъ* — *كېلىشماق* *кыльшмакъ* — *كېلىشماق* *кыльшмакъ* дѣлать вмѣстѣ съ другими; *قوچا قلاماق* *кочакламакъ* обнимать — *قوچا قلاماق* *кочаклашмакъ* обниматься; *اولدورماق* *ульдурмакъ* убивать — *اولدوروشماق* *ульдурюшмакъ* участвовать въ убійствѣ; *ياقا* *яка* воротъ — *ياقا لاشماق* *якалашмакъ* схватить другъ друга за воротъ, вступить во взаимную борьбу — драку.

Оригинальное сочетаніе *взаимныхъ* глаголовъ представляетъ слѣдующій отрывокъ, заимствованный изъ № 94 туземной газеты за 1909 годъ:

۱۹۰۹ نچى يلدە ۲۱ نچى نويا برده كونا، ووزى ساعت ۱۱ چاغده فرغانه مضافاتى مرغان اويازدیغه قراشلى اوچ قورغان ديكان جانی بازاریغه اطراف جوانب لاردين از برای بازار قیلما قلیك اوچون کیلیشكان بازارچی فقرا لار هر هفته قیلادوركان سودا سالیغلارینی قیلشیب فاریغ بال اولتو وشكان لاری حالتد، اتفاقا برطرفدن ۸۰ نفر دین زیاد، راق نا تعین قطع الطریق باسمه چی اوغریلار همه لاری بیل لاریده تفنکچه ومیلتق وخنجر وچون باش وکلتك اوشبولارکا اوخشاش نمرسه لاری قول لاریغه آلیشید مدکور بازارنی هر طرفیدین آط قویوشیب کریشكان فرصته بازارچی لارکا قورقونچی لک وقع بولونیب هر قیسی سی اوز جانینی سلامتلیکده سقلاماق

*) Глаголь *كېلىشماك* означаетъ также *соответствовать*.

اوچون هر طرفكا قاجماقليك كا اماده بولوشيب توروشكانلازى حالتده مذكور
 اوغريلار مذكور بازاركا هر طرفلاردين يغلشيب جمع بولكان دوكانا ققرالاردبن
 ۲۲ نفردين زياده راق آدم لارنى آتيب قتيغ يره دار قياشيب اولدوروشيب هر نه
 بار نقدينه پل مال لارينى تالان و تاراج ايلاشيب هر طرفلاركا قراشيب قاچشيب
 كتيب دورلار

Интересное образование представляет глаголь
судлашмакъ سودلاشماق судиться съ кѣмъ, произведен-
 ный отъ русскаго слова *судъ*, при посредствѣ при-
 ставки *ла+ш*.

Примѣчаніе: Упомянутая приставка взаимности
ш указываетъ на древне-тюркское слово *ایش* *ишъ*,
 означающее товарища-друга (Слов. Л. Будагова).

б) Приставка *дур* (тур) *дур* (тур) придаетъ гла-
 гольной основѣ значеніе *понужденія*, будетъ ли это
 приказаніе, просьба, попущеніе или оплошность, да-
 ющая поводъ къ другому дѣйствию, на-примѣръ
язмакъ писать — *яздурмакъ* заставить или
 просить другого писать; *атланмакъ* садиться
 верхомъ на лошадь — *атландурмакъ* поса-
 дить другого верхомъ на лошадь; *сайланмакъ*
 быть избираемымъ — *сайландурмакъ* выбирать,
 производить выборы; *угурламакъ* красть —
угурлатмакъ подговорить на кражу или, дать
 поводъ къ воровству плохимъ охраненіемъ своей
 собственности и др.

Къ глаголамъ, имѣющимъ основу съ гласнымъ
 окончаніемъ (въ томъ числѣ всѣ глаголы съ при-
 ставкой *ла*) принимаютъ въ значеніи *понудитель-*
ной приставки одну бркву *т*, на-примѣръ: *ауоумақ*
 читать — *укутмакъ* заставить или просить
 другого читать (отсюда — учить), *синмакъ* (синмақ)
 ломаться, разбиться — *синдурмакъ* сломать,

разбить, *ухламакъ* اوخلامق спать—*ухлатмакъ* وخلاتمق
усыпить, убаюкать.

Примѣчаніе. Можетъ быть, приставка *т* и слѣ-
дующая приставка *р* являются сокращеніемъ, или ука-
заніемъ на полную приставку *тур*—*дур*.

Въ другихъ глаголахъ *понудительною* приставкою
является звукъ *р* съ предшествующею гласной, въ
соединеніи съ которой эта приставка является въ
формѣ: *ар*, *ур*, *ир*, на примѣръ: *чикмакъ* چيقمق выхо-
дить—*чицармакъ* چيچارمق заставить выходить, выводить; *ау-
летать*—*ауцурмакъ* اوچورمق заставить летѣть, вспуг-
нуть птицу; *ичмякъ* ايچمك пить—*ичирмякъ* ايچرمك за-
ставить пить, напоить другого*).

Иногда, по требованію смысла, понудительная при-
ставка удваивается, на примѣръ: *ульдурьямакъ* اولدورمك
убить (причинить смерть)—*ульдуртмякъ* اولدورتكم под-
говорить кого-нибудь къ убійству; *укуттур-
макъ* اوكدورمق поручить или попросить учителя обучать ученика.

Примѣчаніе. Въ случаяхъ *удвоенія* понудитель-
ной приставки, эта послѣдняя никогда не бываетъ
одной формы, а всегда состоитъ изъ краткой и пол-
ной приставокъ: *дур+т* или *т+тур*, или *р+т*.

Другой видъ понудительной приставки пред-
ставляетъ частица *гуз* (куз), *гуз-кюз*, или одинъ ко-
нечный звукъ *з*—*з* *утмякъ* اوتمك проходить—*уткуз-
макъ* اوتقوزمق заставить проходить, *иммякъ* ايممك со-
сать грудь—*имизмякъ* ايميزمك кормить грудью; *тормакъ*
стоять—*тсргузмакъ* تورغوزمق поставить, воздвиг-
нуть (домъ), *ятмакъ* ياتمق лежать—*яткузмакъ* ياتقوزمق
положить другого; *кирмякъ* کيرمق входить—*киргузмакъ*

* Упогребляется другая форма: *ичкузмакъ* ايچقوزمق

кѣрغو زمق заставить войти, вводить; акмакъ افمق течь—
акызмакъ اقيزمق заставить течь, проливать.

Примѣчаніе. Понудительная приставка можетъ присоединяться не только къ чистой основѣ глаголь, но и къ основамъ, имѣющимъ уже какую-либо производственную приставку – возвратную, страдательную, взаимную: суюндурмакъ سویوندورمق обрадовать, сузляштурмакъ سوزلاشتورمق заставить говорить.

Кромѣ того, эта приставка можетъ повторяться (въ разныхъ формахъ) при одной и той же основѣ, напримѣръ: ульмякъ умирать, ульдюрмякъ اولدورمك причинять смерть, ульдуртмякъ اولتورتكم побуждать къ убійству, или содѣйствовать другому въ убійствѣ; укумакъ учиться, укутмакъ او قوتامق учить, укуттурмакъ او قوتدورمق заставить, просить, поручить одному обученіе другого.

Примѣчаніе. Всѣ производственныя приставки, присоединяемыя къ глагольной основѣ по двѣ и болѣе, смотря по логической необходимости, послѣдовательно измѣняютъ коренное значеніе глагола. Вслѣдствіе этого нѣкоторые глаголы удлиняютъ свой звуковой составъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняютъ свое значеніе, соотвѣтственно присоединяемымъ приставкамъ. Такая сложная созидательная работа не затемняетъ однако ни смысла, ни самой звуковой стороны постепенныхъ наращеній производственныхъ приставокъ, которыя, по свойству агглютинаціи, сохраняютъ свою видимость и соединеніе которыхъ вполне прозрачно.

Замѣчанія о глаголахъ—существительномъ и отрицательномъ, о глаголахъ вспомогательныхъ и о глаголахъ, обозначающихъ актъ рожденія, произведенія потомства.

Существительнымъ глаголомъ въ сартовскомъ языкѣ является глаголомъ *бар* بار *есть*, существуетъ. У этого глагола нѣтъ другихъ формъ. (Ср. изслѣд. Н. Некрасова „О значеніи формъ русскаго глагола“, стр. 279).

Ему противоположенъ по смыслу глаголь *йокъ* يوق *нѣтъ*, выражающій небытіе, какъ отрицаніе существованія. Глаголь *йокъ* также не имѣетъ другихъ формъ, но въ настоящемъ времени употребляется глагольная связка *дур* دور, а въ прошедшемъ времени—глагольная форма *икянь* ايكان или *ирди* ایردی **напримѣръ**: *баръ дуръ*, *баръ икянь*, *баръ ирди* بار ايردی - بار ايكان - بار دور; *йокъ дуръ*, *йокъ икянь*, *йокъ ирди*, يوق دور - يوق ايكان - يوق ایردی.

Примѣчаніе. Въ древнихъ сартовскихъ сказкахъ всегда бываетъ оригинальное присловіе, въ которомъ чередуются глаголы *бар* *есть* и *йокъ* *нѣтъ* съ гл. *айкан* ايكان: *бар аикан йокъ аикан* и пр. (см. предисл. къ Народнымъ сказкамъ сартовъ, изд. въ Ташкентѣ, въ 1906 г., на стр 11).

Примѣчаніе. Въ сартовскомъ языкѣ нѣтъ глагола *имѣю*, который и замѣняется перифразомъ: вмѣсто *я имѣю*, нужно говорить: *у меня есть*—*мяндя баръ* من ده بار; *вмѣсто: я не имѣю*, нужно говорить: *у меня нѣтъ*—*мяндя йокъ* من ده يوق.

Примѣчаніе. Глаголы *дур* и *имишь* различаются по своему значенію: *дур* имѣетъ оттѣнокъ сомнѣнія, а *имишь*—значеніе извѣстнаго по слуху.

Глаголы *икянь* и *ишишь*, равно какъ и *кирякъ* нужно, должно не имѣють личныхъ окончаній и могутъ быть названы *безличными* глаголами, хотя послѣдній (*кирякъ*) приближается, по значенію, къ нарѣчію.

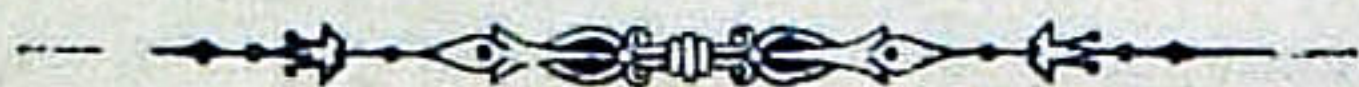
Глаголы вспомогательные служатъ для образованія сложныхъ спрягаемыхъ формъ. Такихъ глаголовъ въ сартовскомъ языкѣ нѣсколько: *булмакъ*, *башламакъ*, *ятмакъ*, *бирмякъ*, *алмакъ* и др. О нихъ будетъ сказано ниже.

Для обозначенія вывода дѣтенышей употребляются глаголы съ приставкою *ла*, какъ на примѣръ: отъ *бута* *بوتہ* верблюженокъ — *буталамакъ* *بوتہ لامق* произвести верблюженка, отъ *кузы* *قوزی* ягненокъ — *кузыламакъ* *قوزی لامق* объягниться, отъ *бузакъ* *بوزاق* теленокъ — *бузакламакъ* *بوزاق لامق* отелиться; *колонламакъ* *قولون لامق* ожеребиться отъ *колонъ* *قولون* жеребенокъ. О собакахъ употребляется глаголъ *بالا لامق* — *производитъ дѣтей*.

Въ отношеніи птицъ употребляется глаголъ *ачмакъ* *اچمق* открывать (подразум. яичную скорлупу); о курицѣ говорятъ *джуджаламакъ* *جوجه لامق*, въ смыслѣ производить циплять.

Для обозначенія рожденія дѣтей женщиной употребляется глаголъ *тузмакъ* *توغمق*.

Существуютъ особые глаголы для обозначенія крика животныхъ и птицъ, какъ на примѣръ: *кишнямакъ* *کیشنامق* ржать (о лошади), *бузламакъ* *بوزلامق* ревѣть (о верблюдѣ), *мичаулямакъ* *میچاولامق* (о кошкѣ), *манграмакъ* *مانگرامق* мычать (о коровѣ) и пр. О пѣньѣ соловья говорятъ *сайрамакъ* *سیرامن*, о пѣньѣ перепела *гурилямакъ* *کور یلامک*.

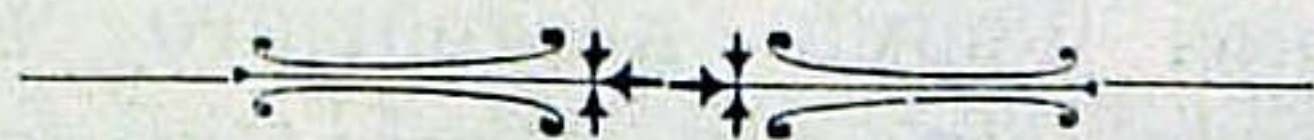
Общія замѣчанія о глагольныхъ формахъ.

„Спряженіе въ турецко-татарскомъ языкѣ — писалъ покойный незабвенный мой учитель Н. И. Ильминскій*) — есть самая главная часть, въ которой нарѣчія этого языка грамматически отступаютъ одно отъ другого**). Впрочемъ, большая часть діалектическихъ разностей въ спряженіи примиряются посредствомъ фонетическихъ измѣненій—въ нарѣчіи Джагатайскомъ. Теперь трудно рѣшить, были ли уже въ первичномъ тюркскомъ языкѣ, до раздѣленія его на разныя вѣтви, всѣ основныя формы глагола, такъ чтобы сумма древняго спряженія слагалась изъ спряженія производныхъ нарѣчій, или же эти послѣднія, съ теченіемъ времени, сами вновь создали нѣкоторыя особыя формы. Какъ бы то ни было, Джагатайское нарѣчіе, и по своей относительной древности и по своему географическому положенію среди другихъ тюркскихъ діалектовъ, представляетъ въ отношеніи къ нимъ явленіе какъ бы среднее. Отсюда открывается особая важность подробнаго изслѣдованія джагатайскаго спряженія, чтобы въ немъ имѣть основанія для сравнительныхъ изысканій“.

*) Матеріалы для джагатайскаго спряженія изъ Баберъ-Намэ. Казань, 1865 (Перепеч. изъ Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета за 1863 годъ).

***) По словамъ всѣхъ извѣстныхъ изслѣдователей языка, „глаголь“ во всѣхъ языкахъ составляетъ самую существенную часть грамматики, и значеніе этой части рѣчи и формы ея измѣняются въ каждомъ языкѣ, сообразно его духу. Именно этотъ отдѣлъ болѣе всего затрудняютъ составителей руководствъ по грамматикѣ, какъ это видно изъ изслѣдованія Н. Некрасова (С.-Петербургъ, 1865)

Къ сожалѣнію, покойный тюркологъ ограничилъ въ данномъ случаѣ свою интересную задачу только нѣкоторыми глагольными формами, встрѣчающимися въ извѣстномъ „классическомъ“ въ исторіи Средне-Азіатской литературы памятникѣ (*Баберъ-Намэ*), подлинный текста котораго Н. И. Ильминскій издалъ въ Казани въ 1857 году. Но для нашей цѣли эта замѣтка чрезвычайно цѣнна, такъ какъ сартовскій языкъ (идіомъ) ближе всего подходитъ къ Джагатайскому нарѣчію. Теперь трудно возстановить всѣ основныя и отличительныя глагольныя формы этого идіома, такъ какъ туземные литераторы находились подъ разными сторонними вліяніями и о чистотѣ своего языка не заботились, потому что не понимали этой высокой лингвистической задачи. Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія на языкъ сартовъ оказывали большое вліяніе татары (казанскіе и крымскіе) не только путемъ непосредственнаго вліянія, но и посредствомъ печатныхъ изданій — брошюръ и особенно газетъ. Для нашей настоящей цѣли могутъ служить главнымъ матеріаломъ живой говоръ современниковъ — сартовъ и образцы ихъ литературнаго изложенія въ туземной газетѣ. На основаніи этого матеріала мы и представимъ современныя глагольныя формы и образцы спряженій глаголовъ въ сартовскомъ языкѣ, придерживаясь распорядка русской грамматики, для большого удобства тѣхъ русскихъ туркестанцевъ, которые будутъ пользоваться издаваемымъ руководствомъ.

Основные глагольные формы.

Неопредѣленною наклоненіе имѣетъ своимъ окончаніемъ *макъ* مق (мякъ): *уку-макъ* او قومق читать, учиться; *бирь-мякъ* بيمك давать, дать; *уйла макъ* اويلامق думать; *сюзля-макъ* سوزلامق говорить. Какъ отвлеченное существительное, оно принимаетъ падежныя окончанія.

Повелительное наклоненіе опредѣляется просто — отбрасываніемъ окончанія неопред. накл., на примѣръ отъ *уку-макъ* — *уку* читай, отъ *бирьмякъ* — *бирь* дай и т. д.

Примѣчаніе. Въ формѣ повелительнаго наклоненія заключается основа глагола, служащая для образованія прочихъ спрягаемыхъ формъ сартовскихъ глаголовъ, какъ коренныхъ (простыхъ), такъ и производныхъ (сложныхъ): отъ *сюзлямакъ* — *сюзля* سوزلا говори; отъ *алыштурмакъ* — *алыштуръ* الوشتور обмѣняй.

Дѣепричастіе настоящаго времени, при глагольной основѣ на согласный звукъ, принимаетъ звукъ *а* или *я*, на примѣръ *кыль* дѣлай — *кыла* قيله дѣлая, *бирь* дай — *биря* بيرا давая; *киль* приходи — *киля* كياля приходя и пр.

Къ глагольной основѣ, оканчивающейся на гласный звукъ, въ настоящемъ вр. дѣепричастія прибавляется звукъ *й*, на примѣръ *уку* او قو читай — *укуй* او قوی читая, *кара* смотри — *карай* قراى смотря, *башла* начинай — *башлай* باشلاى начиная.

Такимъ же способомъ образуется настоящее дѣепричастіе и отъ глаголовъ съ отрицаніемъ: *кылмай* قيلمای, *бирьмай* بيرماى, *карамай* قراماى и пр.

Примѣчаніе. Форма настоящаго дѣепричастія самостоятельно въ рѣчи не употребляется, а служитъ только для образованія сложныхъ формъ глаголовъ.

Дѣепричастіе прошедшаго времени, при глагольной основѣ съ гласнымъ окончаніемъ, принимаетъ звукъ *б*: *кара* смотри—*карабъ* قرابъ смотрѣвши; *уйла* думай—*уйлабъ* اويلاب думавши.

Глаголы съ согласнымъ окончаніемъ въ основѣ для образованія прошедшаго дѣепричастія принимаютъ тотъ же звукъ *б* съ предшествующей соединительною гласной (твердой или мягкой): *алъ* бери—*алубъ* (алыбъ) الوبъ взявши; *баръ* иди, ступай—*барубъ* باروبъ (барыбъ) пошедши; *бирь* дай—*бирюбъ* بيروبъ давши и под.

Подъ вліяніемъ татарско-турецкой грамматики, въ сартовскомъ языкѣ встрѣчается иногда форма на *гачъ* غاچъ: *укугачъ* او قوغاچъ и принимаетъ приставку исходнаго падежа: *ау* قوغاچد ين کيین послѣ того какъ прочиталъ.

Примѣчаніе. Дѣепричастіе на *б* принимаетъ личныя окончанія въ спряженіи, какъ будетъ показано ниже.

Причастіе настоящаго времени особаго окончанія не имѣетъ, а замѣняется, смотря по требованію смысла, — или составною формою изъ настоящаго дѣепричастія и вспомогательнаго глагола *торганъ*, напри- мѣръ *кыла+дурганъ* قیلادورغانъ дѣлающей, *укуй+дурганъ* او قوی دورغانъ читающей, учащейся; или же формою дѣйствующаго лица: *кылгучи* قیلغو غوچی, *укугучи* او قوغوچی.

Причастіе прошедшаго времени имѣетъ свое определенное окончаніе *ганъ* غانъ (канъ), *гань* گانъ (кянь), которое приставляется непосредственно къ глагольной основѣ (повелительн. наклон.): *кылъ* - قیلگانъ (сдѣлавшій), *кара*—قراگانъ (смотрѣвшій); *сюзля*—سو زلا کانъ (говорившій); *китъ* کیتگانъ (ушедшій).

Эти окончанія присоединяются ко *встѣмъ* глагольнымъ основамъ, какъ къ первичнымъ, такъ и къ производнымъ, на примѣръ: اولدورگان *ульдюрганъ*, الوشکان *алушканъ*, اطلانغان *атланганъ*, يريلا-کان *бирильганъ*.

Такъ же точно это окончаніе присоединяется и къ основамъ съ отрицаніемъ *не* ما: بولماغان *булмаганъ* (не бывшій), اوقوماغان *укумаганъ* (не читавшій).

Значеніе этого причастія тоже, что и въ русскомъ языкѣ, но употребляется оно не только какъ *опредѣляющее* слово, но и въ значеніи *сказуемаго* со связкою دور *дуръ* и съ глаголомъ اىکان, на примѣръ: خط يازيلکان دور *написанное письмо*, خط يازيلکان دور *письмо написано* есть, خط يازيلکان اىکان *письмо было написано*.

Причастіе *будущаго* времени, по предположенію Н. И. Ильминскаго, въ древности имѣла двѣ формы, но въ Джагатайскомъ языкѣ обѣ эти формы сближались въ своемъ значеніи и так. образ. получалась одна общая по значенію *форма—настояще-будущая*.

Характеристикой этой причастной формы служитъ звукъ *р*, въ формѣ *ар*, или *ур*: بول یرده اقا، سولار بار *въ этой странѣ есть текущія (проточныя) воды*.

Въ значеніи же собственнаго *будущаго* причастія эта форма на *ур* означаетъ *намѣреніе* или *дѣйствіе*, хотя находящееся въ связи съ настоящимъ, но имѣющее совершиться непосредственно за этимъ настоящимъ, какъ на примѣръ: بول ايشى اول قیلور *это дѣло онъ сдѣлаетъ* или: مدرسده اوقوب توروب علمنى بیلور *пучившійся въ школѣ, онъ узнаетъ науку*.

Въ отрицательной формѣ будущее причастіе принимаетъ вмѣсто *р* окончаніе *с*, въ формѣ *масъ*: اوقوماس *онъ не будетъ читать*, не будетъ учиться; بيلماس *онъ не будетъ знать*.

Примѣръ въ Баберъ-Намэ: *فاجارة چماس بولو بدور* онъ былъ въ нерѣшимости—бѣжать, или не бѣжать.

И отрицательное причастіе будущаго времени употребляется, какъ опредѣленіе того имени, передъ которымъ онъ стоитъ въ рѣчи.

Въ противоположность будущему причастію на *ر*, въ сартовскомъ языкѣ есть глагольная форма, оканчивающаяся на *غای* (гай), придающая дѣйствию или состоянію значеніе *предположенія* и *желательности*, при неполной увѣренности, и переводится по русски словами: *можетъ быть*, *примѣрно*, *вѣроятно* и под.

Напримѣръ: *بوير تاشکند دین بر تاش بولغای* эта земля отъ Ташкента будетъ, примѣрно, въ разстояніи одного таша (8 верстъ); *خداوانا. کریم سزغه خیر بیرغای* желаю-молю, чтобы Господь Милосердый даровалъ вамъ благо (или короче: да подастъ вамъ благо...)

При помощи этой формы, опредѣляется также приблизительный счетъ *بول بالا اون تورث اون بیش یاشار بولغای* этотъ отрокъ, вѣроятно, 14-ти лѣтъ или 15-ти лѣтъ.

При обозначеніи будущаго дѣйствія, форма на *غای* даетъ оттѣнки: приказанія, просьбы, обѣщанія, надежды, намѣренія, предположенія.

Такимъ образомъ идея будущности, присущая этой формѣ во всѣхъ случаяхъ, при отличіи ея отъ обыкновеннаго, положительнаго *будущаго* причастія состоитъ въ томъ, что она никогда не употребляется, какъ частная форма, и не служитъ опредѣленіемъ другого имени въ рѣчи, а является какъ условно-положительная форма дѣйствія или состоянія, обозначаемаго глаголомъ. Особенно часто сарты прибѣгаютъ къ этой формѣ, когда выражаютъ свои пожеланія, или неувѣренные предположенія.

Въ замѣткѣ Н. И. Ильминскаго приводится третья форма Джагатайскаго спряженія на *غو*, которой онъ даетъ значеніе извѣстнаго времени изъявительнаго наклоненія, и которая измѣняется по лицамъ чрезъ присоединеніе притяжательныхъ окончаній и вспомогательнаго глагола (связки) *دور* *дуръ*:

Единств. число:

Множеств. число:

1-е лицо—*بارغوم دور*

баргумиздор

2-е лицо—*بارغونك دور*

баргонскиздор

3-е лицо—*بارغوسی دور*

барголари дор

Эта глагольная форма означаетъ рѣшительное утвержденіе относительно будущаго дѣйствія или состоянія, основывающееся на религіозномъ вѣрованіи, или на фактическомъ опытѣ, или-же на субъективномъ душевномъ состояніи (опасеніе, намѣреніе, обѣщаніе), наприм.: *حدا نيك اراده سی نیمه بولسه اول بولغوسی دور* „что Богу угодно, то и будетъ“. Еще примѣръ изъ Баберъ-Намэ: *اگر بیتلیکودیک نیمه نظرغه کیسه تحریر قیلغوم دور* *واشتیلیکودیک نیمه ایشتیلسه تقریر قیلغوم دور*

„Если еще увижу что-нибудь стоящее, чтобы написать, напишу; если услышу—изложу“.

Кромѣ приведенныхъ и подобныхъ примѣровъ, форма на *غو* употребляется также, какъ глагольное имя дѣйствія (о чемъ сказано выше, на стр.), а съ приставкой *دیک* *дикъ*—подобный, какъ имя прилагательное отглагольное: *بوسوز اینالغودیک ایماس* „это слово не достовѣрно, не заслуживаетъ уваженія“.

Отрицательный глаголъ *ایماس* можетъ быть замѣненъ приставкою *سیز* *сызъ* въ значеніи *безъ*.

Иногда форма на *غو* употребляется для выраженія желанія, хотѣнія съ глаголомъ *کیلмаک* *кильмакъ* приходитъ; но такая форма слышится исключительно въ простонародной рѣчи.

Отъ формы на *غو* образуется дѣепричастіе при помощи приставки *کیله* *نیچه* *нча*: *کیله نیچه* *кильунча*—пока не приду; *ایتقونیچه* *айткунча* прежде чѣмъ скажу; или въ значеніи: *вмѣсто того чтобы*: *من بارغو نیچه سن اوزنک بار* „вмѣсто того, чтобы мнѣ итти, ступай ты самъ“.

О другихъ особенностяхъ глагольныхъ формъ въ сартовскомъ языкѣ будетъ рѣчь—въ синтаксисѣ, при выясненіи разныхъ оттѣнковъ еще словосочиненія, разныхъ способовъ составленія предложеній.

Формы спряженія сартовскихъ глаголовъ.

Изъявительное наклоненіе:

По общему логическому порядку, сартовскіе глаголы измѣняются въ изъявительномъ наклоненіи по тремъ временамъ—*настоящему, прошедшему и будущему*.

Настоящее время означаетъ дѣйствіе, продолжающееся совершаться, или состояніе еще продолжающееся. Поэтому Настоящее время выражается сложною формой, образуемою прошедшимъ дѣепричастіемъ основнаго (спрягаемаго) глагола и настоящимъ временемъ вспомогательнаго глагола, какъ на примѣръ:

Единственное число.

1-е лицо. Я читаю—*укубъ тора-манъ* *او قوب تورامن*

2-е лицо. Ты читаешь—*укубъ тора-санъ* *او قوب توراسن*

3-е лицо. Онъ читаетъ—*укубъ тора дуръ* *او قوب تورادور*

Множественное число.

1-е лицо. Мы читаемъ—*укубъ тора-мызъ* *او قوب تورамир*

2-е лицо. Вы читаете—*укубъ тора-сызъ* *او قوب تورасиз*

3-е лицо. Они читаютъ—*укубъ тора-дурларъ* *او قوب تورадурлар*

Чаще для обозначенія продолжающагося дѣствія или состоянія употребляется вспомогательный глаголъ *ياتمق* въ формѣ прошедшаго дѣепричастія: *اوقوب باتوب من*, что при быстромъ произношеніи слышится какъ *укуватманъ*; *кылыбъ ятыбъ манъ* *قيلرب ياتوب من* слышится, какъ *кылватманъ* и под.

Примѣчаніе: Въ существующихъ руководствахъ настоящимъ временемъ считается форма, образованная личными мѣстоименіями отъ настоящаго дѣепричастія, какъ на примѣръ: *кыла-манъ* *قيلامن*

кыла-санъ *قيلاسن*

кыла-дуръ *قيلادور* и пр.

Но эта форма въ сартовскомъ языкѣ употребляется для обозначенія будущаго опредѣленнаго, въ смыслѣ—*сдѣлаю непременно*, въ отличіе отъ будущей неопредѣленной формы на *р*, о чемъ сказано ниже.

Прошедшее несовершенное время.

(Imperfectum).

Оно образуется изъ прошедшаго дѣепричастія съ присоединеніемъ личныхъ мѣстоименій, на прим.::

Единственное число.

1-е лицо. Я писалъ — *язубъ-манъ* *يازوب من*

2-е лицо. Ты писалъ — *язубъ-санъ* *يازوب سن*

3-е лицо. Онъ писалъ — *язубъ-дуръ* *يازوب دور*

Множественное число.

1-е лицо. Мы писали — *язубъ-мызъ* *يازоб миз*

2-е лицо. Вы писали — *язубъ-сызъ* *يازоб сиз*

3-е лицо. Они писали — *язубъ-дурларъ* *يازоб дурлар*

Прошедшее совершенное время.

(Perfectum)

Характеристикой этой формы служить слогъ *ды* *دی*, который присоединяется къ глагольной основѣ; а затѣмъ къ этой новой формѣ въ единственномъ числѣ приставляются сокращенныя личныя мѣстоименія 1 и 2 лица. Въ 3 лицѣ нѣтъ особаго окончанія.

Единственное число.

1-е лицо. Я пришелъ—*киль-ди-мь* *کیلدیم*

2-е лицо. Ты пришелъ *киль-ди-нгь* *کیلدینگ*

3-е лицо. Онъ пришелъ *киль-ди* *کیلدی*

Множественное число.

Во множественномъ числѣ прошедшаго совершеннаго времени въ 1-мъ лицѣ присоединяется окончаніе *кь*, во 2-мъ лицѣ—окончаніе *нгизь*, въ 3-мъ лицѣ—приставка множественности *ларь*, на примѣръ:

1-е лицо. Мы пришли—*кильдикь* *کلدیک*

или—*кильдукь* *کلدوک*

2-е лицо. Вы пришли—*кильдингизь* *کیلдингиз*

3-е лицо. Они пришли—*кильдилярь* *کیلдилар*

Давнопрошедшее время.

(Plusquamperfectum).

Эта форма сложная, составляется изъ прошедшаго причастія (*гань*, *кянь*) и вспомогательнаго глагола *ирди* (иди), *икянь*, на примѣръ:

Единственное число.

1-е лицо. Я давно сдѣлалъ—*кылгань-ирдимь* *قیلغان ایردیم*

2-е лицо. Ты давно сдѣлалъ—*кылгань-ирдингь* *قیلغان ایرдинг*

3-е лицо. Онъ давно сдѣлалъ—*кылгань-ирди* *قیلغان ایردی*

Множественное число.

1-е лицо. Мы давно сдѣлали—*кылган-ирдукъ* قیلغان ایردوک

2-е лицо. Вы давно сдѣлали — *кылган-ирдингизъ* قیلغان ایرдинگز

3-е лицо. Они давно сдѣлали—*кылган-ирдиляръ* قیلغان ایرдилار

Примѣчаніе. Прошедшее совершенное время употребляется при разсказѣ о дѣйствіи или состояніи, лично извѣстномъ говорящему, какъ о фактѣ, лично имъ наблюдаемомъ, а давнопрошедшая форма употребляется при разсказѣ о событіяхъ или фактахъ, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи.

Прошедше-многократная форма.

Прошедше-многократная форма, выражающая повторяемость дѣйствія или состоянія, при одинаковыхъ условіяхъ, образуется изъ причастія на *р* и вспомогательнаго глагола *айромк*, который измѣняется по лицамъ и числамъ прошедше-совершеннаго времени, на примѣръ: я (много разъ) писалъ и говорилъ ему—*айтар айрымъ* من انکا یازار айрымъ *Они (неоднократно) встрѣчались—* ایر берлар айла ачрашаз айканлар

Объ этой формѣ, оч. употребительной въ живой рѣчи сартовъ, у Абу-Хайяна упомянуто кратко, въ мѣстныхъ грамматикахъ говорится смутно (напр. у г. Будзинскаго), а въ самоучителѣ Алексѣева совсѣмъ не говорится.

Замѣчаніе о причастной формѣ, оканчивающейся на *میش*.

Эта форма должна быть отнесена къ прошедшему причастію. При употребленіи въ рѣчи эта форма до сихъ поръ сохраняетъ оттѣнокъ прошедшаго времени, когда идетъ рѣчь о дѣйствіи, лично извѣстномъ говорящему лицу и относительно котораго это лицо хорошо увѣрено. Въ спряженіи же эта форма

имѣеть личныя окончанія. (Ср. Адеѣбиджанское нарѣчіе въ руковод. Л. Будагова). Несомнѣнно, эта форма — древняя, такъ какъ о ней упоминается у Абу-Хайяна. По Будагову (словарь), форма *میش* образовалась изъ недостаточнаго глагола *ایمیش*, а намъ извѣстно, что *ایمیش* ставится въ рѣчи, когда хотять обозначить *извѣстное по слуху*.

Примѣры: *اور تا قلازیم انی کور میشلار (کورکان ایمیشلار)* — мои товарищи, какъ слышно, видѣли его;

مرشب اولغرینی توت میші (توتکان ایمیش)
какъ слышно, полицейскій поймалъ вора;

بابام آیتی سات میші (ساتکان ایمیش)
слышно, что мой дѣдъ продалъ свою лошадь.

Будущее время.

(Futurum).

Для выраженія *будущности* дѣйствія или состоянія, въ сартовскомъ языкѣ есть двѣ формы: будущее опредѣленное и будущее неопредѣленное.

1. Будущее опредѣленное образуется отъ настоящаго дѣпричастія посредствомъ присоединенія личныхъ мѣстоименій и означаетъ дѣйствіе, имѣющее совершиться безъ замедленія, какъ бы въ настоящій моментъ.

Единственное число.

1-е лицо. *Кыла-манъ қиламан* я сейчасъ сдѣлаю.

2-е лицо. *Кыла-санъ қиласан* ты — сдѣлаешь.

3-е лицо. *Кыла-дуръ қладур* онъ — сдѣлаетъ.

Множественное число.

1-е лицо. *Кыла-мызъ қиламыз* мы — сдѣлаемъ.

2-е лицо. *Кыла-сызъ қиласыз* вы — сдѣлаете.

3-е лицо. *Кыла-дурларъ қладурлар* они — сдѣлаютъ.

Примѣчаніе. Поэтому многіе принимаютъ эту форму за настоящее время изъявительнаго наклоненія, но это объясняется недоразумѣніемъ (ср. стр. 83).

2. Будущее неопредѣленное образуется отъ будущаго причастія на *p* посредствомъ присоединенія личныхъ мѣстоименій и означаетъ дѣйствіе, имѣющее совершиться въ неопредѣленное время.

Единственное число.

1-е лицо. *Язар-манъ* یازارمنъ я намѣренъ писать (т. е. когда-нибудь).

2-е лицо. *Язар-санъ* یازарسنъ ты намѣренъ писать.

3-е лицо. *Язаръ* یازар онъ намѣренъ писать.

Множественное число.

1-е лицо. *Язар-мызъ* یازармызъ мы намѣрены писать.

2-е лицо. *Язар-сызъ* یازарсызъ вы намѣрены писать.

3-е лицо. *Язар-ларъ* یазарларъ они намѣрены писать.

Примѣчаніе. О глагольной формѣ, оканчивающейся на *غای* (*کای*), употребляющейся для обозначенія дѣйствій или состояній *предположительныхъ*, сказано выше, на стр. 81. Эта древняя форма будущаго времени образуется также чрезъ прибавленіе личныхъ мѣстоименій: *биргай-манъ* بیرکای منъ, *биргай-санъ* بیرکای سنъ, *биргай* بیرکای, *биргай-мызъ* بیرکای میزъ, *биргай-сызъ* بیرکای سیزъ, *биргай-ляръ* بیرکای لارъ.

Примѣръ изъ частнаго письма:

گلاونی اینسیکتور تورہ جنا بلارینی محکمہ لاریدین بیلیب آکاه بولغای سز
کم مینک توغر و مده مدرسہ نینک خواه مدرس لاریدین یا کہ ملا لاریدین
کاغد بارمو اگر بولسه مضمونی نی بیلیب منکا یازکای سز وهم انی تمام
قیلماقه کوشش قیلفای سز

Условное наклоненіе.

(Conditionalis).

Условное наклоненіе характеризуется слогомъ *са* (*ся*), присоединяемымъ непосредственно къ основѣ спрягаемаго глагола, и измѣняется по числамъ и по лицамъ, по общему правилу прошедшаго совершеннаго времени:

Единственное число.

- 1-е лицо. *Бар-са-иъ* *بارسام* если я пойду.
 2-е лицо. *Бар-сангъ* *بارسانك* если ты пойдешь.
 3-е лицо. *Бар-са* *بارسه* если онъ пойдетъ.

Множественное число.

- 1-е лицо. *Барсанъ* *بارسانك* если мы поидемъ.
 2-е лицо. *Барсангызъ* *بارسانكيز* если вы поидете.
 3-е лицо. *Барсаларъ* *بارسهلار* если они поидутъ.

Когда хотятъ сильнѣе отгвнить условность, то прибавляютъ въ началѣ союзъ *агяръ* *اگر* - если.

Примѣчаніе. Эта форма обозначаетъ будущность дѣйствія или состоянія. Но если хотягъ указать опредѣленно на прошедшее время условнаго дѣйствія или состоянія, тогда употребляется сложная форма, въ которой спрягаемый глаголъ ставится въ прошедшемъ причастіи на *ганъ* (*канъ*), и къ нему уже присоединяется вспомогательный глаголъ съ окончаніемъ условнаго наклоненія, напримѣръ: *укуганъ булсамъ* *اوقوغان بولسام* если бы я читаль (буквально: если бы я былъ читавшимъ) и т. д.

Существуетъ еще форма условнаго спряженія, состоящая въ соединеніи нормальной условной формы съ вспомогательнымъ глаголомъ *ирди* *ایردی*, кото-

рый принимаетъ личныя окончанія, на примѣръ:
кится.мъ иди کیتسام ایدی или *кится идимъ* کیتسه ایديم если
бы я ушелъ и т. д.

Спряженіе повелительнаго наклоненія.

Единственное число.

- 1-е лицо. *Бара-инъ* باراین дай-ка я пойду.
2-е лицо. *Бар-гыль* بارغیل иди-же, ступай.
3-е лицо. *Бар-сунъ* بارسون пусть онъ идетъ.

Множественное число.

- 1-е лицо. *Барай-ликъ* بارایلیк пойдите.
2-е лицо. *Барынъ* بارینк идите, ступайте.
Или (вѣжливѣе) *Барынгызъ* بارینگیز и *Барынкаларъ* بارینگلار
3-е лицо. *Барсунларъ* بارسونلار пусть они идутъ.

Примѣчаніе. Для выраженія отгѣнка въ повелительномъ наклоненіи, соотвѣтствующаго русскому выраженію: *ну-ка, попробуй*, въ сартовскомъ языкѣ употребляется 2-е лицо условнаго наклоненія съ присоединеніемъ частицы *چه* на примѣръ: *ну-ка дай*, بارسанکچه او قوسانکچه ну-ка почитай, *сходи-ка*.

Для выраженія „пробовать“ — „отвѣдывать“ употребляется глаголъ *قرا* смотри, въ повелительномъ наклоненіи, а основной глаголъ въ прошедшемъ дѣе-причастіи: *попробуй кумысъ*; قمرنی ایچیب قرا *отвѣдай вкусъ*; *прочитай*. (Эта—форма употребляется въ простонародной рѣчи).

Отрицательное спряженіе.

Отрицательныя формы спряженія имѣютъ тѣже личныя окончанія, которыя присоединяются къ спрягаемой основѣ, послѣ отрицательной частицы *ма*, сливающейся съ глагольной основой въ одно цѣлое.

Отрицательная частица *ма* ۞ отличается отъ русскаго отрицанія (*не*) тѣмъ, что ставится не *передъ* глаголомъ (какъ въ русскомъ языкѣ), а *послѣ*, между основой спрягаемаго глагола и личными окончаніями. А такъ какъ при этомъ каждая основа, въ соединеніи съ отрицаніемъ *ма*, будетъ оканчиваться на гласный звукъ (*а* или *я*), то въ настоящемъ дѣепричастіи и будущемъ времени къ этой формѣ прибавляется звукъ *й*, напримѣръ: *кыл дѣлай* --- *кылма не дѣлай* — *кылмай*.

Такимъ образомъ, при отрицательномъ спряженіи, получаютъ слѣдующія формы:

Въ настоящемъ времени:

кылыбъ тормай-манъ قیلیب تورمایمن
кылыбъ-тормай-санъ تورمایسن
кылыбъ тормай-дуръ قیلیب تورمایدور
 и т. д.

Въ прошедшемъ времени:

кылмадымъ. قیلмадим
кылмадынъ قیلмадинк
кылмады قیلмаدی
кылмадукъ قیلмадоқ
кылмадынъгызъ قیلмадинкыз
кылмадыларъ قیلмадилار

Въ давнопрошедшемъ времени:

кылмагамъ-ирдимъ *قىلماغان ايرديم*

кылмагамъ-ирдингъ *قىلماغان ايردينك*

и т. д. *)

Въ будущемъ времени:

кылмас-манъ *قىلماسمن*

кылмас-санъ *قىلماссен*

кылмасъ *قىلмас*

кылмас-мызъ *قىلماسمىز*

кылмас-сызъ *قىلماسىزز*

кылмас-ларъ *قىلماسالار*

кылмай-манъ *قىلмайمن*

кылмай-санъ *قىلмайسن*

кылмай-дуръ *قىلмайдор*

кылмай-мызъ *قىلмаймыз*

кылмай-сызъ *قىلмайسىزز*

кылмай-дурларъ *قىلмайдорлар*

Въ условномъ наклоненіи:

кылмасамъ *قىلмасам*

кылмасангъ *قىلмасанك*

кылмаса *قىلмаса*

кылмасакъ *قىلмасاق*

кылмасангызъ *قىلмасанكزز*

кылмасаларъ *قىلмасالار*

*) Во веѣхъ сложныхъ формахъ отрицаніе присоединяется къ основъ спрягаемаго глагола, а не къ вспомогательному глаголу; но въ условномъ наклоненіи, при сложной формѣ, допускается отрицаніе у вспомогательнаго глагола, напримѣръ: *кырмай булмасамъ*.

Въ повелительномъ наклоненіи:

кылмаинъ قیلماين

кылма қилмагил и قيلمه

кылма-сунъ قيلماسون

кылмай-лыкъ қилмайлоқ

кылмангизъ قیلماڭلار

кылмасунларъ قيلماسونلار

Словомъ: во всѣхъ отрицательныхъ формахъ спряженія наблюдается общее правило, чтобы къ основѣ спрягаемаго глагола сначала было присоединено отрицаніе ما (مه), и затѣмъ уже эта отрицательная форма принимается за спрягаемую форму, къ которой прибавляются *характеристики* времени и личные окончанія—единственнаго и множественнаго чиселъ.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ живомъ сартовскомъ языкѣ нельзя уродливо представлять *отрицаніе* ко всѣмъ глагольнымъ формамъ, какъ это допущено въ нѣкоторыхъ существующихъ руководствахъ.

Вопросительная форма.

Для выраженія вопроса въ сартовскомъ языкѣ существуетъ особая вопросительная частица *му* (мы) *مو*, которая всегда ставится въ концѣ спрягаемаго глагола, послѣ личныхъ окончаній, будетъ ли спряженіе въ положительной формѣ, или въ отрицательной, на примѣръ:

Укудынгъ-му *او قودينك مو*?

Укуйсанъ-му *او قويسن مو*?

При этомъ, по требованію логическаго ударенія въ рѣчи, личное мѣстоимѣніе можетъ стоять или

впереди глагола, или позади вопросительной частицы, на примѣръ:

Санъ курдингъ-му *سن کوردینک مو*?

Курдингъ-му санъ *کوردینک موسن*?

При вопросительномъ спряженіи обращаетъ вниманіе оборотъ, состоящій изъ условной формы съ вопросительной частицей и приставки *آیتسام مو کین : کین* сказать ли мнѣ? *کورسانک مو کین* поглядѣть ли тебѣ? *بارسه مو کین* сходить ли онъ?

Но и при этомъ должно руководствоваться живою рѣчью, какъ принято у сартовъ въ разговорѣ, а не шаблоннымъ приѣмомъ теоретика: живому языку нужно учиться на примѣрахъ живой рѣчи, а не по руководству грамматики.

Вспомогательные глаголы.

1) „начинать“, 2) „кончать“, 3) „продолжать“, 4) „умѣть“ „быть въ состояніи“ (мочь).

Въ сартовскомъ языкѣ нѣтъ предлоговъ, нѣтъ и глаголовъ, соединенныхъ съ предлогами; поэтому дѣйствія и состоянія, измѣняющія свой видъ помощью того или другого предмета, въ сартовскомъ языкѣ выражаются особыми глаголами, означающими *начинаніе, продолженіе, окончаніе, повтореніе* и *умѣнье* или возможность произвести извѣстное дѣйствіе.

1) Для выраженія *начала* дѣйствія или состоянія употребляется глаголъ *باشلامакъ* باشلامق, который измѣняется по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ (т. е. спрягается), а другой (основной) глаголъ, обозначающій самое дѣйствіе или состояніе, ставится въ настоящемъ дѣепричастіи. Это—общій способъ всѣхъ тюркскихъ нарѣчій для обозначенія

начала дѣйствія или состоянія *). Примѣры на разные времена.

Я началъ писать *من يازا باشلاديم*

Ты началъ читать *سن او قوی باشلادينک*

Онъ началъ дѣлать *اول قیلا باشلادی*

Мы начнемъ играть *بز اوینای باشلارمز*

Если вы начнете говорить *اکر سز سوزلای باشلاسه نکز*

2) Для обозначенія *окончанія* дѣйствія или состоянія (совершенный или окончательный видъ) употребляются глаголы: *کیتماک - ییارق - قویماق - ییروق - قالماق*. Приэтомъ основной глаголъ ставится въ дѣепричастіи прошедшаго времени, а глаголъ, выражающій *оконченность* дѣйствія или состоянія, спрягается, т. е. измѣняется по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ.

Примѣры: я прочиталъ (окончилъ читать) *سن یازوب آلدينک*; ты написалъ (кончилъ писать) *من او قوب بولديم*; онъ сосчиталъ *اول سناب ییردی*; мы совсѣмъ ушли *بز کیتب قالدوق*; они разбросали всѣ вещи *الار همه نيمرسه لارنى آتیب ییاردیلار*; я все узналъ *من همه سینى ییلب آلديم*; птица улетѣла *قوش اوچوب کیتدی*.

3) Для выраженія *продолжаемости* дѣйствія или состоянія употребляется глаголы *يورمک* и *ياتماق* и *تورهق*, напримѣръ: толчея работаетъ *ابجوار يوروب تورادور*; мы уѣзжаемъ *بز يوروب کیتامز*; мы учимся въ Бухарѣ *بز او قوب یاتوب مز*.

4) Для обозначенія *умѣнья* или возможности сдѣлать что-нибудь употребляется глаголъ *الماق*, причемъ основной глаголъ ставится въ настоящемъ

*) Современные туркмены вм. настоящаго дѣепричастія употребляютъ неопредѣленное наклоненіе съ наращеніемъ; приставки дательнаго паднжа *من او قوماغه باشلاديم*

дѣепричастіи, а глаголь *آلماق* измѣняется по спрягаемымъ формамъ, на примѣръ: я умѣю, могу прочитатъ *من او قويا لامن*; онъ не умѣетъ, не можетъ писать *اول يازالمايدور*.

Въ этомъ смыслѣ вмѣсто глагола *الماق* можно ставить глаголь *يلماق* знать; только въ этомъ случаѣ основной глаголь принимаетъ окончаніе прошедшаго дѣепричастія, на примѣръ: *من اقوب ييلديم* я понялъ (прочитавъ узналъ).

Примѣчаніе: Для выраженія *возможности* дѣйствія или состоянія въ сартовскомъ языкѣ чаще употребляется *условно-безличный* оборотъ, состоящій въ томъ, что основной глаголь ставится въ условномъ наклоненіи съ личными окончаніями, а глаголь, выражающій *возможность* передается глаголовъ *بولماق* въ 3-мъ лицѣ, на примѣръ: *من كورسام بولادی* возможно, что я увижу (буквально: если увижу—будетъ); *سن بارسانك بولادورمو* можно-ли надѣяться, что ты пойдешь; *اول قيلسه بولادی* возможно, что онъ сдѣлаетъ.

Въ другихъ случаяхъ возможность дѣйствія или состоянія передается описательнымъ оборотомъ: напр.: у меня есть (достанетъ силы ума) сдѣлать это:

بو ايشكا عقليم يتادی или *بول ايش كا کوچوم يتادی*

Относительно употребленія въ рѣчи упомянутыхъ выше глаголовъ слѣдовало бы, по требованію логическаго мышленія, допустить, что при глаголахъ съ переходнымъ значеніемъ и вспомогательными глаголами будутъ дѣйствительные, а при глаголахъ непереходныхъ и вспомогательныхъ глаголахъ будутъ глаголы средніе; но это правило въ сартовской живой рѣчи строго-последовательно не соблюдается, хотя на нѣкоторыхъ примѣрахъ и это правило оправдывается.

Такъ. напримѣръ, глаголы *قىتماك* и *قالماق* ставятся при глаголахъ *непереходныхъ*; *اوچوب كيتدى*, улетѣлъ, *ياريلوب كيتدى* раскололся, *اولوب كيتدى* умеръ, *كيتب قالدى* онъ ушелъ.

Глаголы *ييارمك* и *قويماق* ставятся при глаголахъ съ *переходнымъ* значеніемъ, напр. *قويتب قويماق* написать, *هيداب ييارمك* погонять, сгонять стадо; *آتيب تاشلا مق* и *آتيب ييارمق* отбросить.

Глаголъ *ييرمك* ставится, какъ съ *непереходными*, такъ и съ *переходными* глаголами, смотря по отѣнку рѣчи говорящаго, напримѣръ: *اوقوب ييرمق* прочитатъ для другого, *چالب ييرمك* сыгратъ на музыкальномъ инструментѣ для другого.

Глаголы *الماق* и *بولماق* ставятся также при глаголахъ *переходныхъ* и *непереходныхъ*: *اوقوب بولديم* я прочиталъ, *اتكا مينب الدى* онъ сѣсть на лошадь (о ворѣ, садящемся на чужую лошадь).

Примѣчаніе. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, спрягаемые глаголы поставлены въ прош. дѣепричастіи и въ этой формѣ соотвѣтствуютъ *совершенному* или *окончательному* виду русскаго глагола.

Для *несовершеннаго* вида, при тѣхъ же вспомогательныхъ глаголахъ, спрягаемый глаголъ ставится въ формѣ *настоящаго* дѣепричастія. Особенно въ этомъ случаѣ оригинально употребленіе глагола *ييرمك* *дать*, который присоединяется къ глаголамъ, означающимъ состояніе: *كاته آدم لارنى الديه اويالماستان اولتورا بيردى* онъ не постѣснился усѣсться при большихъ людяхъ.

О безличномъ глаголѣ „должно“.

Для обозначенія „должно“ (нужно) въ сартовскомъ языкѣ существуетъ выраженіе *کراک* *кирякъ*. Если это выраженіе служитъ сказуемымъ въ предложении, то оно ставится, по общему правилу—въ концѣ предложенія, съ присоединеніемъ *связки* (*دور* дуръ) или безъ оной.

Когда же въ рѣчи выражается предположеніе и нѣкоторое сомнѣніе, или допускается утвержденіе возможности дѣйствія или состоянія, тогда къ слову *کراک* присоединяется спрягаемый глаголъ непременно въ условной формѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: *اول جايدہ بيش آدم بولسه کراک*—въ томъ мѣстѣ должно быть пять человѣкъ. Или, при отрицаніи: *بول طريقه فکرکاشک بولماسه کراک*—относительно этой мысли не должно бы быть сомнѣнія. Къ этимъ выраженіямъ можно присоединить еще вспомогательный глаголъ (*ایدی* было).

Мѣстный самостоятельный.

(Locativus absolutus).

Подобно латинскому *творительному*, греческому *родительному*, славянскому *дательному* (самостоятельному), въ сартовскомъ языкѣ употребляется *мѣстный* самостоятельный оборотъ, состоящій въ томъ, что спрягаемый глаголъ принимаетъ окончаніе прошедшаго причастія и ставится въ мѣстномъ падежѣ, который переводятъ при помощи союза „когда“, на примѣръ: *من او قو غانيمده اول کيلکانه* когда онъ пришелъ; *اول کيلکانه* когда я читалъ.

О выраженіи желанія, хотѣнія, аппетита.

Въ сартовскомъ языкѣ есть глаголь *خواهلامق* *ха-хламакъ* въ значеніи хотѣть, желать, который спрягается по общему правилу, на примѣръ *خواهلايمن* *хочу*; *يوق خواهلامايمن* *нѣтъ, не хочу*. Но чаще для выраженія хотѣнья, при отсутствіи глагольнаго дополненія, употребляется прошедшее причастіе этого глагола съ притяжательнымъ мѣстоимѣніемъ *من خواهلاغانيم يوق* *у меня нѣтъ желанія*.

Заслуживаетъ вниманія, что въ этомъ случаѣ желаніе выражено въ прошедшемъ времени, какъ психическій процессъ, до момента отвѣта уже опредѣлившійся.

Но въ другихъ случаяхъ, когда при глаголѣ *хотѣть* находится на лицо глагольное дополненіе, это послѣднее принимаетъ форму древняго причастія на *غو* (см. стр. 82) съ притяжательнымъ мѣстоимѣніемъ, соотвѣтствующимъ обороту рѣчи, и соединяется съ глаголомъ *كيلماك* *приходитъ* въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа (настоящаго и прошедшаго времени), на примѣръ: *اويقوم كيلدى* *я хочу ѣсть*; *اوتورغوم كيلدى* *я захотѣлъ спать*; *اوتورغوم كيلدى* *я захотѣлъ сидѣть*; *ييرگينك يىلدى* *ты захотѣлъ дать (хотя я и не просилъ)*; *اوقوعيسى كيلدى* *онъ захотѣлъ читать*. Этотъ оборотъ употребляется въ рѣчи простонародной.

Примѣчаніе. Чаще дополненіе при глаголѣ „хотѣть“ ставится въ винительномъ падежѣ, хотя бы выражалось глаголомъ, на примѣръ: *من بزارغه بارمق نى خواخلايمن* *я хочу пойти на базаръ*.

О нарѣчіяхъ.

Въ сартовскомъ явкѣ различаются нарѣчія качественныя, обстоятельственныя, количественныя, вопросительныя, утвердительныя и отрицательныя.

1) Качественныя нарѣчія не имѣютъ отличительныхъ окончаній и сходны съ качественными прилагательными. Такъ, на примѣръ, *ياخشى* означаетъ: хорошій (прилагат.) и хорошо (нарѣчіе) и под., смотря по положенію этихъ словъ въ предложеніи.

На этомъ же основаніи, качественныя нарѣчія принимаютъ окончанія степеней сравненія (см. стр. 56 и слѣд.).

2) Обстоятельственныя нарѣчія указываютъ на мѣсто и время дѣйствія или состоянія.

Нарѣчія мѣста:

موده здѣсь.
 انده тамъ.
 شونده вотъ тамъ.
 یری сюда.
 مودین отсюда.
 اوندین оттуда.
 الدین впереди.
 ارتدین сзади.
 روبارو напротивъ.
 توبانده внизу.
 یوقاری ده вверху.
 هیچ قایدہ нигдѣ.

Нарѣчія времени:

بو کون сегодня.
 کیچه вчера.
 کیچه ورون вечеромъ.
 ایرته کا завтра.
 ایلگری прежде.
 کین послѣ.
 ایمدی теперь.
 دایما всегда.
 اولده вначалѣ
 آخریده вконцѣ.
 هیچ وقتده - هیچ قیجان никогда

Другія обстоятельственныя нарѣчія образуются изъ существительныхъ съ окончаніемъ соотвѣтствующимъ

щихъ падежей: въ мѣстномъ падежѣ, на вопросъ: гдѣ?
и въ дательномъ падежѣ, на вопросъ: куда? съ при-
соединеніемъ соотвѣтствующихъ мѣстностей: *هیج - قیو - هر*.

3) *Нарѣчія количественныя:*

شونچه }
مولچه } столько.
انچه }

کینه толичко (уменьшительно).

جوده очень.

ینه еще.

4) *Нарѣчія вопросительныя:*

قاید гдѣ?

قانچه сколько?

نیچوک какъ?

قچان когда?

قانه }
قاناقه } какъ?

5) *Нарѣчія утвержденія и одобренія:*

موتداق }
شونداق } такъ. *سکرک* } необходимо, должно.
انداق }

بالی да, хорошо!

مایلی - حای ладно.

باس довольно, такъ.

6) *Нарѣчія отрицательныя.*

هیج и *اسره* нѣтъ. *یوق*.

Въ смыслѣ отрицанія часто употребляются гла-
гольныя формы: *булмазъ* и *булмайды* т. е. не будетъ.

Разныя другія нарѣчія въ сартовскомъ языкѣ
образуются отъ прилагательныхъ, существительныхъ,

мѣстоимѣній и глаголовъ (въ формѣ прошедшаго дѣепричастія), или же заимствуются изъ арабскаго и персидскаго языковъ.

Не приводя здѣсь примѣровъ на эти случаи, замѣтимъ, что изучающіе языкъ сартовъ разберутся въ этихъ примѣрахъ сами при переводахъ съ сартовскаго языка на русскій, т. к. переводъ долженъ сопровождаться подробнымъ этимологическимъ разборомъ cadaго слова, подъ руководствомъ опытнаго учителя, или, въ крайнемъ случаѣ, при помощи толковаго словаря.

П о с л ѣ л о г и.

Послѣлогами въ сартовскомъ языкѣ (въ отличіе отъ *предлоговъ* русскаго языка) нужно называть особыя частицы, которыя, присоединяясь къ концу склоняемаго слова, составляютъ *падежныя* окончанія и въ тоже время замѣняютъ предлоги въ падежахъ дательномъ, творительномъ, мѣстномъ и исходномъ. Такъ, напримѣръ:

شهر (шахарь) городъ — شهرگا (шахаргя) въ городъ;
 اوى (уй) домъ — اويده (уйда) въ домъ;
 آدم (адамъ) человѣкъ — آدم برلان (адамъ берлянъ) съ человѣкомъ;
 باغ (багъ) садъ — باغدين (багдынъ) изъ сада.

Кромѣ этихъ частицъ, служащихъ падежными окончаніями, въ сартовскомъ языкѣ есть нѣсколько отдѣльныхъ словъ, отвѣчающихъ русскимъ предлогамъ, каковы:

سير (сызъ) безъ (не требуетъ особаго падежнаго окончанія).

اوچون (учунъ) для (треб. оконч. род. падежа).

توغرىدا (тугрыда)	} о, объ (треб. оконч. род. пад.)
توغرىسىدا (тугрысыда)	
خوسىسىدا (хусусида)	

باشقه (башка) кромѣ (треб. оконч. исход. падежа).

سونك (сунгъ)	} послѣ	} треб. оконч. исход. дад.
سونگره (сунгра)		
ايلكارى (ильгяри)	} прежде	

بىرى (бири) по сю сторону	} треб. оконч. исход. пад.
نارى (нары) по ту сторону	

چه (ча) до (треб. оконч. дательн. пад.)

چه (ча) съ, около (при сравненіи величины одного предмета съ величиной другого) не требует падежнаго окончанія.

Послѣлоги, соотвѣтствующіе русскому предлогу *о, объ*, всегда имѣютъ сокращенное притяжательное мѣстоимѣніе 1 и 2-го лица, если рѣчь идетъ о лицахъ (я, ты), а при 3-мъ лицѣ и вообще, когда рѣчь идетъ о постороннихъ для говорящаго лица предметахъ, въ этомъ послѣлогѣ ставится притяжательная приставка 3-го лица. Такъ получаютъ формы: *тугрымда, тугрында, тугрысыда, тугрымызда, тугрынгызда, тугрыларда*. Такъ же измѣняется и послѣлогъ *хусусида*.

Для удовлетворенія потребности въ другихъ отношеніяхъ рѣчи говорящаго, въ сартовскомъ языкѣ употребляются отдѣльныя существительныя имена, которыя въ такомъ случаѣ принимаютъ соотвѣтствующія притяжательныя приставки и падежныя окончанія: дат. падежа при вопросѣ *куда?* и мѣст. падежа при вопросѣ *гдѣ?*

Эти существительныя слѣдующія:

آلد	передъ	آرقه	задъ, спина
اوست	верхъ	است	низъ
ايچ	внутренность	ناكى	
		تا شقارى	внѣшность
اول	начало	آخر	конецъ
ارا	промежутокъ	يان	сторона, бокъ,
زو	противная сторона		
بوينچه	по (отъ بوى		длина)

Кромѣ того, подъ вліяніемъ персидской письменности и живыхъ сношеній съ таджиками, въ сартовскомъ языкѣ встрѣчаются чисто персидскіе предлоги, которые и ставятся передъ существительными. Таковы: از изъ, отъ; از برای для, по, بی безъ, ба съ.

Примѣчаніе. Русскіе предлоги *у, сквозь и черезъ* не имѣютъ въ сартовскомъ языкѣ соотвѣтствующихъ выраженій и переводятся: *у* — родит. падежемъ, а *сквозь и черезъ* описательно—прошедш. дѣепричастіемъ отъ глаголовъ *утмякъ* проходить и *тшмякъ* дыривить.

Примѣчаніе. Такъ образомъ нѣкоторые предлоги являются по формѣ сходными съ нарѣчіями, какъ и въ русскомъ языкѣ, и съ существительными, что очевидно для лицъ, изучавшихъ грамматику въ школахъ и обладающихъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ.

О С О Ю З А Х Ъ.

Союзовъ въ сартовскомъ языкѣ немного и они всѣ заимствованы изъ персидскаго и арабскаго языковъ, что съ очевидностью указываетъ на формиро- ваніе сартовскаго идиома въ эпоху распространенія въ Туркестанѣ персидско-арабской культуры.

И это понятно, если принять во вниманіе, что сарты представляютъ собою тюрковъ, смѣшанныхъ съ иранцами и перемѣнившихъ кочевой (древне-тюрк- скій) образъ жизни на осѣдлый.

Самымъ употребительнымъ союзомъ служитъ за- имствованный арабскій союзъ و (ва)—и, служащій для соединенія отдѣльныхъ словъ и предложеній.

При соединеніи нѣсколькихъ однородныхъ чле- новъ предложенія, предыдущіе члены соединяются между собою послѣлогомъ *برلان* - *يله*.

Такимъ же распространеннымъ союзомъ служитъ *هم* (хямъ), который въ рѣчи часто соединяется съ союзомъ *ва* (ва-хамъ), особенно предъ послѣднимъ изъ перечисляемыхъ предметовъ.

Къ соединительнымъ союзамъ относятся: *دخی* (дахи) и *تقی - تخی* (такы-тагы). Очевидно, что послѣд- ніе два союза представляютъ собою фонетическую разновидность перваго.

Противительными союзами служатъ: *لیکن* и *بلکی* въ смыслѣ русскаго —напротивъ; но часто въ рѣчи въ этомъ смыслѣ употребляется арабская частица *اما* амма, переводимая также: что же касается до...

Раздѣлительные союзы: *یا کی* (яки)—или, часто съ присоединеніемъ *و* для усиленія: *ویا کی*. Употре- бляется также форма *یا ینکی* яинки.

یا - یا (я-я) въ значеніи: либо—либо.

نه - نه (на-на) въ смыслѣ: ни-ни.

Вопросительнымъ союзомъ служить *مو* (му-мы) ли?

Условный союзъ *اگر* (агяръ) если и въ болѣе усиленной формѣ *اگرده* (агяръ дя) и *если, если же*.

Уступительный союзъ— *اگرچہ* - *اگرچہ* (агярчя-агярчяндики) образовался чрезъ наращенье *ча* и *чандики* къ условному *اگر*.

Изъяснительный союзъ: *کی* - *کہ* (кя-ки) что и *حتی کی* (хаттаки) такъ что.

Причинные союзы: *زیرا کی* (зираки) потому что, *نیچو کہ* (начукъ-кимь), *چونکی* (чунки), *شول سبیدیں* (шულъ сабябдинъ), *شول و جہدین* (шулъ водждгинъ), *نه او چون کہ* (научунъ-ки).

Союзъ исключенія *منرا* (магяръ)=араб. *لا* если не, *развѣ*.

Заключительные союзы: *اخیرہ* - *اخیرہ* (ахры-ахрыда) наконецъ, *القصہ* (алькысса) и такъ, кратко сказать.. *شول طریقہ* (шулъ-тарика) такимъ образомъ и др.

Сравнительныхъ союзовъ (какъ-такъ, чѣмъ—тѣмъ) въ сартовскомъ языкѣ нѣтъ, а сравненія выражаются въ рѣчи особыми оборотами, составляющими предметъ синтаксиса.

Нѣтъ въ сартовскомъ языкѣ и союзовъ времени *когда—тогда*, для выраженія которыхъ существуетъ также особый оборотъ *Locativus absolutus*, или же для этого употребляется соотвѣтствующее существительное съ мѣстоименіемъ *بول* - *اول* - *شول*. Напримѣръ *ول وقتہ* въ то время и под.

М е ж д о м е т і я .

Благодарность: قولوق куллукъ (я благодарень
до рабской покорности)
رحمت милость Божія!

Клятва: بالله - والله Ей Богу!

Призывъ: ای — Эй! Отвѣтъ: لييكъ ляббайкъ
(сокращ. лаббай).

Удивленіе: آه - اه Ахъ - ха! ابا Аба тауба یی йе!

Удивленіе съ отгѣнкомъ недовольства: آله оля!

Страданіе: آه - آه Охъ, батюшки!

Одобреніе: بارك الله баракалля! آفرین афаринъ — bravo!
الحمد لله аль-хамду ли-лла—слава Богу!

Согласіе: خوب хопъ! *Слушаю!*

Радость: هی - هی (хай-хай)!

Сожалѣніе: ای - بوی Ой-бой!

Отвращеніе: بی - بی бей-бей!

Окрики на дорогѣ: پوشت поштъ — поштъ (сторонись!)

هیده хайда (погоняй! пошелъ!)

کیت кить (уходи! вонъ!)

توخته тохта (стой! остановись!)

Примѣчаніе: Къ междометіямъ слѣдуетъ отнести
тѣ звукоподражательныя восклицанія, какими сарты
подзываютъ и отгоняютъ разныхъ животныхъ*,
напримѣръ:

*) Но очень странно, что въ грамматикѣ г. Будзинскаго къ междо-
метіямъ отнесены выраженія грубой брани, употребляемой сартами. Такъ
же необычно распределены у него нарѣчія, предлоги и союзы.

Когда принуждаютъ верблюда подогнуть ноги	چېخ
Когда подгоняютъ верблюда къ быстрому ходу	هايت هايت
Когда останавливаютъ осла	ايش ايش
Когда подгоняютъ осла	خېخ
Когда понужаютъ лошадь, идти бѣжать	چو
Когда останавливаютъ лошадь	تک
Призывъ кошки	پيش پيش
Когда прогоняютъ кошку	فيشت
Призывъ голубей	بيه بيه
Призывъ курицы	تو تو تو
Когда отгоняютъ птицъ	کيش کيش
Призывъ коровы	ماه ماه
	هاو هاو
Призывъ собаки	مه مه
Призывъ кошчика	گه

Призывъ лошади не передаваемъ буквами, какъ и русское понуканіе лошади.

З а к л ю ч е н і е .

Въ заключеніе выпускаемаго въ свѣтъ „опыта этимологіи сартовскаго языка“ считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующія слова англійскаго ученаго филолога Макса Мюллера, упомянутаго въ началѣ книги:

„Искусство, наука, философія и религія имѣютъ исторію; языкъ, какъ всякое другое произведеніе природы, допускаетъ только ростъ. Хотя языкъ подверженъ непрерывной перемѣнѣ, однако не во власти человѣка ни произвестъ, ни отвратить ее. Задумать перемѣнить законы, по которымъ совершается наше кровообращеніе, или стараться прибавить къ нашей высотѣ одинъ дюймъ, было бы тоже самое,

что передѣлывать законы языка, или изобрѣтать новыя слова по нашему произволу. Какъ человѣкъ властвуетъ надъ природою только тогда, когда знаетъ ея законы и покоряется имъ, такъ поэтъ и философъ дѣлаются властителями языка только тогда, когда знаютъ его законы и имъ повинуются.

„Когда императоръ Тиберій сдѣлалъ ошибку въ языкѣ и былъ поправленъ Марцелломъ, то другой, случайно присутствовавшій тутъ грамматикъ; по имени Капитонъ, замѣтилъ, что сказанное императоромъ хорошая латинь, а нѣтъ—такъ будетъ. Марцеллъ, болѣе грамматикъ, нежели царедворецъ, отвѣчалъ: „Вреть Капитонъ: ибо ты, о государь, можешь давать право римскаго гражданства людямъ, а не словамъ“... Подобный анекдотъ разсказывается и о нѣмецкомъ императорѣ Сигимундѣ. Предсѣдательствуя на Констанцскомъ соборѣ, онъ обратился къ присутствовавшимъ съ латинскою рѣчью, увѣщевая ихъ искоренить расколъ гусситовъ: „Videte, patres“,—сказалъ онъ— «ut eradicetis schismam Hussitarum». Какой-то монахъ довольно безцеремонно воскликнулъ: „Serenissime Rex, schisma est generis neutri“... Императоръ, не теряя присутствія духа, спросилъ дерзкаго монаха: „Откуда ты это знаешь?“—Старый богемскій педагогъ отвѣчалъ: „Александръ Галль это говоритъ“.—„А кто такой Александръ Галль?“—„Онъ былъ монахъ“, отвѣчалъ монахъ.—„Хорошо“, сказалъ государь, „а я—Римскій Императоръ, и мое слово, я полагаю, будетъ настолько же хорошо, какъ и слово какого-нибудь монаха“... Не смотря на это, слово *schisma* все-таки осталось съ среднимъ родомъ, и даже императоръ не могъ переимѣнить его рода или окончанія.

„Мнѣніе, что языкъ можетъ быть измѣненъ или исправленъ людьми, вовсе не ново. Мы знаемъ, что когда древній греческій философъ Протагоръ поставилъ нѣкоторые законы о родѣ, онъ въ самомъ дѣлѣ началъ находить ошибки въ текстѣ Гомера, потому что послѣдній не согласовался съ его правилами. Но попытка эта, какъ во всякомъ другомъ случаѣ, оказалась безплодною. Царь можетъ измѣнить общественные законы, религіозныя формы, правила искусства; одно поколѣніе или даже одна личность можетъ поднять какое-либо искусство до высшей степени совершенства, между тѣмъ какъ при слѣдующемъ поколѣніи оно можетъ прійти въ упадокъ, пока новый геній, съ возобновленнымъ рвеніемъ, снова его не поднимаетъ. Во всемъ этомъ мы имѣемъ дѣло съ сознательными дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ и отъ того находимся на исторической почвѣ. Сравнивая произведенія Микель-Анджело или Рафаэля съ статуями и фресками древняго Рима, мы можемъ говорить объ исторіи искусства. Мы можемъ соединить два раздѣленные тысячелѣтіями періода помощью произведеній тѣхъ, кто передавалъ преданія искусства отъ одного вѣка другому, но никогда мы не откроемъ во всей послѣдовательности непрерывнаго и бессознательнаго возрастанія, которое связываетъ языкъ Плавта съ языкомъ Данта. Процессъ, по которому языкъ устанавливается и разлагается, соединяетъ два противоположные элемента—необходимость и свободную волю. Хотя отдѣльное лицо представляется, повидимому, первымъ дѣятелемъ въ произведеніи новыхъ словъ и новыхъ грамматическихъ формъ, однако оно является имъ лишь послѣ того, какъ индивидуальность его исчезла въ общей дѣя-

тельности семейства, племени или націи, къ которой онъ принадлежитъ. Самъ по себѣ онъ ничего не можетъ сдѣлать, и если первый толчекъ къ новому образованію въ языкѣ данъ отдѣльнымъ лицомъ, то онъ почти всегда, если не всегда, неумышленъ, даже безсознателенъ. Отдѣльное лицо само по себѣ немошно, и результаты, повидимому, имъ произведенныя, зависятъ отъ законовъ, лежащихъ внѣ его власти, и отъ содѣйствія всѣхъ тѣхъ, кто составляетъ съ ними одинъ классъ, одно тѣло или одно органическое цѣлое.

„Хотя легко показать, что языкъ не можетъ быть перемененъ или образованъ вкусомъ, воображеніемъ или умомъ человѣка, однако чрезвычайно трудно объяснить, что именно производитъ возрастаніе языка. Уже со времени Горація сравнивали возрастаніе языка съ ростомъ дерева. Но сравненія—дѣло предательское. Что мы знаемъ объ истинныхъ причинахъ возрастанія дерева, и что можемъ выиграть чрезъ сравненіе вещей, не вполне намъ понятныхъ, съ вещами еще менѣе для насъ понятными? Многіе, напримѣръ, говорятъ объ окончаніяхъ глагола, будто они выросли изъ корня, какъ изъ своего отчаго ствола... Но какія идеи связываются съ такимъ выраженіемъ? Если приходится сравнивать языкъ съ деревомъ, то этимъ сравненіемъ можетъ выясниться только одно, именно, что ни языкъ, ни дерево не могутъ существовать или произрастать сами собою. Безъ почвы, воздуха и свѣта дерево не могло бы жить; его жизнь

была бы даже невообразима. Тоже самое съ языкомъ. Онъ не можетъ существовать самъ собою, онъ требуетъ почвы, на которой могъ бы расти, и эта почва есть человѣческій духъ. Говорить о языкѣ, что онъ нѣчто существующее само собою, что онъ имѣетъ свою собственную жизнь, что произрастаетъ до зрѣлости, производитъ отрасли и вымираетъ—есть чистая миѳологія; и какъ мы не можемъ не употреблять метафорическихъ выраженій, то слѣдуетъ постоянно остерегаться, чтобы насъ не сбили съ толку сами слова, употребляемые нами, особенно въ вопросахъ, подобныхъ настоящему. То, что мы называемъ возрастаніемъ языка, заключаетъ въ себѣ два процесса, которые должны быть тщательно различаемы, хотя могутъ дѣйствовать одновременно*)

Эти два процесса Максъ Мюллеръ называетъ: 1. *діалектическимъ* возрожденіемъ и 2. *фонетическимъ* упадкомъ. Эти процессы свойственны и сартовскому діалекту.

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ, 12 ноября 1910 года.

*) Лекціи по наукѣ о языкѣ. Стр. 27—31.

О Б Р А З Е Ц Ъ

Современнаго литературнаго изложенија на сартовскомъ нарѣчїи*).

۱۹۱۰ نجی یلده ۵ نجی ایبولده ساعت اون یریمده
ایرته بیلان تاشکنددین ۵ نجی نومرایک مسکاری
پامناژبرسکی پویزد بیله روسیه دولتی نینگ قدیمکی
پای تختی مسکو شهر بیغه پویزد نینگ ایکنچی کلاس
خانه سیغه ۲۷ صوم ۹۵ تین غه بیلات آلیب جونادیم اوشل
کونی کیچقونون ترکستان شهر بیغه یتوب انده پویزد
۲۰ مینوت توختا کان وقتده بعضی ترکستانده کی احبابلار
ملاقات و ضیافت لاریغه مشرف بولدوک اندین جوناب
هر آن وهر زمانده دشت و دریا لاردین اوتوب بارار
ایدوم یولده برنیچه منزل لارده اوچ و بیش مینوت
توقف قیلغان وقتلارده بعضی جا یلارنی کورار ایدیم بو طرف
دا کی امتنسه لار هر قیوسی هم بر طریقه خوشرو و خوش

(*) Перепечатано изъ Туркестанской туземной газеты
1910 года № № 78 - 79.

منظر بولاسە ھەم ~~ا~~ كىشىدىن بىر چوقۇر ناملىك استىنسىە
كوب خوش منظر فرح افزا بخشى جاى ايكان ايكنچى
~~ك~~ونى عصر نمازنى ارل استىنسىە نىنك يوقارى صحىد
جماعت بىلە ادا قىلدوك يولدا ھەر قىواستىنسىە لاردا اول
موضىلاردا وجودى ممكن بولغان طعام وميوە لارنى
پويزد نىنك كىلىشىغە اول يرلىك آدملار كىلتوروب طيار
قىلوب تورار ايكانلار پويزد نىنك بىش مېنوت لىك توختاشىدە
اول استىنسىە لار بازار بولوب ھەر كىم خواھلاغانى نىنك آلاما كغە
دخىر بولادور مثلاً بىر استىنسىە دە موجود بولادور كان
نەرسە بىرنىچە روسسىە خاتونلار سمار قىناتىب استىنسىە دە
تيمور يول بىقىنىدە ~~و~~كان توختايدور كان جايدە
طيارلاب توروب بىرچاينىك آبخوشنى ۳ تىن وگاھى
۵ تىن ماتادورلار و بىرنىچە لارى بىنكى (بولكە) نان
پشىروب امىغلىغىن استىنسىە غە كىلتوروب پويزد كىلىشىغە
منتظر بولوب تورادورلار بها شولجايداغى دىك بىر بولكە
۵ تىن و باشقىلارنى قىناتىلگان سوت وچوجە ~~ك~~باب
و پشىرواكان گوشت دريا و دىنكىز بىقىنىدە بولگان
حالدا پشىرىلگان بايقى خلاصە كلام ھەر قىردە وجودى
ممكن بولگان ما كولات و مشروباتلار پويزد توختاشىغە

تیار قیلیندور هر کیم نمه نی خوا هلاسه الاردین آلیب غذا
قیلسه بولادور بو طریقه بسرعت سیر قیلماق ایله سنجی
کیچه سی سمر شهر بغه باردوم اما سمر شهر بده بزبارکان
پوبزدلار توختاب قالیب بزلا رنیمک مستکاوغه کیتته دورکان
پوبزدلارغه کوچوب اوتماغمز لازم بولدی بولطریقه
کوچوب اوتماق همه وقت همه پوبزد بیله یورکانلارغه
لازم بولور ایکان بولجا بده ~~کوچکان~~ وقتمزده کیچه سی
قرانغر بولکان وجهدین وهم برنجی درجه کوریلکان جای
بولکان سببلی نیمه قیلماق وقیو یرغه بارماق ومسکاو
پوبزدی قیسی وقیو طرفده ایکانین بیلمای وانی بیللامای
درحیرت بولکان لارنیمک حسابی یوق سمر شهری نیمک
واکزالی خیلی کته ایکان اندین اوچ و تورت طرفغه
پوبزد کیتار ایکان انداق جا بده مسافرلارنیمک داشماغی
جوده کوب هر وقت موندین خالی بولما بیدور خصوصاً
روسچه سوزلاماقنی بیلماکان آدملا ر اداشماغی جوده
آسمان و هر وقتده واقع بولادور اولجا بده روسچه سوز
لاماقنی بیلادورکان آدملا ر هر نچوک بولسه هم اوز حوابج
لارین اصلا حیغه بی مشقت واصل بولماقده ایکان چنانچه
روسچه (نامیلچیک) یعنی هر نچوک اسبابلارنی کوتاربب

مقامیغہ بتکوریغوی دیمک دورلارکە آلا ر هر قیو واکزال
لارده متصدیلار اختیار و قبول لاریغہ موافق هر قیولاری
خزینہ غہ برپوز صوم کرا و قویوب از دین صونک مذکور
خدمت غہ مرخص بولوب هر قیو واکزال لارده انکە
اوخشاش آدم لار قنچه قنچه سی پویزد کیلیشغہ و کیتیشیغہ
طیار بولوب توروب کیلسکان و کیتکان مسافرلار نینک اسباب
لارین وکانلارغہ جایلاب و مسافرلار اوچون وکاندین جای
تاپیب الارنی ایشلارین سرانجام قیلوب اون تین بکر مه تین
آلیب انینک ببله زنده کارچیلیک قیلادور روسچہ بیلغان
آدملار هر نچوک خدمت لارین الارغہ بویوروب قین لارین
آسان قیلادورلار و باشقه خصوصده هم هر وقتده هر کیم
ببله معامله قیلماقدہ توقف قیامای ایشلاری تیزلیک ایله
بتور ایکان اما اواجایلارده انداق نخذمتچی لار نینک
خدمت غہ لایق کورکان حالده لازمدورکە الار نینک
بوینیداغی نومرلار نیچه و قنچه ایکانین بیلماق والا اندین
اداشیلسه تابماق دشواردور من راقم حروف اول مهر
شهریده وکاندین کوچکان وقتیمده دفعته برنامیلچیک
نی چقریب تمام اسبابلاریمنی انکا تابشروب مسکا و طرفیغہ
بارادورکان وکان غہ ایلتوب جایلاغیل دیب اوزوم

ھەراھ يوردوم ھەھ اسبابلار يەنى كوتارىب مسكا و طرفغە
 كىتادورگان و كانغە آليپ بارىپ مەنىنىڭ اوچون يىخشى جاي
 تاپىپ واسبابلارنى جايلاپ خاطر جمع قىلىپ رخصت
 ھوراب خذمت حقىن آليپ مراجعت قىلدى اندىن كىچە
 ھى جوناب ايرتە صيغە ايرتە بىلان سىزران دىگان جايغە
 بار كاندە عادت غە موافق يەنە و كاندىن و كانغە كوچماق
 لازم ايگان يەنە كوچوب اوتوب يەنە كوني رزان شەرىغە
 داخل بولدوم اندە تكليف قىلوب بارماغىمنى طلب قىلغان
 كىمىرال بىلە واگزالدە تاپىشوب اندىن سونك آينىڭ
 اويغە جونادوك واگزالدىن چىقكەن حالدە معلوم
 بولدىكە اول كىمىرال نىنىڭ اوزى نىنىڭ كلاسكە ھى كوتوب
 تورغان ايگان انكە اوتوروب اويغە باردوك

اول كىمىرال اويغە كىلوب كوردومكە منكا يازغان
 خىر لارىغە موافق مەنىنىڭ اوچون بىر خانە اويىنى تەمام
 زندە كارلىك اسبابى شەكراوت وتوشك و آزادە جاي
 شەب و غىرى استقامت غە لازم بولادورغان اسبابلار بىلە تەمام
 تيار قىلىنكان ايگان اول اويغە مەنى كىر كىزوب تا
 وقت مراجعت اوشىو اوى سزنىلى دىب يەنە ايكى خذمت
 كارلارنى چقريب الارنى منكا كورساتوب بونلار ھەم

سزىنىڭ خىزمىتى كارلار يىڭىز دىپ تەيىن لادىلار اندىن سونىڭ
من هم اول اويغىغا سغرى اىبابلار منى قويوب اندىڭ
توقف قىلىپ چاي اېچىپ كىنىرال جنابلارى ايمدى
كوچىغا چىقىپ تاماشا قىلامىز دىپ كوچىغا چىقىدۇڭ
اندىن اول رزان شەرى نىڭ جنوب طرفىدە (آكو)
درىياسى بار اىكان تاماشا قىلىپ انكا درىيالىغىغا باردۇڭ
اندە بر آز تاماشا قىلىپ اندىن قىتوب رزان شەرىدە غى
واينىنوى صابرانىيە غە كىلوب مذكور كىنىرال نىڭ عسكرىيە
خصوصىدە غى خىزمىتى لارىن اداره مى هم اول واينىنوى
صابرانىيە اىكان اما ارشل كرن اول كىنىرال غە تابع
افىتىرلارى دىن برى ترقى قىلىپ بر كنه منصب غە
منصوب بولغان سىبىلى انىڭ كوزاتماق اوچون واينىنوى
صابرانىيە دە كوب كته مجلس واولوغ ضىيافى اىكان من
صابرانىيە غە كركانىم حالده منىڭ همه اولجايدە غى افىتىر
لارىيە تانىشىدوروب آشنا قىلدىلار اول ضىيافتدە ارتور وشوب
كون كىچ بولدى اويغى قىتوب رخت خوابدە آرام
آلدوم بىنە ككونى ايرتە بىلان اويغى چاي اېچوب
بعدازان اول شەرنى كورماق اوچون بر ئىچە الوغ
وكىچىڭ جايلارغە باروب كىچىغىچە خىلى تاماشا قىلدۇڭ

اولكونى كىچقرون هم يىنه واينىنوى سا برانپه ده اوتور وشوب
 كىچوقتده مراجعت قىلدوك يىنه كوزده كوندوزى برنچه
 جايلارنى تاماشا قىلب كىچقرون مذكور آكو دريا هيدده
 يورادوركان پاراخودغه باريب يا اخشام طعامين انده
 يمك بولوب يىنه بر افيتسر بيله اوچ كشى بولوب پاراخود
 ده تاماشا قىلوب يىنكى بليغ پشر توروب غذا قىلدوك
 عجب كه اول پاراخودلارده بليغنى توتوب مېت غه ساليب
 يىنه درياغه تشلاب بايلاپ قويور ايكان كم خوا هلامه اندين
 برينى آليپ اولدوروب تازه لاب پشوروب تيارلاب برور
 ايكان انده كىچ وقت غچه اوتوروب تاماشا قىلوب مراجعت
 قىلوب يىنه كوني بر نچه جاى رءسكلارنى وغىرى عجيب
 وغريب جايلارنى تاماشا قىليپ بر باغكه كرديم آينىك نامى باغ
 هشارى ايكان انده كى عجايبات لارنى تاماشا قىليپ
 كوردومكه انده بر نچه قراغاي نو پيوند قىليپ تىكلانكان
 وانكا نردبان غه اوخشاش پابه ميخ لانكان اوستيدده
 اوزبمزانينك مسلمان دار باز لارنى دار اوستيدده غى چادر
 لارى ديك آق رقىزل نمرسه لار بيله چادر قىلمىنكان وانينك
 بلند ليغى وارزنى اون ارچ سرچين يعنى اوتوز توقوز كز
 ديديلار وانينك آلدېده بر كچيك خوض چه قىلمىنكان

واول حوض چه سوغه تولاگان بر پاش یکتیت اول بلند
دار اوستیغه چقیب اول حوض چه غه تاشلار ایکان
اول حوض چه نینک چقور لیغی ایکی کردین زیاد ایمس
اما بول شهرده برنجی کون تورکانمه اهل اسلام دین
هیچ بر کسه کورینمادی ایکنچی کونی صابرانیه ده
اوتورکان حالده بواجایدده مسلمان بارمو دیب
سوره کانم حالده اول کینیرال وافیتسرلار کوب ملا حظ
قیلوشوب بر کنه مسلمان بولمه کرک دیب انکا قزاق روس
عسکر یباریب آلدیروب کیلدیلار اول بیچاره تاتا
فرقه سیدین بولوب اول شهرده قمز ساتوب زنده کار
چبلیک قیلور ایکان عسکر چقوریب تیزلیک ایله کیلتوروشی
دین کیفی قاچیب رنکی اوچوب حیران لیک ایله کیلدی
ینه وایننوی صابرانیه نینک باغچه سیغه بزلا اولتورکان
جایغه محکمه لار ایچیدین آلیب کیرکانده حقیقت حال
نمه ایکانین بیلغونچه کوب اضطرارده ایکان من آنینک
احوالین اوزاقدین کوروب تسکین خاطراری اوچون
دفعته استقبال قیلوب یقین باروب خاطر جمع لیک سوز
لاردین سوزلاب تنیچ لاپ اوتقوزدوم آنینک بیله بعضی
احوالات دین سوزلاشکانم حالده معلوم اولدیکه اول

شەرد، مسجد يوق بىر نېچچە اوبىلىك آز غنە مسلمان لار بار الار هم شەرنى ھىر قىو طرفىدە پىرا كىند، ايكانلار واول كىلىكان قەز فروش آدم نىنك او كاسى پىتر بورغ يقىنداغى كرانشتاندا وایننوى او كازناى امام اىكان من الار نىنك مسلمان اهلى بولوب مسجدلارى يوق ایغى غە افسوس قىلد بىم تعجب قىلد بىم كه پادشاه اعظم ايمپىراتور دىم نىنك زمانلار دىدە ھىر كىم اوزى نىنك دىن و ملتىدە بىر قرار فارغ البال كىف پشاخىر بولغان حاكە نچوك الار نىنك مسلمان بولوب مسجدلارى يوق و كم بولسە لار هم اوتوز اوبىلىك مسلمان لار بار ايكانلار

باوجود بىر نېچچە كون تورغان وقتەدە اول قەز فروش آلتان باى ملانى چقريب سوزلاشوب تور دوم اندىن سونك مذكور كىنىرال جنابلارى بىلە مسكا و شەرىغە چوناك و ك زاندىن مسكاوغە تورت ساعت لىك يول اىكان قىيامدە آتش عرابە غە اوتوروب ساعت تور تەدە مسكا و شەرىغە يتدوك ايول آيغە ۱۳ نچى ابدى شولكون بزدىن اندك ايلكارى سىل كىلوب كوب جايلارنى سو باسوب كوچە لار دە بعضى ضعفالار غرق بولكان و خىلى مشقت بىلە خلاص بولىنكان اىكان اما باران نىنك اثرى من

بارداندە ھەم بار ایدی مسکاو شھری نینک واگزالی عجب
بر کتە عمارت ایکان کیم پویزد کیلکان حالده ھەم
پویزد و وکانلار اول عمارت ایچیغە کیروب توختار ایکان
بر قنچە جای فقط واگزال اوچون عمارت قیلینکان ھەر
طرفدین کیلکان پویزدلار کیروب توختاماغی اوچون
اول عمارت لار ایچیغە بر نیچە تیمور بول قیلینکان پویزد دە
کیلکان آدملار دفعتە پویزد بیلە کیروب عمارت ایچیغە
توشار ایکان اندە کیلکان حالده پویزدین چاقوب
عرا بە غە اوتوروب جوناب بالشای قاضیخان کوچە سیدە
۸ نچی نمرایک حوالیغە توشدوک اول حولی نینک عمارتی بیش
آشیانە بر عجب مزین عمارت ایکان اوشل حولیدە یوز
دین زباد کیورتیلار بار ایکان بز ایکنچی آشیانە دە
بر کیورتیلر توردوک بز اوچون ایکی خانە اوی تیار
قیلینکان ایکان اندین سونک بر نیچە کون مسکاو شھرینی
تماشا قیلب ھەر نچوک باغلار وبوستانلار وکتە عمارت لار
واوردە لار وغیری عجب وغریب لارنی کوردوم مسکاو
شھرینی قدیمکی زماندە غی احوالیدین خیلی علامات
لاری بار ایکان چنانچە قدیمکی پادشاھلار مسکاونینک
طرافیغە قورغان قیلغان ایکانلار اولقورغان تاشکند نیکی

دېڭ لاي وگيسك دىن بولماي بلكه همهسى فشق نداشت دىن
 دور كه اول قورغان اوستيده عرابه نورماق ممكن دور
 حالا هم اول قورغان بى شكست بتون توروبدور ايكن
 اول وقتده هر جايدە دروازه لارى بولور ايكان ايمدى
 دروازه لار يوق و قديمكى اورده نى كرىملى ديب ايتور
 ايكانلار انينك اطرافى خيلى محكم و محفوظ ايكان اول
 اورده نى صحنيدە بر نيچه مينك توپلار تحلانوب ياته
 دور الار همهسى فرانسوزلار پادشاهى نغاليون دىكان
 نينك توپلارى ايكان كه انينك قصهسى قسقه درجه ده
 بودور ۱۸۱۲ نجى يلدە نغاليون اوچ يوز مينك عسكەر
 بيله روسسيه طرفيغه كىلوب اوروش قىلوب بالاخير مسكاو
 شهرينى هم آليب عسكەرلارى بيله مسكاو شهريدە توختاكان
 زمانيدە قش وقتى ايكان وهم مسكاو خلقى همه
 بار نمرسه لارين آليب مسكاو شهرينى تاشلاب قاچيب
 كيتكان ايكان اولوقتده مسكاوده شهرليك ققرا دىن هيچ
 كيم قالماي شهر بوش قالغان سببلى عسكريه غه وحيوانات
 لاريغه اوقات بولماي ناپاليون عسكرى آچليكدىن
 ساوقدىن هلاك بولوب قالغان لارى همه اسباب
 لارين تاشلاب اوز اوزيدىن قاچيب كيتكان ايكانلار اما

ناپاليون ديكان فرنگ پادشاهى مسكاو شهريده ايكي
كون كنه توروب مراجعت قىلغان ايكان اول اورده
صحنيده غى توپ لار بر كنه نپاليون نيكي بولماي باشقه
هرخيل پادشاه لار توپلارى هم انده بار سبب شولكه
نپاليون خيلي زور پادشاه بولوب باشقه بر نيچه پادشاه
لار نينك شهرلارين آليب لار نينك اسباب واصلح، لارين
يغوب آليب كيلكان آلارنى همه مين مسكاو دين قاچكان
وقتیده مسكاوده قالدوريب آليب كيتما كغه امكاني
بولمکان وهم اول صحن ده تيمور اوق وتيمور غيلديرك
اوستیده توزغان بر نچه كته توپ لار بار هر قيو مين
اوزون ليغى تورت كز و بيش كز و آلتى كز بولادور
خصوصا الار ايچيده بر توپ بار كه آنى مسكاو اهلى
پادشاه توپ (تسر پوشك) ديب ايتور ايكانلار اول توپ
نينك اوزون ليغى ۷ بر ييم كز ويوغان ليكى و آغزى بر كز
چهاريك كز انينك هم غيلديرك لارى وشاتى مى و اوقى
چو وين وتيمور دين و آغز ليغى ۲۲۵۰۰ پود اوقى ۱۲۵ پود
۱۵۸۶ نچى يلدە مسكاو شهريده قويولكان ايكان اما
بول توپدين هيچ وقت آتيلمکان ايكان انينك قتار يده كوب
هرخيل توپلار بار كه الار وقتیده خدمت كور ساتكان

ایمدی اسباب سلطنت قتلاریده تورماقدہ ایکان واول
توب لار نینک همه سی نینک غلديراك وشاتی لاری چوین
دین بولکان اوچون همه جایلاریده غلتی کل لار اویولکان
و کوب چرا یلیک یسالکاندور

وباشقه کونی مذکور شهرده کریملی ایچیده قدیمکی
پادشاه لار اوردہ لارین کورماقنی خواہلاب ینہ کریملی
غہ کیردیم یولده بردانہ کتہ قونغراق کوردوم کہ کتہ
لیغین بیانی مبالغہ کہ اوخشامہ کیرک آنینک وزنی
۱۲۳۲۷ پود ۱۹ قداق ایلانہ سی ۶۵ (فوت) هر فوت لغات
اجنبیہ ده اون ایکی دویمہ بولور ایمیش بلند لیغی
مذکور حسابده اون توقوز فوت اول قونغراق تیلی
نینک اوزون لیغی ۱۷ فوت بولوب نصاری اہلنی بر
یوزیدہ غی عبادت خانہ لاریدہ موندین کتہ قونغراق بولمسه
کیرک روسیہ اہلی آنینک قونغراق لار پادشاهی دیب
اتای دورلار ایکان ولیکین ہیچ وقتدہ برار بلند جایغہ
آسیب چالینکان ایمسدور اندین اوتوب اوردہ
غہ کردیم اوردہ ایچیدہ غی کوریلکان نمرسہ لارنی
ایتوب و بیان قیلوب تمام قیلوق ممکن ایماسدور اما من
اولجایدہ غی اوردہ کی همه جایلارینو حتی قدیمکی پادشاه

لارنى يوركان و توركان جايلارنى و تخت لارنى
تمام كوردوم بو طرفده انكا اوخشاغان عمارت هيچ
برجايدە كوريلماس حتى كه برنچه مرتبه خوقند خانلغى
وبخاراي شريف امير ليغى نينك اوردە لارين كوركان
ايديم اولجايلارده بو كوريلكانلاردين هيچ بر نمونه
كوريلكان ايدى اول اوردە نينك پست و بلند لارين
همه مين تماشا قىليپ اندين چقيب (واروژينى پالات)
يعنى اسباب سلطنت ديكان جايعه كرديم انده كوردوم
رومسيه ده پادشاه ليك و كناز ليك باشلانكاندين بيري
بولوب اوتميش پادشاه لار تاج لارى والار هر قيو پادشا
لار بيله اوروشكانلاريدە غنيمت آلكانلارى عجيب و غريب
نمرسه لار و قديمكى پادشاه لار توتكان اسبابلار و عرابه
لار و هر قيو پادشاه لاردين كيلكان تارتق و هدبه لار
و قديمكى پادشاه لار اوروش وقتيده كيا دوركان و توتا
دوركان هر خيل تيمور و پولاد و آلتون و كوميش اسبابلار
عجيب و غريب ملتىق رقاچ لار و باشقه و باشقه كوب هر
خيل نمرسه لار خصوصاً پادشاه لار باج لارى بر عجيب
كور و نيش بيرادور كيم همه مى الماس و بريليانىت قداليب
آرتوقچه زينت بيريلكان بعضى ناج لار نينك قدرى نى

يكرمه ميليون صوم بها قىلادورلار خصوصا بر تاج
 اوستيده بر دانه زمره كوردوم كه خراج ممالك انينك
 قدر يغه كم ايك قىلور خلاصه شولده هر قيو آدم اوزى
 كوروب قانع بولامسه الارنى بيان وتوصيف قىلماق ابله
 توشونتوروب بولمايدور اندين چىقيپ بر نيچه موزى
 عجايب خانه لارغه كردوم الارنيزك ايچيده خصوصا بر
 موزى غه كردومكه انينك ايچى بر محله ديك كته بولوب
 نده جميع عالم داغى مخلوقات نينك تصوير لارى مجسم
 قىلينكان بار ايكان مثلا روسيه تابعى داغ و خلايق لارنى
 همه بين صورت واسب لارى بار دور كه انينك ايچى كوبا بر
 بازار بولوب هر كيم اوز ايشيغه مشغول طريقده دور
 وبر نيچه كنه مكازين لارغه كردوم بر نيچه فاهاز لارنى
 سير قىلدم الارنى مصداقى بو طرفده هيچ بولامكان
 سببلى بيان قىليپ توشونتوروب بولاماس وبر ميوه مكازين
 غه كردوم فقط انينك عمارتى اوچون بيش ميليون صوم
 صرف قىلينكان ايكان انينك تعميرى نينك آزاده و خوش
 منظر ايغيدين شمه بيان قىلماق هم ممكن ايماس اول
 مكازين نينك بر خانه اويى نينك اينى وبوبى ۶۵ قدمدين
 كىلدى انده بر قداق اوزوم ۱۵۰ تين دين بر صوم غچه بار

بر دانه تر بوز ۸۵ تین یازیلکان کوریلدی تاشکند ده
بیش تین بولسه کیرک وهم بر خیل شغتا لوالاسترخان دین کیلور
ایکان آنینک بر دانه سی ۸۵ تین وبر صوم بولور ایکان
مسکا و نینک کوچه لاری همه سی تاش تیریلکان کوب آزاده
بولوب اکثر کوچه لاریغه میمان وموم قویاکان مسکا و
شهریده من بارکان وقتم یازده آدم کم قالکان صیبل
ایزباشچیک لار هم کما بوب ۱۸ مینک عدد قالغان ایکان اما
قیش وقتیده ۴۰ مینک دین زیاده بولور ایهمیش موند بن بشقه
ایلیکتربچیسکی تیراموای بیش مینک واقتامابیل بیش
مینک بولوب همه سی حرکتده ایکان کیم بر کونی بر
چهارسو جایده عراقه لاردین اوتماق مشقت بولوب
توختاب تورکان وقتیده هر طرفدین کیلادور کان تراموای
لارنی بر قراش وبر نظرده کوروب منادیم اون عدد
بولوب ینه همه سی آدمغه تولا ایدی وموندین باشقه
افتامابیل وایزواشچیک لار همه میده تولا آدملا یورماقده
ایدی ومسکا و شهریده نیلیفون ۳۵ مینک وقرق مینک
عددغه یقین وبلکه زیاده بولسه احتمالی بارلیکین هیچ کوچه
ده برار میم کورونمایدور خواه تیلیگرام وخواه تیلیفون
همه سی برنینک آستیده بولوب کوچه لارده بعضی

جايدە تيمور قفقاق تېلېنىكان جايلار دە غنە آچىب
 كورما كغە بولادور وموندىن بشقە اندا كى عمارت
 لار يتى قبت بولسە هم انىنك اوستيدە خانە
 بخانە آقرسو موجود دور شهر دىن ۱۶ چقرىم جايدىن
 ميل بىلە پا كىزە سو كىتوروب همە جاينى مىراب
 قىلىنىكان ايكان

مسكاو شهرىدە ۱۲ كون توركانىم حالده كوب
 جايلارنى كوروب انىنك برابرنده بر نىچە پاشا لارنى
 كوردوم كه الارنىنك عمارتى اوچ تورت قبت ايكان
 خصوصاً بر مكازىن كوردوم كه انىنك مغازە مىرمورىلېز
 دىرلار انىنك عمارتى يتى قبت ايكان هر قىوآشيانە مى دە
 بر خىل مال ساتما كغە مخصوص مكازىن ايكان انىنك همە
 آشيانە لارىغە چقدىم همە مىن تماشا قىلدىم واندىن
 سوغات اوچون خىلى آلتون وكومىش اسبابلار آلدىم اول مكازىن
 نىنك كتە ايغىن شوندىن بىلسە بولادور كه سودا دىن
 توشە دوركان اقچە لارنى آلاماق اوچون ۳۳ كسە يعنى
 خزىنە چى بار ايكان وليكىن اوامكازىن همە وقت سودا كر
 دىن خالى بولماي هر وقت نچند مشترى لار بولادور
 خرىدارلار يوقارى آشيانە لارغە چىقماقلارى مشقت

بولماسون اوچون اول مكارزبنده ايكي جايدە كوتارپلا
دوركان ماشينه لار بار هر قنفاق آدم مكارزبنغه كريب
اول ماشينه آلدبغه باريب چقماقغۇ خواھلاسه آينىك
مۆكلى حاضر توروب قيسى آشيانه غە ديسە بى توقف
چيقاريب قوبادور پست غە نوشماكدە هم اينچنين
توشوروب قوبادور اما اندين باشقە بوقاربنغه چيقماق
اوچون زينه پايە هم بار اول مكارزين نينىك همه آشيانه
سيدة هر خيل سودا بولوب اينىك اوستيده چاينخانه وقهوه
خانه بار ايكان كيم تماشا اوچون باركان آدم لار انكا
كيروب كورماق وتماشا قيلماقلارى هم ممكن دوروبولاردين
بشقه من تاشكند دبن جوناماق وقتيمده هر قيو آشنالار
مسكاو شهر يدبن اوزلاربنغه معقول بولكان جايلارنى
كوركايىز ديب تعين وبيان قيلغانلاريدە بعضى بر آشنا
لار مسكاو شهر يدە كته مدرسه لارنى كوركايىز وانده
غى ترتيب وتعامل لارنى بيلغاي سز كم سز اوچون لارنى
بيلماق كوپ فايدە اينىك ومنفعت اينىك بولسه كيرك
ديكانلاربنغه قراب بعضى كته مدرسه لارنى كورماق
اوچون بارديم تعطيل ميبلى الاردە هيچ كيم بولماي همه
سى بىك ايكان لارنى هيچ كم بولمغان وقتدە كورماق

اوزومغه هم معقول بولمغان اوچون كوب ميل هم قيلمای
 اندك افسوس قیلغان ایدیم که اندکی لارنی تحصیلین
 کورالمادیم واندە تحصیل قیلادورکان لار قوه علمیه لاری
 قیو درجه ده بولوشی معلوم اولمادی دیپ اما اتقاقا
 آتش عرابه بیلە سفر قیلغان وقتیمده بولده بر وکانده
 بر آدم بیلە رفیق بولوب تانیشدیم کوردومکه اول آدم
 مسکاو داغی له زه ریوسکی اینستیتوتده ختم قیلغان واول
 مدرسه نینک بخشی ختم قیلغان لارغه بیرادورکان نشانین
 تاقغان ظاهرا برار ینتالیست یعنی السنه شرقیه عالم
 لاریدین ایکان آنینک بیلە بو طریقە بیکارلیک وبوش
 وقتیمده سوزلاشماقغه قزیقوب بر چای دملاب آنینک
 اندک صیافت چه قیلوب احوالین مشاهدە قیلدیم که
 آنینک بشره سیدین اندک سرتچه تیل بیلادورکان غه
 اوخشادی آنینک بیلە سوزلاشدیم اول السنه شرقیه نی
 ازک بیلور ایکان اما شول سوزی منی حیران لیکنه
 مالدی کیم الار هر قنچه تحصیل قیلسه لار هم سرتیه
 تیلیداغی زمان حال وزمان مضارع نی اوزرای لاریدین
 چیقاریب بوسرتیه شهرلارده هیچ کیم ایتمایدورکان اصطلاح
 پیدا قیلغان ایکانلار مثلاً قیلماق دیکان سوز نینک زمان

حالده قیل یاتوبمن باره من بیره من دیکان فعل مضارع
لارنی زمان حالغه تعبیر قیلوب انینک اورنیغه قیلارمن
بیرارمن کورارمن غه اوخشاش سوز لارنی فقط مضارع
دیپ مناظره قیلا باشلادی من انی دفعته رد قیلمای
اندین سوال قیلدیم سزلار شوندای او قویسزمو یا که
بول فقط اوزینکرنی سهوینکرمو دیکانیمده بزلار شونداق
او قودوک و غلط ایماس دیپ سوزیده برقرار توردی
اندین من دیدیم سزنینک قولینکزچه (قیلامن) دیکان
سوز زمان حالده ایتولادورکان بولسه مثلاً بول ایشنی
ایرته غه (قیلامن) دیسام قیلامن دیکان سوزوعنی نیمه
دیرمن بو جمله ده اول سوز زمان حالده دور یا که زمان
مضارع دور دیکانیمده ایرته غه واقع بولادورکان فعلنی
زمان حالده دیماقدین عاجز بولوب حیران بولوب
توختادی اما اول ارینتالیست بولسه هم بزنینک اصل
تیلیمنی تمام بیلامکانیغه تعجب قیلما دیم زیرا که هر
قنچه تحصیل قیلسه هم انکابزنی تیلمنز اجنبی تیل اولوب منینک اوز
تیلیم دور که روسچه نی من آنینک دیک بیلامغاندیک اول
هم هر قنچه نی منینک دیک بیلاماس دیپ فکریمنی تمام قیلدوم.

